

Victor Klemperer

Das Tagebuch 1933-1945

Eine Auswahl für junge Leser
bearbeitet von Harald Roth

Berlin 1997

Виктор Клемперер

**Свидетельствовать
до конца**

из дневников 1933–1945

Перевод с немецкого
Елены Маркович

Издательская групп «Прогресс»
Москва
1998

Состав и подготовка текста оригинала Харальда Рота

Послесловие Т. А. Бек

Художник А. Ю. Никулин

Редактор Л. И. Павлова

Данное издание выпущено в рамках программы

Центрально-Европейского Университета «Translation Project» при
поддержке Центра по развитию издательской деятельности
(OSI-Budapest) и Института «Открытое общество. Фонд
Содействия» (OSIAF-Moscow).

Die Herausgabe dieses Werkes wurde aus Mitteln von INTER
NATIONES, Bonn gefördert

Издано при финансовой поддержке фонда ИНТЕР НАТИОНЕС,
Бонн

ISBN 5-01-004634-2

© Aufbau Taschenbuch Verlag GmbH, Berlin 1997

© Перевод на русский язык Е. Маркович, 1998

© Послесловие Т. Бек, 1998

Даты жизни и творчества

- 1881 Виктор Клемперер родился 9 октября в Ландсберге-на-Варте (в настоящее время — Гожув Велькопольский, Польша).
Отец: раввин, доктор Вильгельм Клемперер.
Мать: Генриетта Клемперер, урожд. Франке.
- 1884 Семья переезжает в Бромберг (в настоящее время — Быдгощ, Польша).
- 1890 Семья переселяется в Берлин, Альбрехтштрассе, 20. Отец становится вторым проповедником реформированной еврейской общины Берлина.
- 1893 Учение во французской гимназии Берлина.
- 1896 Переход в гимназию Фридриха Вердера.
Переезд семьи Клемперер на Винтерфельдштрассе, 26.

- 1897 Ученичество в торговой экспортной фирме «Скобяные и галантерейные товары»
Лёвенштайна и Гехта,
Александриненштрассе, 26.
- 1900–1902 Обучение в Королевской гимназии
в Ландсберге-на-Варте, сдача экзаменов на
аттестат зрелости.
- 1902–1905 Изучение философии, а также романской
и германской филологии в университетах
Мюнхена, Женевы, Парижа и Берлина.
- 1905 Пребывание (с образовательными целями)
в Риме.
- 1905–1912 Журналист и писатель в Берлине.
- 1906 Женитьба на Еве Шлеммер.
Квартира на Денневицштрассе.
Летняя квартира в Ораниенбурге.
Переезд в Берлин-Вильмерсдорф,
Веймаришештрассе, 6а.
«Счастье». Повесть.
«Сестрички». Детская книжка с картинками.

«Изречения из Талмуда».

Культурно-исторический очерк.

1907 «Пауль Гейзе». Монография.

1909 Переселение в Ораниенбург.

1910 «Из череды суровых и относительно спокойных дней». Рассказы и фантазии.
«Берлинские ученые авторитеты».

«Немецкая гражданская поэзия от периода Освободительных войн до образования империи». Часть первая:

литературно-исторический очерк. Часть вторая: собрание стихотворений.

1911 Возвращение в Берлин-Вильмерсдорф,
Холштайнише-штрассе.

1912 Крещение и переход в евангелическую церковь. Переселение в Мюнхен,
Рёмерштрассе.

Продолжение занятий в университете.

1913 Подготовка и защита докторской диссертации, под руководством Франца

Мункера и Германа Пауля, на тему
«Предшественники Фридриха Шпильгагена».
Второе пребывание в Париже. Изучение
творчества Монтескьё и подготовка
диссертации.

- 1914 Защита диссертации о Монтескьё для
получения доцентуры у известного
профессора романской филологии Карла
Фосслера.
- 1914–1915 Чтение лекций в университете Неаполя
(в качестве приват-доцента Мюнхенского
университета). «Монтескьё». Монография
в 2-х томах.
- 1915 Добровольное поступление в действующую
армию (на фронте с ноября 1915 г. по март
1916 г.).
- 1916–1918 Цензор книжных изданий в отделе прессы
военной оккупационной администрации
литовского города Ковно (с 1917 г. — Каунас)
и в Лейпциге.

- 1918 Возвращение в ноябре в Лейпциг,
Райхельштрассе, 16.
- 1919 Переезд в Мюнхен, пансион Михель,
Байерштрассе, 57. Переселение в пансион
Берг, Шеллингштрассе, 1. Внештатный
профессор Мюнхенского университета.
- 1920 Переселение в Дрезден; пансион Бланке,
Бендеман-штрассе, 3. Переезд на квартиру
на Гольбейнштрассе, 131.
- 1920–1935 Ординарный (штатный) профессор
романской филологии дрезденского
Высшего технического училища.
- 1922 «Введение во французскую литературу
XIII–XVII веков». Тексты и комментарии.
- 1923 «Новая французская проза 1870–1920».
Историко-литературные исследования
и характерные сопутствующие тексты.
- 1924 «Романские литературы от периода
Возрождения до Французской революции».
Справочник по литературоведению.

Составители: Виктор Клемперер, Хельмут Хатцельд, Фриц Нойберт.

- 1925–1931 «История французской литературы в пяти томах». Том пятый: «Французская литература от эпохи Наполеона до современности». (Новое издание 1956 г. под названием: «История французской литературы XIX и XX веков».)
- 1926 «Своеобразие романской духовности». Культурноисторическое исследование. «Заметки и исследования по современной французской прозе».
- 1928 Переезд на Хоештрассе, 8.
«Романские литературы». Статья в 3-м томе «Словаря реалий немецкой истории литературы», изд. Паулем Меркером и Вольфгангом Штаммлером.
- 1929 «Идеалистическая история литературы». Основополагающие принципы подхода и опыт интерпретации литературно-исторического материала.

«Современная французская поэзия с 1870 года до наших дней». Исследования и сопутствующие тексты.

- 1933 «Пьер Корнель».
- 1934 Переезд в собственный дом в деревне Дольцшен, близ Дрездена, построенный Клемперерами на купленном ими земельном участке по адресу:
Ам Киршберг, 19.
- 1935 Увольнение из дрезденского Высшего технического училища, согласно принятому 7.4.1933 «Закону о государственных служащих».
- 1940 Изгнание из дома в Дольцшене.
Принудительное поселение в так называемом «еврейском доме»,
Каспар-Давид-Фридрихстрассе, 156.
- 1942 Принудительное переселение в другой «еврейский дом», Дрезден-Блазевиц,
Лотрингервег, 2.

- 1943 Принудительное направление на работу в фирму Вилли Шлютера, Вормсерштрассе, 30с; затем – на картонажную фабрику Адольфа Бауэра, Нойегассе, и, наконец, на бумажную фабрику фирмы «Тимих & Мёбиус», Ягдweg, 10. Новое принудительное переселение в «еврейский дом» на Цойгхаусштрассе, 1.
- 1945 13 февраля: бегство после разрушительного воздушного налета на Дрезден в Писковиц. 4–6 марта: дальнейшее бегство через Пирну в Фалькенштайн в Фогтланде.
3 апреля: через Швайтенкирхен (6.4) и Мюнхен (8.4) в Унтерсбернбах (12.4).
17 мая: возвращение через Мюнхен (22.5), Регенсбург (30.5), Фалькенштайн (5.6) в Дрезден.
- 1945 Восстановление в должности ординарного профессора дрезденского Высшего технического училища (до 1947 г.).

Вступление в Коммунистическую партию Германии (КПГ).

1947 «LTI». Записная книжка филолога.

1947–1948 Ординарный профессор университета в Грайфсвальде.

1948–1960 Ординарный профессор университета в Халле.

1950 Депутат Народной палаты ГДР от фракции Культурбунд (Культурный союз демократического обновления Германии, образован в 1945 г.)

1951 8 июля умирает Ева Клемперер.

1951–1954 Ординарный профессор университета в Берлине.

1951 Doktor honoris causa (почетная докторская степень, присуждаемая без защиты) и почетный педагог дрезденского Высшего технического училища.

1952 Женитьба на Хадвиг Кирхнер.

Присуждение Национальной премии ГДР III класса по искусству и литературе.

- 1953 Избрание членом Немецкой академии наук в Берлине.
- 1954 «История французской литературы XVIII века». Том 1.
«Эпоха Вольтера».
- 1956 «До 1933/После 1945». Сборник статей.
Награждение орденом ГДР «За заслуги перед Отечеством» II степени (серебро).
- 1960 Виктор Клемперер умирает 11 февраля в Дрездене. Присуждение премии Франца Карла Вайскопфа Немецкой академии искусств в Берлине (посмертно).
- 1966 «История французской литературы XVIII века». Том 2. «Эпоха Руссо».
- 1989 «Curriculum vitae». Воспоминания филолога. 1881–1918.
- 1995 «Я хочу свидетельствовать до конца». Дневники 1933–1945.

Премия имени Ганса и Софи Шолль города Мюнхена (посмертно).

1996 «И все так неопределенно». Дневники июня–декабря 1945.

«Собирать жизнь, не спрашивая „для чего“ и „почему“». Дневники 1918–1932.

1933

9 марта, пятница вечером

30 января: Гитлер — канцлер! То, что я до дня выборов¹ — воскресенье пятого марта — называл террором, было лишь мягкой прелюдией. В точности повторяется ситуация 1918-го, только под другим знаком — под знаком свастики. Снова поражаешься, как все было непрочно, как все вмиг рухнуло. Где Бавария, где «Рейхсбаннер»² и т. д. и т. п.? За восемь дней до вы-

¹ Первые при Гитлере выборы в рейхстаг состоялись 5 марта 1933 года.

² Рейхсбаннер шварц-рот-голд» («Имперский флаг черно-красно-золотой»), основанная в 1924 году военизированная организация, ставившая своей целью защиту Веймарской республики и ее конституционных установлений. После 1930 года не могла противодействовать росту антидемократических сил; в 1933 году запрещена.

боров — неуклюжая история с поджогом рейхстага; не могу себе представить, что кто-нибудь всерьез думает, что это сделали коммунисты, а не платные (¤) агенты. Затем эти дикие запреты и акты насилия. И чудовищная — на улице, по радио, всюду — бесконечная, навязчивая пропаганда. В субботу, четвертого, я слышал кусок гитлеровской речи из Кёнигсберга. Ярко освещенный фасад привокзального отеля, предварительное факельное шествие, на балконах — также люди с факелами, реют знамена со свастиками, хрипят громкоговорители. Я разбирал лишь отдельные слова. Но тон! Сдобренное елеем рычание — настоящее рычание — священнослужителя.

В воскресенье я голосовал за демократа, а Ева³ — за «Центр»⁴. Вечером, к девяти, мы с Блюменфельдами

³ Ева Клемперер, урожд. Шлеммер (1882–1951), пианистка, родом из Кёнигсберга; с 1906 года жена Виктора Клемперера.

⁴ Имеется в виду католическая партия «Центр». Филиал «Центра» — Баварская народная партия.

приглашены к Дембера⁵. Шутки ради, потому что надеялся на Баварию, я нацепил свой баварский военный орден. А тут — сокрушительная победа национал-социалистов. И вдвое больше голосов за них — в Баварии. И в промежутках — пение «Хорста Весселя»⁶.

Возмущенное отрицание: с лояльными евреями ничего-де плохого не случится. Сразу же вслед за тем — запрет Центрального союза еврейских граждан в Тюрингии, он якобы критиковал и унижал правительство с «талмудистских» позиций. С тех пор день за

⁵ Вальтер Блюменфельд (1882—1967), психолог, в 1924—1934 годах профессор педагогики в дрезденском Высшем техническом училище; в 1935 году эмигрировал в Перу; его жена Грета Гарри Дембер (1882—1943), физик, с 1923 года профессор дрезденского Высшего кинического училища, директор Института физики <при> ВТУ, в 1933-м — эмигрировал в Стамбул; его жена Агнес.

⁶ Хорст Вессель (1907—1930) сочинил слова этой песни в духе идей нацизма примерно в 1928 году. Примкнув к национал-социализму, он увлек за собой своих дружков-люмпенов, а с 1929 года стал руководителем отряда штурмовиков в районе Берлин — Фридрихсхайн. В 1930 году был застрелен сутенером в пьяной драке и объявлен «мучеником партии», загубленным коммунистами, а его песня, «Хорст Вессель», стала почти официальным партийным гимном.

днем комиссары, разогнанные правительства, развесленные всюду флаги (⚡), отобранные дома, застреленные люди, постоянные запреты (сегодня впервые запрету подвергся даже совершенно ручной «Берлинер тагеблатт») etc. etc. Вчера по распоряжению национал-социалистической партии — уже даже без ссылки на распоряжение правительства — отстранен от работы драматург Карл Вольф, сегодня отправлено в отставку целое саксонское министерство и т. д. и т. д. Настоящая революция и диктатура партии. А все оппозиционные силы как сквозь землю провалились. Это полное крушение только что существовавшей власти — нет, не крушение, просто исчезновение (в точности как в 1918-м) — глубоко меня потрясает. Que sais-je?⁷

⁷ Что я знаю? (франц.) — любимая цитата Клемперера из высказываний французского писателя и философа-скептика Мишеля де Монтеня (1533–1592).

В понедельник вечером — у фрау Шапс вместе с супругами Герстле⁸. Никто уже не осмеливается ничего говорить, все запуганы. Только Герстле шепнул мне конфиденциально: «Поджигатель рейхстага был лишь одет в брюки коммуниста и имел в кармане коммунистическую партийную книжку, но, как выяснилось, проживал у одного нациста». Герстле ходит на костылях: он катался на лыжах в Альпах и сломал ногу. Его жена водит машину, на обратном пути она нас немного подвезла.

Как долго еще продлится моя работа со студентами?

16 марта, пятница вечером

Поражение 1918 года никогда не приводило меня в такое отчаяние как теперешнее положение. Просто поразительно, как день за днем неприкрытое насилие,

⁸ С Герстле Клемперер был знаком благодаря своему давнему другу Юлиусу Зеббе, адвокату родом из Кёнигсберга, с семьей которого он поддерживал дружеские отношения ещё до переезда в Дрезден. Ханс Герстле, зять Юлиуса Зеббы, был директором фабрики кофейных напитков. Енни Шапс — теща Герстле.

нарушение прав, ужасающее лицемерие, варварский образ мыслей открыто выступают в виде декретов.

Социалистические газеты то и дело подвергаются запрету. «Либералы» дрожат мелкой дрожью. «Берлинер тагеблатт» не выходил два дня, но с «Дрезденскими НН»⁹ ничего подобного произойти не может, они ни в чем не перечат правительству, помещают стихи во славу «старого знамени» etc.

Отдельные сообщения: «По распоряжению рейхсканцлера пять заключенных, приговоренных чрезвычайным судом в Бойтене к смертной казни за убийство польского бунтовщика-коммуниста, освобождены из тюрьмы и отпущены на свободу». (Каково? Приговоренные к смертной казни!)

Саксонский комиссар юстиции¹⁰ отдает приказ о том, что из тюремных библиотек должны быть изъяты все «напоенные разлагающим ядом» марксистские

⁹ «Дрезденер нойесте нахрихтен» («Дрезденские последние новости»).

¹⁰ Манфред фон Киллингер, принимавший личное участие во многих преступлениях нацистов.

и пацифистские сочинения; что исполнение судебных приговоров должно вновь действовать как процедура «карающая, исправительная и воздающая по заслугам»; что долгосрочные договоры на поставку печатных бланков с фирмой «Каден» должны быть пересмотрены в связи с тем, что означенная фирма печатала также «Фольксцайтунг»¹¹, и т. д. и т. п. Пожалуй, даже негры во французских колониях скорее живут в правовом государстве, чем мы под властью такого правительства. У Рикарды Хух¹² есть такая новелла: некий благочестивый человек постоянно преследует и порицает некоего грешника и все время ждет, что Бог того покарает. Но ждет он напрасно. Иногда я боюсь, что со мной будет так же, как с тем благочестивым человеком. Это не пустая фраза: я больше никогда не смогу избавиться от чувства отвращения и стыда. И никто ничего не делает: все только дрожат и пытаются забиться в свою норку.

¹¹ «Лейпцигер фольксцайтунг», социал-демократическая газета левого направления.

¹² Рикарда Хух (1864–1947), немецкая писательница.

Тиме¹³ с радостным одобрением рассказывал о «карательной экспедиции» штурмовиков на саксонский завод, чтобы наказать «слишком обнаглевших коммунистов в „Окрилле“»: снова немножко кастроки и прохождение через строй, где избивают резиновыми дубинками. Если такое творят итальянцы — ну что ж, неграмотные южане, животные, дикари... Но немцы. Тиме восхищался последовательным социализмом нацистов, показывал их листовку с призывом провести на заводе выборы в совет представителей рабочих и служащих. Однако день спустя выборы были запрещены комиссаром Киллингером.

Собственно говоря, записывать все это в дневник — чудовищное легкомыслie.

21 марта

Служанка Бдкэменфельдов, бравая Вендин Кетэ, объявила о своем уходе. Ей-де предложили более надеж-

¹³ Йоханнес Тиме, знакомый Клемпереров по Лейпцигу; летом 1920 года снимал у них комнату и жил на правах члена семьи, к которому относились как к сыну.

ное место, а господин профессор так и так скоро будет не в состоянии держать служанку. У нас в гостях фройляйн Вихман. Рассказывает, как в ее мейсенской школе все вытягиваются перед свастикой, дрожат за свое место, следят друг за другом, никто никому не доверяет. Какой-нибудь молодой человек со свастикой на груди приходит в школу с неким поручением. Тотчас весь класс четырнадцатилетних девиц запевает «Хорста Весселя». В коридоре пение запрещено. Фройляйн Вихман — дежурная на перемене «Вы обязаны запретить им так орать!» — настаивают ее коллеги, «Запрещайте сами! Если я потребую прекратить им так орать, это будет означать, что я выступаю против национальной песни, и тогда я вмиг вылечу». Девицы продолжают горланить. В одной аптеке начали продавать зубную пасту со свастикой. Настроение всеобщего страха; такое должно быть, царило во Франции во времена якобинской диктатуры. Люди еще не дрожат за свою жизнь, но уже дрожат за хлеб и свободу.

30 марта, четверг

Вчера вечером были у Блюменфельдов вместе с Демберами. Настроение — как перед погромом во времена самого мрачного средневековья или словно где-нибудь в глубине царской России. Сегодня днем опубликован призыв национал-социалистов к бойкоту¹⁴. Господствует чувство (к тому же — сообщение о только что произошедшем путче «Стального шлема»¹⁵ в Бра-

¹⁴ В тот день нацисты призвали к официальному общегерманскому бойкоту против владельцев магазинов, предпринимателей, врачей, адвокатов еврейского происхождения. Бойкот прошел 1 апреля и сопровождался разгромом магазинов, контор и врачебных кабинетов, избиениями и убийствами. Это стало также началом изгнания евреев из университетов.

¹⁵ «Стальной шлем», военизированная организация монархического направления, союз бывших фронтовиков создан в ноябре 1918 года. 27 марта 1933 года вооруженные части СС и отряды полиции выступили против «Стального шлема» в Брауншвейге, члены которого якобы попытались организовать путч. На следующий день (28 марта 1933 года) последовал запрет «Стального шлема», но уже 1 апреля этот запрет был отменен. Впоследствии боевики «Стального шлема» в подавляющем большинстве вошли в состав отрядов гитлеровских штурмовиков.

уншвейге, которое постарались сразу же замять) что эта кошмарная власть едва ли продержится долго, но, падая погребет нас под своими обломками. Фантастическое средневековье: говоря «нас», я имею в виду находящееся под угрозой еврейство. Собственно, я гораздо больше ощащаю стыд, чем страх, — стыд за Германию. Всегда и прежде всего я чувствовал себя немцем. И всегда воображал, что двадцатое столетие и Центральная Европа — это нечто принципиально иное, чем четырнадцатое столетие и Румыния. Какое заблуждение! Дембер обрисовал мне перспективы в экономике: спад на бирже, неизбежные негативные последствия для промышленников-христиан и неминуемые провалы — все это «мы» должны будем оплачивать своей кровью. Госпожа Дембер поделилась дошедшими до нее слухами об истязании в тюрьме заключенного-коммуниста: обычные пытки касторкой, избиения, страх — в результате попытка самоубийства. Госпожа Блюменфельд прошептала мне на ухо, что второй сын д-ра Зальцбурга¹⁶, студент-медик, аресто-

¹⁶ Доктор юриспруденции Фридрих Зальцбург, адвокат и нотариус.

ван: у одного коммуниста при обыске нашли его письма. Мы разошлись (после обильного хорошего ужина) с чувством, словно мы прощаемся и уходим на фронт.

Вчера жалкое заявление в «Дрезденер НН», «более чем странное». Они-де на 92,5 процента опираются на арийский капитал; владелец остальных 7,5 процента, господин Вольф, слагает с себя обязанности главного редактора и выходит из дела; единственный редактор-еврей уволен (бедняга Фентль!), остальные десять сотрудников — поголовно арийцы. Ужас.

В магазине игрушек видел детский мячик с изображением свастики.

31 марта, пятница вечером

Положение всё безотраднее. Завтра начинается бойкот. Желтые плакаты, стоящие на посту штурмовики. Принуждают выплатить христианским служащим два месячных жалованья, еврейских служащих — уволить! На потрясающее душу письмо евреев рейхспрезиденту и правительству никакого ответа. Убивают сразу, без церемоний, или «с отсрочкой». При этом человека и пальцем не тронут — просто позволят умереть

с голоду. Если я не мучаю своих кошек, а просто не кормлю их, разве можно сказать, что я жестоко обращаюсь с животными?

Никто не осмеливается протестовать. Дрезденские студенты выступили сегодня с заявлением: «Все как один, сомкнув ряды... честь немецкого студента не позволяет нам иметь дело с евреями». Евреям закрыт вход в студенческое общежитие. А сколько еврейских денег было потрачено несколько лет назад на его строительство!

В Мюнхене в здание университета уже запрещено входить доцентам-евреям.

В воззвании и приказе комитета по проведению бойкота говорится: «Религия не имеет значения», важна только раса. Если владелец магазина еврей, а его жена — христианка или же наоборот, магазин считается «еврейским».

3 апреля, понедельник вечером

В воскресенье на магазинах и фирмах появились красные наклейки: «Проверенная немецко-христианская фирма». Между ними — магазины и лав-

ки с запертыми дверями. Перед дверями штурмовики с треугольными транспарантами: «Кто покупает у еврея, поддерживает заграничный бойкот и разоряет немецкую экономику!» Народ толпой валил на Прагерштрассе и на все это смотрел. Это и был бойкот, «Пока только в воскресенье — затем пауза до среды». Банки бойкоту не подлежат. Зато врачи и адвокаты включены в число бойкотируемых. Через день дали отбой: успех налицо, Германия «великодушна». На самом деле бессмысленное шатание. Видимо, есть сопротивление за границей и внутри страны, но, с другой стороны, явное давление национал-социалистической «улицы». Думаю, что мы быстрыми темпами движемся к катастрофе.

Взрыв последует, но мы, евреи, вероятно, оплатим это своей жизнью. Ужасна декларация дрезденских студентов: им-де честь не позволяет иметь дело с евреями. Я не в состоянии больше работать над моим

«Образом Франции»¹⁷. Я не верю больше в здоровую психологию народа. Все, что я считал не свойственным немцам: жестокость, несправедливость, лицемерие, массовый психоз — до полного одурения, — все это сегодня здесь процветает.

10 апреля, понедельник

Ужасающее настроение: «Ура, я живу». Новый «Закон о государственных служащих»¹⁸ пока что оставляет меня как ветерана войны на кафедре при моей долж-

¹⁷ «Новый немецкий образ Франции» (1914–1933). Исторический очерк: в «Трудах по романской филологии», выпуск I — Берлин, 1961, выпуск II — Берлин, 1963, «Рюттен & Лёнинг».

¹⁸ 7 апреля 1933 года вступил в силу «Закон о государственных служащих», параграф 3 которого гласил: «Служащие неарийского происхождения подлежат увольнению». В обоснование этого параграфа было сказано, что «евреям» не свойствен немецкий образ мысли вследствие чего они не могут управлять «немцами» и представлять их государство. Этот так называемый «арийский» параграф был включен и в ряд других законов, которые предусматривали изгнание людей еврейской национальности из университетов, высших школ, театров, издательств, оркестров и медицинских учреждений.

ности — вероятно, по крайней надобности и временено (кстати, Дембера и Блюменфельда тоже пощадили, по крайней мере пока). Но вокруг — травля, безысходность, панический страх. Кузен Дембера, берлинский врач, был вытащен прямо из своего кабинета во время приема, без пиджака, в одной рубашке, и зверски избит, после чего его доставили в больницу Гумбольдта, где он скончался сорока пяти лет от роду. Фрау Дембер рассказала нам это шепотом, за плотно закрытой дверью. Ведь она распространяет таким образом «обывательские слухи о всяческих ужасах», безусловно ложные.

Мы сейчас много времени проводим наверху¹⁹, на нашем участке в Дольцшене. Наш «сад» требуется обнести забором, мы уже посадили три вишневых дерева и десять кустов крыжовника. Я принуждаю себя зани-

¹⁹ По настоянию своей жены Виктор Клемперер приобрел участок земли близ Дрездена, в деревне Дольцшен, для постройки собственного дома. Дольцшен расположен в возвышенной местности, практически на горе (адрес будущего дома: Ам Киршберг, 19), среди густой зелени.

маться этим с такой страстью, как будто действительно верю в постройку дома, при этом мне приходится внушать себе немножко веры по методу Куэ²⁰ и таким образом поддерживать настроение Евы²¹. Но это удается далеко не всегда, состояние Евы неважное, так как она слишком близко к сердцу принимает политическую катастрофу. (Иногда, в отдельные моменты, мне почти кажется, что огромная общая ненависть как бы немножко приподнимает Еву над погруженностью в собственные страдания, дарует ей мгновения, когда она обретает новую волю к жизни. В том, что здесь творится, есть что-то, перед чем она не желает капитулировать и что хочет пережить.)

²⁰ Эмиль Куэ (1857–1926), французский аптекарь, разработавший метод аутогенной тренировки (самовнушение при помощи концентрации, например убеждая себя: «Мне становится лучше и лучше с каждым днем»).

²¹ В то время Ева Клемперер уже страдала тяжелым расстройством нервной системы, что сильно осложняло жизнь супругов. Периодические состояния депрессии сменялись приступами истерии, у нее были обмороки, после чего ей длительное время казалось, что она не может двигаться.

Человек считается неарийцем, или евреем, при 25 процентах еврейской крови, если хоть один человек в третьем колене еврей. Как в Испании XV века, но там речь шла о вере. Сегодня это зоология + делопроизводство.

12 апреля, среда вечером

Ежедневно все новые ужасы и зверства. Адвокат-еврей в Хемнице похищен и расстрелян. «Провокаторы в форме СА²², обычные преступные элементы». Положение о применении «Закона о служащих»: евреем считается тот, у кого хотя бы одна бабка или дед евреи. В спорном случае вопрос решает эксперт по расовым исследованиям Имперского министерства внутренних дел. Каждый рабочий и служащий на любом предприятии, чуждый национальной идеологии, может быть уволен и заменен работником «националь-

²² СА (Sturmabteilungen) — нацистские «Штурмовые отряды», так называемые штурмовики.

ной ориентации». Следует прислушиваться к мнению производственных ячеек НС²³. И т. д. и т. п.

В настоящее время я пока еще в относительной безопасности. Но но безопасность человека, стоящего под виселицей, которому уже накинута на горло петля. В любой момент какой-нибудь новый «закон» может вытолкнуть табуретку из-под моих ног, и петля затягивается.

20 апреля, четверг вечером

Что это, воздействие чудовищной пропаганды: кино, радио, газеты, флаги, все новые праздники (сегодня всенародный праздник — день рождения Адольфа, фюрера)? Или это царящий вокруг панический рабский страх? Я уже почти верю, что не доживу до конца этой жуткой тирании. Я уже почти привык к состоянию бесправия. Я ведь уже не немец и не ариец, я — еврей и должен быть благодарен, если меня хотя бы оставляют в живых. Они гениально разбираются в рекламе.

²³ Полное название гитлеровской партии — НСДАП (Национал-социалистическая рабочая партия Германии).

Мы видели (и слышали) позавчера в кино, как Гитлер обращается к народу с большой речью: перед ним выстроились рядами штурмовики, на его пульте полдюжины микрофонов, так что его слова одновременно доходят до шестисот тысяч штурмовиков во всем Третьем рейхе, все видят его всемогущество, и все делаются покорными. И всякий раз звучит «Хорст Вессель». И никто не смеет пикнуть, все замирают.

25 апреля, вторник

По телефону говорить небезопасно, и, поскольку у всех несчастья и проблемы, у нас ежедневно гости, утром или во второй половине дня, и ведутся душераздирающие разговоры. Сегодня: фрау Дембер, фрау Вигхардт²⁴, немного оправившаяся, но еще скрюченная от пареза, Генрих Венглер²⁵. Темы все те же, все тоже отчаяние, все те же колебания: близится катастро-

²⁴ Доктор Аугуста Вигхардт-Лацар (1887–1970), писательница; в 1920 году переселилась из Вены в Дрезден. В 1939 году была изгнана из страны и переехала в Англию. В 1949 том вернулась в Дрезден.

²⁵ Генрих Венглер, преподаватель итальянского языка.

фа — это будет тянуться еще долго — спасения нет; от всего этого уже мутит. У Евы окончательно сдают нервы.

Отвращение к тому, что творится в политике, и ее роковое воздействие на наш бюджет — все это вместе взятое подтачивает силы Евы. Ни одного утра без неудержимых рыданий, ни одного дня без нервного срыва. Я уже отупел от всех этих бед и почти не реагирую. Не загадываю дальше, чем на день.

Прусский министр образования отдал приказ, чтобы неуспевающие ученики, примкнувшие к гитлеровскому движению, по возможности (если собрание учителей проявит великодушие) все же были аттестованы и переведены в следующий класс.

Плакат у входа в студенческое общежитие (то же во всех университетах): «Если еврей пишет по-немецки, он лжет», ему должно быть разрешено писать только по-еврейски. Книги, написанные евреями на немецком языке, должны считаться «переводами». Я записываю только самое ужасное, фрагменты безумия, в которое мы все погружены. Слышал от вполне христианско-

го, вполне «национального» Кёлера²⁶: французы-де нас освободят. И я действительно верю, что они сюда придут, и очень многие, в том числе «арийцы», будут приветствовать их как освободителей.

15 мая, понедельник вечером

Аннемари²⁷ боится за свое место, потому что отказалась принимать участие в демонстрации 1 мая²⁸. Она («стопроцентная» немка) рассказывает: одному коммунисту в Хайденау разрыли сад, утверждая, что здесь должен быть спрятан пулемет. Он это отрицает, они роют и ничего не находят; чтобы выжать из него при-

²⁶ Йоханнес Кёлер, молодой дипломированный преподаватель истории и религии в гимназии, и его жена Эллен принадлежали к близкому дружескому кругу супругов Клемперер.

²⁷ Доктор Аннемари Кёлер, хирург в больнице Иоаннитов (мальтийского ордена) в Хайденау; с 1937 года — в Пирне. Дружила с Клемперерами еще с лейпцигского периода (1918). Умерла 17 сентября 1948 года.

²⁸ В целях пропаганды нацисты постоянно организовывали празднества и демонстрации; так, день 1 мая был объявлен Днем национального труда.

знание, его зверски избивают и забивают до смерти. Труп привозят в больницу. На животе отпечатались следы сапог, на спине — дыры величиной с кулак, забитые ватными тампонами. Официальное заключение: причина смерти — дизентерия, она-де часто вызывает преждевременное появление «трупных пятен».

Сообщения о совершаемых зверствах «лживы», за их распространение полагается суровая кара.

Из позорных и безумных деяний национал-социалистов я выбираю и описываю только те, с которыми у меня, тем или иным образом, имеются личные точки соприкосновения. Все остальное можно прочесть в газетах. Определяющее настроение этих дней — ожидание, взаимные посещения, скованность во время разговоров по телефону и при написании писем, чтение между строк в подавленных, притихших газетах — можно было бы описать в мемуарах. Но моя жизнь близится к завершению, и эти мемуары никогда не будут написаны.

6 сентября, среда, первая половина дня

В субботу, 2.9, у Кёлеров. Мило и спокойно, как всегда. До чего же приятно быть с «арийцами», которым современная тирания представляется столь же ужасной, как и нам. Молодые Кёлеры проводили нас после двенадцати пешком до самого дома. Мы пригласили их зайти к нам выпить по глоточку виски, тем временем начался дождь. Сидели до половины третьего, легли спать в три.

Я подробно пишу о таких развлечениях, поскольку теперь они случаются исключительно редко, а вообще-то живем мы сегодня тягостно и несчастливо, в самом деле очень несчастливо. Ева все время недомогает и крайне подавлена; меня самого постоянно мучают сердечные спазмы и приступы страха в сочетании с мыслями о смерти. Постоянно гнетет эта дикая бесмысленная тирания, ненадежность и бесправность нашего существования в Третьем рейхе. Моя надежда на скорые перемены все слабеет. Улицы заполнены штурмовиками. Только что отшумел Нюрнбергский

партийный съезд. Пресса возносит Гитлера до небес, для нее он — Господь и Его пророки в одном лице.

17 сентября, воскресенье вечером

Вчера после обеда у фрау Шапс. Прощание с семейством Зебба, теперь они в самом деле эмигрируют в Хайфу. Их мебель уже плывет на пароходе, они сами уезжают сегодня поездом в Триест, а оттуда — тоже морским путем. Мое прощание с Жюлем Зеббой было сердечным, мы обменялись с ним очень добрыми словами. Сентиментальностей избегали, но, когда все уселись вместе, наговорились вволю. Однако под внешним оживлением во всех было столько глубокой скорби, горечи, любви, ненависти. На меня это сильно подействовало, Еву же почти доконало. Жюль Зебба сказал, что всегда ощущает себя «восточноевропейским евреем», не имеющим здесь корней прочных связей со всем немецким. Но ведь он покидает Европу, покидает спокойную, устоявшуюся жизнь и отправляется в новую колонию, в неизвестность, притом не один, а с женой и детьми, и ему, уже перевалившему пятидесятилетний рубеж, предстоит начать все заново.

Нас обоих, меня и Еву, безмерно ранит, что Германия так бесчестно с ним обошлась, вопреки всякому праву и всякой культуре.

9 октября, понедельник

Пожелания самому себе²⁹: еще хоть раз увидеть Еву здоровой, в собственном доме, за ее фисгармонией. Не дрожать каждое утро и каждый вечер, ожидая, что сейчас начнется истерический плач. Дожить до конца тирании, до ее кровавой гибели. Увидеть в законченном и напечатанном виде мой «XVIII век»³⁰. Чтобы не кололо в боку и не был мыслей о смерти.

Я не верю, что исполнится хотя бы одно из этих желаний.

Настроение у нас дома и здоровье мое и Евы стали совсем никудышными, когда лопнула последняя

²⁹ Виктор Клемперер родился 9 октября 1881 года.

³⁰ Имеется в виду не законченный в то время труд Клемперера «История французской литературы XVIII века» (1-й том вышел в 1954 году; 2-й том – в 1966 году, посмертно). Далее в дневниках Клемперер называет эту книгу «XVIII век».

надежда достать деньги на строительство дома и со временем поселиться «наверху», в Дольщене. Мы вынуждены оставаться здесь, и для Евы это означает заточение в течение всей зимы, а для меня — больше домашней работы и большую частоту ударов — в буквальном, а не в переносном смысле — моего усталого сердца.

Вдобавок все возрастающая тирания, возрастающее количество несчастий вокруг нас и слабеющая надежда на близкий, в обозримое время, конец. (Притом что скрежет зубовный раздается в самых различных слоях населения все отчетливее и громче.) Особенно для нас отвратительно поведение некоторых евреев. Они начали внутренне примиряться и атавистически воспринимают свое поселение в гетто как вполне приемлемое и законное явление. Герстле, удачливый производитель скверного кофе из винных ягод и, помимо того, шурин эмигрировавшего Жюля Зеббы, уверяет, что Гитлер — гений и, если только прекратится внешний бойкот Германии, жизнь постепенно наладится. Блюменфельд говорит, что нельзя «жить мечтами об исполнении неисполнимых желаний» и «пора становиться на

почву реальных фактов»; папаша Кауфман³¹ – его собственный сын в Палестине! – также говорит нечто схожее, а его жена, всегда бывшая непроходимой дурой, поднабралась разных лозунгов из газет и радиопередач и повторяет, как попугай, о «преодолении системы», которая наконец-то обнаружила свою полную несостоятельность. Недавно, 25.9, после годичного перерыва нам пришлось принять приглашение Кауфманов на их ужасный послеобеденный кофе, потому что там была его сестра из Гамбурга, фрау Розенберг, и потому что мы просто не могли более противиться их настойчивым домогательствам. У таких законопослушных бабушки и дедушки живет шестимесячная дочка эмигрировавшего молодого Кауфмана; фрау Розенберг рассказывает, что ее сын, которому запрещено работать по его специальности адвоката, ищет хоть какую-нибудь возможность заработать на хлеб насущный и также подумывает об эмиграции, а старые Кауфманы вполне примирились с навязанным им ненормальным порядком вещей! Подлец и ничтожество тот, кто ежечасно не

³¹ Карл Кауфман, владелец дрезденской обувной фабрики.

надеется на бунт! Горечь и ожесточение Евы еще сильнее, чем мои. Национал-социализм, говорит она, а точнее, поведение евреев по отношению к нему вполне может сделать ее антисемиткой.

Дембер получил надежное приглашение в университет Константинополя и переедет туда в середине октября. По правде говоря, я ему завидую.

14 ноября

В воскресенье участвовал во всенародном опросе, проголосовав «нет», и в бюллетене по выборам в рейхстаг³² тоже написал «нет». Ева отдала оба бюллетеня незаполненными. Это можно счесть почти отважным поступком, потому что все вокруг убеждены, что тайна голосования не соблюдается. Иные люди, либо чтобы избежать выборов, либо чтобы уйти от контроля, полу-

³² 19 октября 1933 года Германия вышла из Лиги Наций. 12 ноября по этому поводу был проведен всенародный опрос и одновременно выборы в рейхстаг. Участие населения в выборах составляло 95,3 процента, НСДАП (партия Гитлера) получила 95 процентов голосов.

чали бюллетени на руки — для голосования за городом. Я не думаю, что тайна голосования действительно нарушается. Это не является необходимым по двум причинам во-первых, достаточно того, что каждый в это верит и испытывает страх; во-вторых, верность объявленного результата не подлежит сомнению уже потому, что партия всем владеет и всем распоряжается бесконтрольно. Хочу еще добавить, что, благодаря затянувшейся чуть ли не на месяц и беспримерно лживой «пропаганде мира», которой не противостояло ни одно напечатанное или открыто произнесенное слово, миллионы наших сограждан были доведены до полного отупения. Но вопреки всему: когда вчера этот триумф был предан гласности, 93 процента голосов за Гитлера! 40 ½ миллиона сказали на опрос «да», 2 миллиона — «нет»; 39 ½ миллиона — за рейхстаг, 3 ½ миллиона бюллетеней оказались «недействительными» — я был просто убит я почти поверил в полученные результаты и счел их правдивыми. К тому же теперь они твердят на все лады: заграница признаёт эти «выборы», она видит, что «вся Германия» за Гитлера, она принимает в расчет единство Германии, она им вос-

хищается и будет идти ему навстречу etc. etc. Все это действует и на меня, я тоже начинаю верить в могущество и долговечность Гитлера. Это ужасно. К тому же «из Лондона»³³ сообщают: самое поразительное, что даже в концентрационных лагерях большинство людей проголосовали «за». Это уж, бесспорно либо фальсификация, либо шантаж. Но каков прок от этого моего рационального «бесспорно»? Стоит мне сегодня что-нибудь прочитать или услышать, это слово каждый раз само соскаивает у меня с языка И если я едва могу противостоять соблазну поверить, как могут уберечься от веры миллионы более наивных людей? А если они верят — то они на стороне Гитлера, тогда его власть и могущество более чем реальны.

Густи Вигхардт рассказала мне на днях, что ей прислали какую-то брошюру, рекламирующую электротовары. Среди рекламных текстов была спрятана коммунистическая листовка. Из-за такого же трюка — листовка в рекламном проспекте о Чаплине — полиция недавно нацелый день закрыла кинотеатр «Капито-

³³ Имеются в виду передачи радиостанции Би-би-си из Лондона.

лий». Но какова польза от таких булавочных уколов? Практически никакой, ибо вся Германия предпочитает коммунистам Гитлера. А я не вижу особого различия между этими движениями: оба насквозь материалистичны и оба приводят к рабству.

22 декабря

Уже три дня, как кончились морозы, и в доме чувствуется некоторое облегчение. Но Ева, как и прежде, крайне угнетена и малоподвижна. О работе не могу и думать, домашнее хозяйство поглощает почти всё мое время. Вчера, чтобы сделать необходимые покупки, мы с Евой ездили на машине в город и обратно. Еву это сильно утомило, и ее состояние ухудшилось.

Ближе к вечеру зашли попрощаться Дембера. Их деньги от продажи дома лежат на недоступном для них счете в банке; за бегство из рейха они должны заплатить эмиграционный налог — 25 процентов от всего имущества, и уже несколько дней (по два раза на день) им приходится отмечаться в полиции. Затем в один из первых дней недели в десять часов вечера была аре-

стована Эмита³⁴: донос в связи с неосторожными высказываниями... Допрос до трех часов ночи, две ночи, проведенные в камере тюрьмы полицай-президиума, переезд в зеленом автомобиле в тюрьму при здании суда на Мюнхнерплац, еще несколько часов неизвестности в камере, затем — освобождение. Она очень подробно и выразительно описала нам душевые муки от пребывания в тюрьме и полной неопределенности своего положения.

Только что через Блюменфельдов получили известие о том, что Кафка³⁵, у которого нервы сдали совсем, добровольно подал в отставку. В пятьдесят лет он окончательно сломлен.

В среду — рождественский визит молодых Кёлеров. Они нам верны и полны ожесточения. Он рассказывал о своей женской гимназии. Одна девочка спрашивает его на уроке религии: как ненависть к евреям сочетается с Евангелием. Ответ, после долго раздумья: из

³⁴ Дочь Дембров.

³⁵ Густав Кафка (1883–1953), философ; с 1923 года профессор философии и педагогики дрезденского Высшего технического училища.

Евангелия можно вычитать все что угодно и двигаться в любом направлении. Другому преподавателю религии, состоящему в СС, ученица заявляет, что она не выполнила задания по Ветхому Завету: родители ей это запретили. Ответ: нужно принести письменное подтверждение. Дело направлено на решение в министерство.

31 декабря, воскресенье

В прошедшем году Густи неоднократно доказывала свою полную безответственность, одержимость и необузданность в вопросах политики, я же, напротив, ей вопреки, подчеркивал, что для меня в конечном итоге национал-социализм и коммунизм тождественны: оба материалистичны и склонны к тирании, оба презирают и отрицают свободу духа и индивида.

Самый характерный факт минувшего года — это то, что я вынужден был порвать с двумя близкими друзьями: с Тиме, потому что он национал-социалист, и с Густи Вигхардт, потому что она стала коммунисткой. При этом оба они не примкнули к политическим партиям,

но в значительной мере утратили свое человеческое достоинство.

События этого года: политическая трагедия начиная с 30 января, которая все более жестоко затрагивает нас лично, увлекая в пропасть.

Очень плохое здоровье и душевное состояние Евы.
Отчаянная борьба за дом.

Полная невозможность публикаций.

Все большее одиночество и изоляция.

В июне я завершил свой труд «Образ Франции», который уже не будет напечатан. Написал несколько рецензий, которые, в особенности Нежон³⁶, тоже более не публикуются. С июля — подготовительные штудии к «XVIII веку». Я уже не верю, что мой «XVIII век» когда-нибудь будет осуществлен. У меня нет больше смелости писать такую большую книгу. Мои прежние тома кажутся мне сейчас легкомысленными и поверхностными. Является ли это следствием временного пара-

³⁶ Жак Андре Нежон (1738–1810), знаток и издатель произведений Дени Дидро.

лича или это уже окончательная стадия? Я и вправду не знаю.

Прочел очень-очень много лекций: американцы, немцы, в последнее время также и XVIII. век.

Очень часто думаю о смерти и ломаю голову над самыми общими вопросами. До сей поры формула Ренана «*Tout est possible, même Dieu*³⁷» казалась мне скорее язвительной остротой. Теперь воспринимаю ее более непосредственно и считаю выражением моей религиозности. Какой недостаток благоговения: верить и одновременно не верить! То и другое основывается на дерзкой убежденности в возможностях человеческого познания.

Сегодня вечером мы будем совсем одни. Меня это немного пугает. Помощь и утешение, как всегда, исходят от двух наших котиков. Тысячу раз спрашиваю

³⁷ «Все возможно, даже Бог» (франц.). Афоризм Жозефа Эрнеста Ренана (1832–1892), французского писателя, философа, историка, автора многотомной «Истории происхождения христианства» (1863–1883).

себя абсолютно серьезно, как обстоит дело с их бес-
смерtnymi душами.

Исторические переживания этого года оказались бесконечно более горькими и повергающими в отчаяние, чем былая война. Мы пали гораздо ниже.

1934

27 января

Официальное письмо профессору Клемпереру: «Согласно распоряжению министерства, Ваше назначение членом экзаменационной комиссии следует считать недействительным... вступает в силу безотлагательно. 17.1.1934». Введено уже с весны. Спрашивается, каково будет продолжение.

Письмо Тойбнера¹: не хочу ли я подыскать себе другое издательство за границей, он-де не может далее меня отстаивать.

Вчера во второй половине дня после многомесячного перерыва мы снова были в кино: безобидная веселая кинооперетка «Виктор и Виктория». Сюжет — непрятятательно забавный, игра актеров и техника киносъем-

¹ Гойбнер, издатель Виктора Клемперера.

ки — просто виртуозные, два часа полнейшего радостного отвлечения от всего и вся. Но затем, в качестве естественной реакции у нас обоих, — неизмеримые тоска и горечь. Какими само собой разумеющимися были для нас раньше посещения кино два или три раза в неделю, какой легкой и наполненной была наша прежняя жизнь! А теперь... Мы раньше и представить себе не могли, что можно жить и переносить даже четвертую часть тех тягот и бедности, которые неотступно давят на нас сегодня.

7 февраля, среда

Вечером в субботу мы были на ужине у «приличных» Кёлеров² на Вальтерштрассе. Радует душу, как эти «арийцы» из совсем иных, чем мы, общественных кругов (сын — преподаватель гимназии, отец — мелкий

² Молодые Кёлеры шутливо именуются автором «приличными», так как они состоят в браке, в отличие от Аннемари Кёлер, которая жила совместно с доктором Фридрихом Дресселем в так называемом «свободном» браке, отчего эта пара фигурировала в разговорах Клемпереров и их друзей как «неприличные» Кёлеры.

вокзальный служащий) тверды в своей лютой ненависти к режиму и в своей вере, что в обозримое время он неизбежно придет к краху.

В воскресенье – вечерний кофе у Блюменфельдов (мы единственные гости). Даже здесь (колеблющиеся настроения!) теперь уже не так убеждены в вечности и нерушимости нынешнего порядка, как раз по тому, что скрежет зубовный доносится из слишком многих слоев общества, профессий и конфессий. Но внутри меня все еще малодушие и уныние. Мои силы, как физические, так и психические, все больше истощаются. Работа полностью застопорилась; даже подготовить понедельничную лекцию каждый раз для меня мучительно. Я от души рад, что семестр заканчивается уже 24.2. Конечно, он заканчивается только потому, что студенты в обязательном порядке должны отбыть трудовую повинность, и потому, что режим в действительности видит в образовании, науке и просвещении своих злейших врагов и пытается их побороть. Йоханнес Кёлер рассказывал о собрании национал-социалистического союза преподавателей. Выступающий

с докладом произнес: «Мы все — крепостные нашего фюрера».

15 февраля, четверг, ближе к вечеру

Сегодня состоялось первое заседание всего факультета под руководством «фюрера» Бесте³. Воздетые вверх правые руки⁴, сверхштатный профессор Шефлер в форме штурмовика и с нагрудным партийным знаком — все свелось к формальности и всяческой покашухе. Но меня буквально тошнит от этих поднятых рук, и то, что всякий раз стараюсь от этого уклониться, еще будет стоить мне когда-нибудь головы. Правда говорит за себя сама, а ложь — с помощью радио и прессы.

Я беру сейчас книги из двух библиотек. Общедоступные библиотеки (без залога) в последние год-два

³ Профессор, доктор Теодор Бесте, декан отделения истории культуры.

⁴ Нацистская форма приветствия, первоначально только для членов НСДАП и сочувствующих, но с 4 августа 1933 года ставшая обязательной для всех граждан рейха. При этом поднималась вытянутая вперед правая рука (под углом, чтобы было видно лицо) и одновременно произносились слова «Хайль Гитлер!» или «Хайль!»

растут как грибы. В дни моей молодости было всего несколько таких библиотек, затем подобный заведения исчезли практически полностью, остались только на курортах. Сейчас они повсюду, на каждом шагу, как магазинчики со сладостями, как раньше — маленькие пивнушки; даже в самых бедных кварталах города есть такие библиотеки. И в то же время никогда духовность в Германии не подвергалась столь ожесточенным нападкам, как сегодня.

16 февраля, пятница вечером

Сегодня в центральной саксонской библиотеке я имел разговор с кроткой, как овечка, пожилой библиотекаршей — дочкой священника Рота. Мы дружно ругали Густи Вигхардт. Но и Рот туда же: ее почта радует, что тирания непрерывно растет; ей сдается, что тем быстрее всему наступит конец. Еще она удивительным образом заметила, что воспринимает как добрую сторону сегодняшнего положения то, что нынче, сильнее, чем когда-либо раньше, серьезные и порядочные люди открыто и сердечно сближаются друг с другом. Возможно, это чересчур оптимистично, так как повсю-

ду царит панический страх перед шпионами и доносчиками; тем не менее ее высказывание все же меня порадовало.

2 марта, пятница вечером

Этот недобрый семестр я закончил в среду. Предпоследнее занятие по творчеству Корнеля⁵ провел один на один с представительницей «еврейской квоты» — маленькой Исаковиц, однако последнее — с ней и с молодым человеком, который теперь будет сдавать свой государственный экзамен Венглеру. На занятии в понедельник и даже на обзорной понедельничной лекции дело обстояло не лучше: от четырех до пяти человек и от девяти до десяти. Это снова и снова провоцировало меня на субъективные отступления, на различные интимные и неосторожные высказывания, что имеет, однако, и свою привлекательную сторону. Я не без оснований мог считать, что говорю с единомышленниками, у меня постоянно возникало чувство, что я делаю некоторым присутствующим молодым людям,

⁵ Пьер Корнель (1606–1684), французский драматург.

так сказать, профилактические прививки или, напротив, превращаю их в бациллоносителей. Как долго мне еще суждено продолжать эту игру, как долго я смогу ее продолжать?

19 марта

Состояние Евы немного улучшилось. Радикальное лечение зубов после принятия самых срочных мер отложено на несколько месяцев, и с наступлением весны она получила возможность заняться садовыми работами на нашем участке в Дольцшене. Конечно, эти садовые работы требуют прорву денег: поездки на автомобиле, наем помощников на целый день, 70 пфеннигов за час, покупка саженцев в садоводстве Хаубера, удобрения, инструменты... В отдельные моменты я почти задыхаюсь от страха, что у нас кончатся деньги и нам не на что будет жить; однако, частично благодаря отупению, а частично — дисциплине, я пришел к тому, чтобы принципиально не загадывать дальше, чем на один день или, во всяком случае, на месяц вперед. Мысль о счете, который подлежит оплате в следующем месяце, я всячески гоню из головы. Возможно, я все

же как-нибудь выкручусь; возможно, произойдет чудо; возможно, на мое имущество будет наложен арест — по все это случится только в следующем месяце. Если у Евы до той поры будет чуть меньше истерических припадков, а у меня будет чуть меньше перебоев в сердце — и это уже неплохо. Однако тупая тяжесть непрерывно давит на меня.

Точно так же, в полном соответствии с тем, как я веду финансовые дела, я отношусь к мыслям и заботам, связанным с моей профессией. Новый семестр начнется только 7 мая: до той поры я в относительной безопасности. Возможно, тогда у меня совсем не останется слушателей и я буду уволен, как Блюменфельд. Уже шла речь о том, чтобы отправить на пенсию весь состав отделения истории культуры. Но зачем мучиться и думать о том, что будет после 7 мая? Разве можно быть уверенным, что 7 мая еще будет существовать то же правительство?

7 мая

Сегодня начинается мой третий (45) семестр. Вполне вероятно, что он окажется моим последним. Посколь-

ку прием на педагогический факультет прекращен, откуда же возьмутся студенты?

13 июня, среда

На семинарах *Art poetique*⁶ – фройляйн Хайне и (не каждый раз) фройляйн Кальтофен; учение о стихотворных размерах – обе вышеназванные девицы; основной курс лекций: классическая литература – те же и господин Хайнч. Последний состоит в СА и жалуется: «Я со всем не солдат». С девушками я перед занятиями и после их окончания осторожно-неосторожно болтаю на политические темы. Об резко настроены против национал-социализма, обе угнетены воцарившейся тиранией. В особенности барышня Хайне, католичка, которая весной написала мне прекрасное письмо из трудового лагеря. Она сказала мне недавно: «Вожатая зачитала нам своего рода катехизис! „Верую в Адольфа Гитлера... Верую в миссию Германии...“ Так не может говорить ни один католик».

⁶ Поэтическое искусство (франц.).

Мне предстоит усвоить различные вещи: все существенное вращается вокруг того единственного, от чего можно задохнуться. Но повсюду, или почти повсюду, ощущается теперь проблеск надежды. Так не может долго продолжаться.

9.6 обедаем у родителей Кёлера. Горечь и уверенность, что дело близится к концу. Кёлеры уже знают о подготовленном для публикации в скором времени приказе рейхсминистра по делам образования Руста, согласно которому все преподаватели обязаны ежегодно проводить четыре недели в общественном лагере для «перековки в духе национал-социализма» (перековка, снова термин из области механики). Непрерывно усиливающаяся тирания — знак растущей неуверенности.

Фройляйн Карло бывает в доме бывшего здешнего министра образования Кайзера. Там тоже ждут и надеются на близкий конец.

«Стальной шлем» — Центр — рейхсвер. Кёлер откуда-то узнал, что ожидают скорой смерти уже

более чем наполовину отошедшего от дел президента⁷.

12.6 — у Аннемари в Хайденау; точнее: на веранде ассистентской квартиры д-ра Дресселя. Такие же разговоры, такое же настроение. Кстати, великолепный, сопровождавшийся распитием крепких напитков ужин.

8.6 — в садоводстве Хаубера; долгий осмотр, водил и показывал начальник участка Стеффенс, 56 лет, но выглядит старше. Мы разговорились, он подбирался осторожно, очень сильно жаловался. Его сын, между двадцатью и тридцатью, безработный, но подался в штурмовики и, значит, пособия не получает. Отец имеет жалованье 200 марок (специалист, 35 лет стажа) и должен материально обеспечивать сына, дочь и жену. «Теперь я почти не вижу своих детей, они постоянно в своих организациях; в семьях посеяно недоверие». В прошлом году этот же человек (стопроцентный

⁷ Пауль фон Гинденбург, президент Германии в 1925–1934 годах, передавший 30 января 1933 года власть нацистам и поручивший Гитлеру формирование правительства. Умер 2 августа 1934 года.

немец, стопроцентный мещанин) говорил с сияющими глазами: «Наш народный канцлер!»

Наш народный канцлер был недавно в Дрездене на «неделе рейхстеатра».

Провел там даже несколько дней. Согласно предписанию, всю неделю на улицах шумели целые леса знамен со свастикой, газеты напечатали статью «Переживания Дрездена» и тому подобное. Далее, ликование сотен тысяч и тому подобное. Но штурмовики, когда они не маршировали на параде, были в полной боевой готовности (я знаю это от своих студентов: «Целые дни в казарме!»), а фюрер то появлялся, то исчезал, передвигался по городу, спал каждый раз в другом месте и в другие часы, не там, где это объявлялось официально. Как царь, как султан, но преисполненный еще большего страха.

А признаки близящегося краха все множатся.

14 июля

Второй мощный импульс дал нам «заговор Рёма»⁸. (Как возникают исторические названия событий? Почему «капповский путч»?⁹ Но «заговор Рёма»? Лучше звучит фонетически?) Никакого сочувствия к побежденным, только блаженное чувство оттого, что: а) они взаимно друг друга пожирают; б) Гитлер теперь подобен человеку, перенесшему первый апоплексический удар. Когда в следующие дни все успокоилось, это,

⁸ Эрнст Рём (1887–1934), соратник Гитлера, с 1931 года начальник штаба нацистских штурмовых отрядов (СА); необдуманно критиковал гитлеровскую концепцию «постепенной революции» под прикрытием легальности. Из-за якобы планируемого «заговора СА» в ночь с 30.6 на 1.7.1934 по приказу Гитлера была предпринята карательная акция и застрелены сам Рём и прочие высшие чины СА, а также некоторые другие политические противники Гитлера. Отряды СА были сокращены и лишились своей прежней силы; Гитлер опирался в дальнейшем на выделившиеся из них отряды СС (элитные охранные подразделения партии) и рейхсвер.

⁹ Неудачная попытка правых радикалов осуществить переворот и свержение правительства Веймарской республики (13–17 марта 1920 года). Назван «капповским путчем» по имени одного из его организаторов, крупного помещика В. Кappa.

конечно, подействовало на меня угнетающе. Но затем мы сказали себе: от этого удара не так-то легко оправиться. К тому же на очереди жестокая нужда, по причине предстоящего неурожая, при полном государственном банкротстве и невозможности поставок продовольствия из-за рубежа.

Карла Вигхардта¹⁰, из-за страхов его матери, находящейся в Дании, было заманили на несколько дней к богемским родственникам; обмен телеграммами: «Тетя тяжело заболела срочно приезжай» — ответ: «Телеграфируйте достаточно ли серьезно состояние здоровья тети». — «Очень серьезно приезжай немедленно». Он привез, за что полагается каторга, некоторые газетные вырезки. Англичане: «Положение в Мексике», «В ближайшие годы нам предстоит бояться не Германии, а за Германию», «Он приказал убить своих врагов... Методы средневековья...» и т. п. Одна пражская газета поместила фотографию: Гитлер и Рём доверительно беседуют

¹⁰ Пасынок писательницы Аугусты Вигхардт-Лацар (см. comment. к с. 34). Принадлежал к кругу друзей и близких знакомых Клемпереров.

друг с другом, и опубликовала письмо, которое Гитлер написал еще в январе своему «дорогому, ближайшему другу и самому верному помощнику».

Ужасно распространившееся в народе смешение понятий. Очень спокойный и приветливый почтальон и совсем не национал-социалистически настроенный старый Преториус¹¹ — оба сказали мне одними и теми же словами: «Видите ли, он их приговорил». Канцлер выносит смертный приговор и расстреливает людей из лично ему подчиненной армии!

27 июля, пятница

Вчера закончил свой семестр так же, как его начал: то есть напрасно ждал слушателей, которым снова помешали прийти. Итак, в этом семестре я проводил свои семинары для одного или двух человек, так же

¹¹ Карл Прегориус, рабочий-строитель; с самого начала активно участвовал в строительстве дома Клемпереров. Еще в марте 1933 года с ним был заключен договор на обнесение участка забором. В дальнейшем пытался помочь Клемпереру получить банковскую ссуду.

обстояло дело и с лекциями. Всего у меня было две студентки, фройляйн Хайне и фройляйн Кальтофен, один студент и один штурмовик.

Хайнч (в высшей степени немилитаристская натура). Что же будет теперь? Подобно мелкому чиновнику, я жду, не получу ли 1.10 приказ об увольнении. Но, может, до тех пор такой приказ получат другие.

4 августа, суббота, первая половина дня

Сначала случившееся преисполнило нас — Еву еще больше, чем меня, — крайней горечью, можно сказать, почти повергло в отчаяние. 2 августа в девять часов умирает Гинденбург, уже через час зазвучивается «закон» имперского правительства от 1 августа: обязанности президента и канцлера совмещаются и передаются Гитлеру, войска вермахта обязаны срочно присягнуть ему на верность; полседьмого вечером дрезденские военные части уже присягнули, все вокруг спокойно, и наш мясник говорит равнодушно: «Зачем нужно устраивать сначала выборы? Бесполезная трата кучи денег». Настоящий государственный переворот, но народ едва ли что-нибудь замечает, все творится

в безмолвии и заглушается гимнами в честь мертвого Гинденбурга. Могу поклясться, что миллионы даже не подозревают, какую чудовищную подлость над ними учинили. Ева говорит: «К такой банде рабов мы при-
надлежим». Вечером, когда слышно, как лопается ав-
томобильная шина, она бросает презрительно: «Это не
выстрел». На рейхсвер мы всегда надеялись; Иохан-
нес Кёлер давно сообщил нам как достоверный слух,
что рейхсвер дожидается лишь предстоящей смерти
Гинденбурга. И вот теперь наш доблестный рейхсвер
спокойно приносит клятву на верность новому «глав-
нокомандующему вермахта».

2 сентября, воскресенье

С моим собственным здоровьем дело обстоит не луч-
шим образом: частые перебои в сердце, резкие боли
воспалительного характера в плечевых суставах, боли
в затылке, вообще в голове, но, более всего, в глазах,
крайне низкая работоспособность, постоянное состо-
яние усталости и разбитости. Разве я больший лентяй,
чем другие люди. Другие путешествуют, ходят в пе-
шие походы, бывают в обществе, играют в карты, то

есть тоже ведут непродуктивную жизнь. Я более, чем полдня, трачу на домашнее хозяйство и обеспечиваю жизнь Евы и двух наших кошек, а во вторую половину дня, по большей части, читаю вслух. После периода чтения серьезной литературы или если Ева чувствует себя совсем разбитой, берется какое-нибудь «захватывающее» чтиво, по возможности детектив. Так и сейчас у нас на очереди «Зеленый лучник» Эдгара Уоллеса.

4 сентября, вторник

Праздник по поводу окончания строительства дома состоялся вчера, 3.9. Ева была очень оживленной, и я видел, как близко к сердцу она все это принимает. Я сам был скорее наблюдателем, и на душе у меня было уныло. Были девять рабочих, среди них муж нашей приходящей прислуги и она сама — фрау Леман со своей маленькой дочкой, еще супруги Преториус и Эллен Венглер, наша «донорша»¹². К трем мы приехали сюда на машине и привезли целую кучу тортов и изрядный запас кофе.

¹² Эллен Венглер кредитовала строительство дома в Дольцшене.

Традиционная березка (естественно, принесенная «из лесу») с бело-красными бумажными флагжками. Люди в тот момент еще работали. Никакого знамени. Я решил: если необходимо знамя, тогда, во всяком случае, пусть будет черно-бело-красное¹³. Мы вынуждены были лазать по «имперской» крыше.

27 сентября, четверг

В последнюю субботу мы были в гостях у «приличных» Кёлеров, было, как всегда, приятно, но мы почувствовали себя очень плохо из-за спрятого воздуха и дыма. Кёлер-отец сказал с искренним чувством «Как много должно для вас значить, что загородный дом, о котором вы так долго мечтали, наконец-то построен!» Я анализирую свои чувства, они очень разные. Конечно, это истинная благодать для Евы, но надолго ли? Не отравят ли благодать жалобы на «инвалидность», теснота, неудержимое желание строить дальше? Forse

¹³ Черно-бело-красное – знамя Германской империи (до 1918 года). Знамя НСДАП, позже знамя Третьего рейха – красное, посередине белый круг с черной свастикой.

che sì forse che no¹⁴. А я? Бывают часы, когда меня это радует. Но чаще я ощущаю финансовый гнет и несвободу, отныне я привязан к одному месту и не смогу больше путешествовать. Но ведь и без дома я не смог бы никуда поехать, если физическое состояние Евы останется таким, как сейчас. Чаще всего меня мучит ощущение, вероятно, уже близкого конца. И я спрашиваю себя: для чего все это? И сам отвечаю себе: для Евы, для того времени, которое нам еще осталось прожить, независимо от того будет ли оно долгим или коротким. И в итоге довольствуюсь конечным выводом: это несущественно, как и все остальное. Особенно далеко я гоню от себя ужасные воспоминания обо всех горестных событиях, которые как-то связаны или совпадали с нашими планами построить дом. Бертольда¹⁵ уже нет в живых, с ним уже не надо будет рассчитываться.

¹⁴ Может да, может нет (итал.).

¹⁵ Брат Виктора Клемперера (1871–1931), был адвокатом в Берлине.

Наши друзья: Карл Вигхардт, Эллен Венглер, наконец (см. ниже), Труда Эльман¹⁶ — фотографировали наш домик и садик на различных стадиях, для этих снимков мы купили специальный альбом.

На них видно сначала пустое пространство, окруженное забором, затем одинокий подвал, затем праздник по поводу окончания строительства дома и т. д.

В воскресенье Труда Эльман приехала сюда на один день и привезла с собой сына, которому между тем исполнилось шестнадцать и он уже на младшем отделении школы второй ступени. До прошлого года он был страстным нацистом, теперь он их яростный противник и хочет выйти из рядов Гитлерюгенда. Я спросил его, что оттолкнуло его от наци. Оказалось, «фюре-ры» — его соученики — «берут у нас на походы гораздо больше денег, чем фактически тратят. Это трудно заметить, но несколько марок всегда попадают к ним в карман; я знаю, как это делается, я сам вел запись. Каждый должен сдать по пятьдесят пфеннигов на зав-

¹⁶ Верный друг семьи, познакомилась с Виктором Клемперером еще в период его проживания в Лейпциге.

трашний поход... Затем в тетрадь пишут: «две марки — лишние» — и делят эти две марки на всех. На самом деле излишек составлял четыре марки. Один парень, совсем бедный, не так давно стал «фюрером», теперь ездит на мотоцикле...» — «А другие разве этого не замечают?» — «Они такие глупые; кроме того, никто не осмеливается что-нибудь сказать, даже поговорить друг с другом. Каждый боится каждого!» — «Убийства в последний день июня не произвели на вас дурного впечатления, ведь все же убили своих людей?» — «Нет, напротив! Все превозносят его храбрость, это всем импонировало». Какое ужасное, всестороннее коррумпирование детей! Возможно, даже вероятно, что большинство этих вожаков вовсе не присваивают себе чужие деньги. Но подозревают каждого, и каждый сам мог бы это сделать; многие говорят себе: если я не буду этого делать, все равно никто в это не поверит, почему бы мне не утаить немного деньжат. Прививается типичная безнравственная психология рабов.

29 сентября, суббота вечером

Встал в половине шестого. С половины восьмого до четырех у нас хозяйничали упаковщики, теперь все здесь выглядит пустым и необитаемым. В понедельник переезжаем — в новом доме вчера еще тоже был сплошной хаос.

Мы поселились здесь в январе 28-го года. Последние годы были очень печальными. Ко дню рождения Евы в 1932 году я купил землю; в апреле 1933-го участок перепахали и обнесли забором; в марте 1934-го удалось соорудить подвал, сейчас в нем сложена мебель; надежды и возможности продолжить строительство не было никакой. 29 июня, в пень тридцатилетия нашей свадьбы, я заключил договор с Эллен Венглер, получив от нее заем в 12 000 марок; в конце июля началось строительство.

Вчера вечером я был наверху, в Дольщене, потому что обещал шоферу, который одновременно оказался инструктором по вождению, с весны брать у него уроки (сейчас это стало очень дешево, 74 марки за весь

курс, с экзаменом); сегодня утром снова начались боли в сердце и депрессия.

Дольщен, Ам Киршберг, 19.

6 октября, суббота

Хаос этой недели продолжается, просвет пока еще очень мал. Всё еще с оглушительным грохотом работают плотники, каменщики, водопроводчики и т. д. Я измотан до предела. Уже целую неделю нет ни малейшей возможности присесть и поработать. Все снова и снова повторяются сердечные приступы. Большой частью настроение очень унылое. Поздравления окружающих вызывают чувство неловкости. Мгновения настоящей радости чрезвычайно редки. Но Ева счастлива в этой неразберихе, несмотря на постоянную усталость, несмотря на неудобства и боль в опухшем запястье.

Это первые строки, которые я осмеливаюсь здесь писать. Но писать «самопиской» очень уж неудобно, и все вокруг в полнейшем беспорядке, везде неимо-

верно много шума. Преимущественно слоняюсь без дела, совершенно разбитый.

В субботу в семь пришли два пожилых упаковщика; в четыре всё было расчищено, и все помещения стали выглядеть необитаемыми. Однако теперь можно было сориентироваться и начать разбираться.

Вечером мы мирно поужинали у Густи Вигхардт, в первый раз после крупной рождественской ссоры. В воскресенье Ева предприняла ужасающую приборку и сортировку. Немножко смог ей помочь. Немножко смог почитать для себя (Вольтер, «Семирамида»), а также вслух для Евы (Бак¹⁷, «Восточный ветер, западный ветер»). Вечер у Блюменфельдов.

После ужина пришли Зальцбурга, очень постаревшие за те годы что мы их не видели, с двумя выросшими сыновьями; старший изучает медицину в Риме.

¹⁷ Перл Бак (1892–1973), американская писательница, лауреат Нобелевской премии (1938) писала о Китае, где выросла (ее родители были миссионерами); роман «Восточный ветер, западный ветер» (1930; нем. перевод – 1933) – часть ее трилогии «Обитель Земля». Клемпереры обратили на нее внимание по совету Аннемари Кёлер.

Он рассказал о посещении Гитлером Венеции в сопровождении Муссолини. Гитлер произнес там большую речь, Муссолини терпеливо слушал, после чего сказал: «А теперь будем пить чай». Эту фразу напечатали все газеты, и она стала в Италии крылатым выражением. Старший Зальцбург рассказал нам, ручаясь за достоверность: в Гамбурге несколько недель назад играли «Дон Карлоса»¹⁸. После реплики Позы: «Государь, даруйте нам свободу мысли!» — не сколько минут длились овации. На следующий день «Карлоса» сняли во всех театрах, включая и дрезденский. Вернувшись домой, ещё около часа паковали чемоданы.

В понедельник встал в полшестого. В семь начали выносить вещи. Полагаю, работали восемь человек. Две большие машины, грузовик и прицеп. В одиннадцать часов полностью закончили, вещей осталось ещё на один грузовик. Ева с грузом мебели поехала наверх. Я остался с уборщицами. В то время как машины перевозили вещи, прошел ливень с грозой. Когда наверху начали разгружать, дождь перестал, дальше погода

¹⁸ Драма Фридриха Шиллера.

была сухая. Я сидел на раскладном стуле в пустой музыкальной комнате. И мне пришло в голову:

С этого момента, с 1 октября 1934 года, с переезда в собственный дом, я начну когда-нибудь свои воспоминания. Я напишу, при каких обстоятельствах это совершилось, с какими чувствами, насколько иначе, чем это обычно себе представляют, с какими горькими воспоминаниями и неимоверными опасениями, если только мне доведется до этого дожить.

После двух вернулся мебельный фургон, чтобы забрать оставшееся. Снова довольная Ева сидела впереди между двумя мужчинами. Кофе, чашки для которого были взяты у соседей по дому. И затем в обратный путь, вверх на Киршберг. На этот раз поехал и я, в большом кузове между оставшимися вещами. Затем предстояло вернуться в город. Наверху грузчики быстро закончили свою работу, и мы с Евой поехали в город на такси. Погрузили в него наших кошек. Последний, окончательный путь наверх, где пока царил хаос. Ни монтера, ни водопроводчика, все оставили нас на произвол судьбы. Нет света, не оборудована кухня, ни малейшей возможности приготовить что-либо из еды.

14 октября, воскресенье вечером

Нескончаемая уборка, распаковка вещей, новая упаковка, раскладывание по местам, пыль, пыль, пыль. Безгранична усталость, целый день работа в четырех стенах, без единого выхода на улицу. Ящики, ящики, ящики. В будни вокруг нас целая дюжина (не меньше!) разнообразных мастеровых, в воскресные дни мы остаемся вдвоем. Запах краски, новых приборов и утвари, пыль, пыль, пыль. Затаскивать на чердак, спускать с чердака, снова тащить наверх. Вниз в подвал, вверх из подвала, снова в подвал. Подвал еще не просох, сахар слился во влажный ком. Сегодня вечером я особенно устал. Но полагаю, что уже послезавтра девять десятых библиотеки будут расставлены, а одна десятая — упакована и отправлена на чердак. Малозначимая собственность. Только бы снова иметь возможность немножко работать, обрести хоть немножко покоя. Я думаю, я надеюсь: в среду.

20 ноября, вторник

В среду, 14.11, приведение к присяге: «На верность фюреру и рейхс-канцлеру Адольфу Гитлеру». Примерно сто человек, вторая группа. На первой церемонии присяги я постарался «отсутствовать», в надежде, что удастся совсем этого избежать. Но надежда оказалась напрасной. Церемония, насколько возможно, холодная и формальная, продолжалась неполные две минуты. Мы хором повторили слова присяги за ректором, который предварительно выдавил из себя следующее: «Вы клянетесь в вечной верности; я обязан указать вам на святость этой клятвы». После произнесения присяги: «Вы должны расписаться под текстом на формуляре». И далее: «Я заканчиваю тройным „Зиг хайль!“» Он трижды выкрикнул «Зиг!» — и хор трижды проревел ответ «Хайль!», после чего все мы ринулись подписывать формуляры.

30 декабря, воскресенье

Что принес мне 1934 год?

Собственный домик с множеством радостей и множеством забот. В общем и целом приподнятое настроение Евы. Более отчетливое ощущение близости собственной смерти, ускорившийся процесс старения.

Первые семьдесят две страницы моего «XVIII века», перед этим — трактат о Делиле¹⁹. Невыразимый гнет и отвращение, исходящие от продолжающегося режима (**НГ**). За лето я написал еще восемь рецензий для «НЛГ»²⁰, из которых возвращена была только одна (на книгу Лёпельмана «Дидро»), потому что автор сидит в министерстве и ругать его не дозволено.

Я вижу: в прошлом годовом резюме (которое, собственно говоря, гораздо печальнее, чем нынешнее) я хвалил своих котиков. Об этом должно быть сказано и здесь.

¹⁹ Жак Делиль (1783–1813), французский поэт; прославился своей учено-поэтической поэмой «Сады». Упомянутый трактат Клемперера вышел в 1955 году под названием «Сады Делиля, мозаика XVIII века».

²⁰ «Немецкая литературная газета» (в оригинале: «DLZ» — «Deutsche Literatur-Zeitung»).

1935

16 января, среда

Исаковиц¹, который теперь обычно после приема подвозит нас на своем автомобиле до вокзала, где Ева съедает порцию супа, — сегодня, после того как ей сняли мост, почти без зубов, — снова выражал настроение евреев, в том числе, собственно говоря, теперь и мое.

Глубочайшая депрессия, еще глубже, чем в августе, когда умер Гинденбург. 90 процентов голосов жителей

¹ Доктор Исаковиц, врач-стоматолог, отец студентки Клемперера Лоры Исаковиц.

Саарской области² – это не только голоса за Германию, но, в буквальном смысле слова, за гитлеровскую Германию. Утверждая это, Геббельс совершенно прав. Конечно, была и разъяснительная работа, и контрпропаганда, и свобода выбора. Вероятно, когда мы говорим о недовольстве и брожении, мы принимаем наши заветные мечты за действительность и крайне переоцениваем существующую в обществе враждебность режиму. И в самом рейхе 90 процентов также предпочитают фюрера и рабство и желают смерти науке, свободной мысли, духовности и евреям.

7 февраля, среда

Я все больше страдаю от этого усиливающегося и недостойного гнета – гнета безденежья. Мои рубашки, носки, воротнички приходят в негодность, мой

² С 1920 года Саарская область (части бывшей Рейнской провинции и баварского Рейнланд-Пфальца) была отделена от Германии и на 15 лет передана в управление комиссии Лиги Наций. По прошествии этого срока был проведен плебисцит, и около 90 процентов жителей Саарской области проголосовали за присоединение к гитлеровскому Третьему рейху.

единственный приличный костюм более чем истрепался, и у меня, в буквальном смысле, нет денег, чтобы пополнить свой гардероб. То же относится к любым будничным покупкам. Плюс ежедневный груз хозяйственных забот, ежедневная одышка и перебои в сердце, ежедневный страх быть отправленным на пенсию.

И ежедневно правительство Гитлера занимает все более крепкие позиции во внешней политике и, соответственно, чувствует себя все увереннее во внутренней политике. Наступило самое печальное время моей жизни.

Когда раньше дела были плохи, я мог надеяться на будущее. Теперь я часто думаю, что конец мой близок.

Лекции перед двумя-тремя людьми тянутся еле-еле и на следующей неделе должны закончиться. При этом они вновь и вновь причиняют мне немалые трудности и требуют прорву времени на подготовку, особенно Данте.

28.1 вечером были у Блюменфельдов. Он получил предложение отправиться в Лиму, где ему предлагают работу психолога-практика, и он, очевидно, примет это предложение. Тогда мы окажемся здесь в еще боль-

шем одиночестве. Я ему определенно завидую. Я так мучительно беспомощен. Дело в том, что я филолог, специалист по новой романской литературе, но не говорю свободно ни на одном иностранном языке. Мой французский совершенно закостенел, я испытываю страх, когда мне нужно написать или выговорить хотя бы одну фразу. Мой итальянский никогда не был слишком хорош. Не лучше и мой испанский. Я не найду себе никакого применения.

26.1 мы провели прекрасный вечер у Аннемари в Хай-денау. 24.1 мы снова, как когда-то, совершили поход в кино (теперь это для нас невероятная редкость). Фильм с Кипурой³ («Мое сердце взывает к тебе») в музыкальном отношении и по содержанию беднее, чем его другие фильмы, однако все же очень хорош. Я так изголодался по музыке.

У Блюменфельдов мы теперь каждый раз слушаем хорошие граммофонные пластинки; последнее вре-

³ Ян Кипура, популярный в Европе 30-х годов тенор; пел на подмостках миланской оперы «Ла Скала» и снимался во многих известных музыкальных фильмах.

мя и Ева порой, когда у нас бывают Вигхардты, ставит наши старые пластинки со шлягерами. Эти танго и негритянские песни и другие интернациональные экзотические вещи из времен республики приобрели историческую ценность и трогают меня до глубины души, привнося в нее при этом оттенок горечи. В них царит свобода и открытость по отношению к миру. В те времена мы были европейцами и свободными людьми. Теперь — [...]

23 марта, суббота

Гитлер провозгласил всеобщую воинскую повинность, заграница выразила бессильный протест и проглотила это как *fait accompli*⁴. Результат: власть Гитлера стабильнее, чем когда-либо прежде. Какой толк от утверждения, что якобы правит рейхсвер. На самом деле всем, что имеет отношение к уничтожению культуры, преследованию евреев, ужесточению внутренней тирании, заправляет сам Гитлер со своими все более гнусными ставленниками. Рейхсминистр по делам

⁴ Совершившийся факт (франц.).

науки, образования и культуры Руст вновь произнес сегодня воспитательную речь, направленную против «гнилого интеллектуализма».

Я плохо оправляюсь после гриппа, моему сердцу все дается с величайшим трудом.

3 апреля, среда вечером

Сегодня к нам приглашен на кофе в качестве гостя капеллан д-р Баум, который зимой слушал мой курс лекций по французской литературе (по этому поводу у нас оказался и Блюменфельд). Баум смотрит в будущее крайне пессимистично. По его словам, церковь старается, нисколько может, не вступать в спор, ей все это представляется не столь важным; это-де пройдет, а она останется — зачем навлекать на себя всяческие неприятности? Один старый священник недавно сказал ему, что слышал, как на собрании пели очень смешную песню, которую он прежде никогда не слыхал, что она как-то связана с неким Хорстом Весселем — кто он, собственно говоря, такой? На одном собрании священнослужителей председатель спокойно заявил, что современный порядок вещей не столь ва-

жен, — «мы переживаем третью империю, даст Бог, переживем и четвертую». Конечно, правительство недавно очень резко выступило против католической церкви — были произведены аресты, переговорам о конкордате не видно конца, — возможно, это могло бы подвигнуть церковь на более решительное сопротивление. Но он, д-р Баум, в такое не верит. Он не верит и в близкий конец нынешнего правительства; оно располагает слишком большой властью, народ безмерно порабощен и одурманен лживыми измышлениями идеалистическо-националистического толка — если когда-нибудь и придет конец, он будет стоить Германии много крови. Баум, который будучи священнослужителем посещает тюрьмы, рассказывал, как и Густи Вигхардт, о том, как они переполнены.

Между тем в понедельник, 1 апреля, я должен был начать очередной курс лекций, хотя слушатели с педагогического факультета приступят к занятиям только 24.4. На лекции, посвященной Франции, появился один-единственный студент, который после четырех семестров в Лейпциге хочет перед государственным экзаменом пробыть один семестр здесь, у своих ро-

дителей. Для него одного я читал четыре часа в понедельник.

30 апреля, вторник

Я кокетничал перед собой, видя свою особую заслугу в том, чтобы написать сегодня страницу (Лесаж, Мариво) для моего «XVIII века», сегодня, когда мне уже не нужно читать никаких лекций, так как я получил по почте официальный документ о моем увольнении.

2 мая, четверг

Утром во вторник, без какого-либо предупреждения, по почте пришло два листочка: а) «Я предложил на основании § 6 «Закона о государственных служащих»... отстранить Вас от работы. Свидетельство об увольнении прилагается. Уполномоченный комиссар Министерства народного образования»; б) «Именем Рейха» — само свидетельство, подписанное детским

почерком: Мартин Мучман⁵. Я позвонил своему начальству: там не имели об этом ни малейшего понятия. Гёпфер, комиссар, не берет, однако, на себя труд запрашивать ректорат. Сначала я попеременно чувствовал себя то немного одурманенным, то настроенным слегка романтично; теперь, спустя некоторое время, я ощущаю только горечь и отчаяние.

Мое положение становится крайне тяжелым. До конца июля я еще буду получать жалованье, 800 марок, с которыми я и так мучаюсь и испытываю нужду; а после этого будет пенсия, примерно 400 марок.

Во вторник после обеда я пошел к Блюменфельду, который между тем получил окончательный вызов и приглашение на работу в Лиму; взял у него адреса организаций, которые могут оказать помощь. В среду, в День национального труда, в течение которого шел снег, я на протяжении многих часов писал письма. Три письма с одинаковым текстом: первое — в Общество

⁵ Имперский наместник, гауляйттер Саксонии в 1925–1945 годах. В 1945 году дрезденская «Тагеспрессе» сообщила о его аресте. Мучман умер в 1945 году.

взаимопомощи немецких ученых за границей, Цюрих; адресат второго — Academic Assistance Council⁶, Лондон; третьего — Emergency Committee in Aid of German Scholars⁷, Нью-Йорк-Сити. Затем я направил «призывы о помощи» (я писал «SOS») Дембери в Стамбул и Фосслеру⁸; Шпитцер⁹ едет из Константинополя в США (но он отозвался обо мне в разговоре с Дембером не очень дружественно). Во всех письмах я подчеркиваю, что могу читать также немецкую литературу и сравнительный курс истории европейских литератур (мой курс лекций в Неаполе, мое замещение Вальцеля¹⁰ на экзаменах и т. д.), что я мог бы вести преподавание и на

⁶ Академический совет взаимопомощи (англ.).

⁷ Комитет поддержки немецких ученых-гуманитариев (англ.).

⁸ Карл Фосслер (1872–1949), профессор, доктор филологии, романист. Клемперер слушал его лекции в Мюнхене перед первой мировой войной и считал своим учителем. Фосслер покровительствовал Клемпереру.

⁹ Лео Шпитцер (1887–1960), профессор, доктор филологии, романист; эмигрировал в 1933 году в Стамбул, в 1936-м — в Балтимору.

¹⁰ Оскар Вальцель (1864–1944), профессор, доктор филологии, историк литературы, автор известного «Справочника по литературоведению» (1923).

французском, и на итальянском языках сразу же (!), а на испанском — через короткое время (!), что я бегло «читаю» литературу по-английски и, в случае необходимости, через два-три месяца смогу и говорить.

Но что толку от всей этой деловой активности? Впервые, перспектива получить работу по специальности совершенно ничтожна, так как паника и бегство из Германии продолжаются уже целых два года и вызывают мало сочувствия. Далее и прежде всего: на какое место я мог бы согласиться? Ева, которая в последнее время вновь чувствует себя очень скверно — возобновилась история с зубами, теперь у нее воспалены корни, общий кризис нервной системы, — согласно ее собственному высказыванию и фактически, в любом пансионе, меблированной комнате или городской квартире будет чувствовать себя как в заключении; ей необходимы дом и сад. И она ни за что на свете не захочет покинуть наш здешний дом навсегда или на продолжительное время. Это значит, что я мог бы занять только особенно высокооплачиваемую должность и никакую иную. А шанс помучить такую должность не больше, чем выиграть главный приз в лотерее.

Еще я написал, с очень тяжелым сердцем, письмо Георгу¹¹, который предложил мне в прошлом году помочь и который теперь, вероятно, находится в Англии у своего старшего сына. Я поздравил его с 70-летием и одновременно спросил, сможет ли он дать мне 6000 марок — вторую закладную за дом, бессрочную ссуду до 1.1.42; в качестве обеспечения я отпишу на него соответствующую часть суммы, выплаченную мной по договору о страховании жизни и подлежащую возврату как раз к указанному сроку. Я почти уверен, что он отклонит это предложение и список моих обид и болезненных переживаний еще пополнится. Но даже если он согласится — в какой мере это мне поможет? Я смог бы тогда уплатить Преториусу и улучшить свою страховку — частично тем, что ликвидировал бы задолженность по взносам, и еще больше тем, что заплатил бы вперед — в результате года на два обеспечил бы

¹¹ Георг Клемперер (1865–1947), старший брат Виктора Клемперера, профессор, доктор медицины известный врач; с 1906 года работал в берлинской больнице района Моабит; 4 мая 1933 года был уволен и «освобожден» от всех своих почетных должностей.

себе страховку примерно на 12 000 марок, так что даже при невозможности дальнейших платежей она продолжала бы стоить по крайней мере 6000–7000 марок. Таким образом, Георг мог быть действительно спокоен за свои деньги, а я бы тихонько сидел на месте и как-нибудь существовал на свою пенсию. Только практически не было бы никакой возможности выплачивать взносы по первой закладной. И мы прозябали бы здесь в тесноте, проживая жизнь мелких обывателей без малейшего шанса вновь подняться наверх.

4 мая, суббота, первая половина дня

Настроение постоянно меняется. Позавчера вечером мы строили шутливые планы нашей жизни в Константинополе, на следующий день все снова представилось мне совершенно безнадежным. Я почти не делаю ничего другого, кроме как пишу письма. В США – Тил-

лиху и Улиху¹², сегодня в Оксфорд – Вайсбергеру¹³. Адрес последнего мне дала госпожа Арон (отец ее между тем умер). Через часок пойду навестить Степуна¹⁴. Ни на что другое не хватает сосредоточенности.

Состояние Евы остается плохим. В ее зубной эпопее очередная неприятность: ожог от мышьяка.

¹² Пауль Йоханнес Тиллих (1886–1965), теолог, профессор философии во Франкфурте-на-Майне; в 1933 году эмигрировал в США. Роберт Улих, профессор, доктор философии, преподаватель дрезденского Высшего технического училища, советник Министерства народного образования Саксонии. В 1929 году женился на шведке и эмигрировал в США.

¹³ Арнольд Вайсбергер жил с Клемперером в одном пансионе в Мюнхене в 1919 году. По желанию своего отца, владельца фабрики, изучал там химию, впоследствии стал ученым-исследователем в области химии. В 1933 году эмигрировал в Кембридж.

¹⁴ Федор Августович Степун (1884–1965), профессор, доктор философии; в 1922 году был выслан из СССР. В 1926–1937 годах профессор социологии на культурно-историческом отделении дрезденского Высшего технического училища; с 1947 года возглавлял кафедру истории русской культуры в университете Мюнхена. Автор многих книг, среди них «Лик России и лицо революции» (1934).

Сегодня вечером у нас, к сожалению, будет много гостей. К сожалению — из-за ограниченности наших денежных средств.

Вторая половина дня

Степун сообщает мне, что на мою кафедру уже назначен новый человек. Следовательно, меня выбросили не ради экономии средств, не как еврея. Хотя я был участником войны и т. д. и т. п.

Он дал мне два швейцарских адреса, куда можно обратиться по поводу изданий или лекций: издательство «Вита-Нова», Люцерн, и д-р Лифшиц, Берн.

7 мая, вторник

На мои многочисленные письма я получил пока единственный ответ: анкету, которую надо заполнить, — из Англии. Анкета явно рассчитана на безработных самого разного толка и не дает мне ни единого шанса.

20 июня, четверг

Георг прислал мне 6000 марок. Беспроцентная ссуда. Срок возврата по моему усмотрению. Письмо — два письма — прилагается. Это очень любезно — и немного высокомерно с его стороны. Радоваться я не в состоянии, хотя некоторое облегчение все же почувствовал. Мы сможем оплатить работу архитектора, возможно, сделать небольшую пристройку, заплатить часть денег «Идуне»¹⁵. Затем начнется жизнь в нищете. В письме Георгу я обосновал свое решение остаться в Германии. Я слишком связан обстоятельствами.

Между тем Блюменфельд готовится через две-три недели выехать в Лиму. Я наблюдаю его приготовления с горькой завистью и ощущаю эту зависть как предательство по отношению к Еве. Она буквально закапывает себя в своем саду. И так ежедневно, день за днем.

¹⁵ «Идуна» — название страховой компании, в которой Клемперер оформил страховую жизни. (Идуна — имя германской богини молодости.)

Чудовищный внешнеполитический успех — англо-германское соглашение по флоту¹⁶ — значительно укрепляет позиции Гитлера. Уже до этого у меня в последнее время сложилось впечатление, что многие в общем-то здравомыслящие люди, достаточно безучастно относящиеся к нашим внутренним беззакониям и, в частности, не вполне понимающие отчаянное положение евреев, уже на полпути к тому, чтобы окончательно смириться с Гитлером. Их суждение: если ценой внутренней реакции будет восстановлена внешнеполитическая мощь Германии, то это окупится. А внутреннюю политику можно будет исправить по прошествии некоторого времени — политика ведь так и так дело грязное.

¹⁶ 18 июня 1935 года Германия и Англия заключили соглашение, которое определило соотношение германского и британского флота как 30:100. Были также сняты все ограничения на строительство Германией подводных лодок. Таким образом, Англия впервые официально санкционировала нарушение Германией статей Версальского договора 1919 года, наложившего жесткие ограничения на вооруженные силы Германии.

21 июля, воскресенье

Травля евреев и погромные настроения сильнее день ото дня. Речи Геббельса в «Штурмере» («истреблять, как клопов и блох!»), акты насилия в Берлине, Бреслау, а вчера — здесь, у нас, на Прагерштрассе. Растет также борьба против католиков и «врагов государства» реакционной и коммунистической ориентации. Создается впечатление, что нацисты вынуждены и готовы идти на крайности, словно перед угрозой близящейся катастрофы.

Преториус, с которым у нас возник спор по поводу водонепроницаемости крыши и который должен теперь продолжить настил пола и остеклить веранду — на это уйдет 1300 марок из 6000, присланных Георгом, Бог знает, правильно ли я поступаю, но в чем можно быть сегодня уверенным? — Преториус рассказывает, что глава местной дольщенной общины якобы «плохо обо мне отзывался», он-де оспаривал необходимость дополнительного покрытия крыши и презрительно говорил обо мне и моем «ветеранстве». «Он ведь как-никак наци». Я уже писал, что недавно к нам

заходил жандарм, чтобы осведомиться у меня, с какого времени я «получил гражданство»; они-де должны быть в курсе дела и иметь все данные о проживающих у них «неарийцах». Я в самом деле начинаю считать вероятным, что однажды наш домик подожгут, а меня убьют.

11.7 мы прощались с Блюменфельдами среди упакованных ящиков в их опустевшей квартире. Они уехали 13-го в Париж, вчера их паров ход должен был отплыть из Ла-Рошели. Они оставили нам множество разных вещей: ковш из бронзы, цветы в горшках, полочки для цветов, сигары... Я подарил ему первое издание «Феноменологии» Гегеля (из наследства моего отца, самая дорогостоящая из моих книг), а ей — «Vida del Buscón»¹⁷.

¹⁷ «Жизнь пройдохи» (исп.). Имеется в виду известный плутовской роман испанского писателя Франсиско Кеведо (1580–1645) «История жизни пройдохи по имени Паблос» (1626).

Грета¹⁸ была смертельно больна и все еще находилась на излечении в берлинской католической больнице (Святого Норберта). Я написал ей подробное письмо (но внутренне холодно и отчужденно). Моя отставка не произвела на нее и Марту¹⁹ и т. д. никакого впечатления. Я никогда не стоял высоко в глазах моей собственной семьи. Ведь как празднично отмечаются обычно окончание гимназии, получение докторской степени, доцентура и т. д.! Но когда я достигал того же, всё это было в моей семье привычным явлением²⁰. Сейчас все повторяется с моим увольнением: *m'ont devancé mes neveux*²¹.

¹⁸ Маргарете Ризенфельд (1867–1942), овдовевшая старшая сестра Виктора Клемперера.

¹⁹ Марта Йельски (1873–1954), сестра Виктора Клемперера.

²⁰ В юности Виктор Клемперер ощущал себя как бы в тени своих старших братьев: известного медика Георга и популярного адвоката Бертольда.

²¹ Меня опередили мои племянники (франц.).

«Я сказал» (этим в дневниках Монтескье²² сопровождаются его артегус²³): Блюменфельд, осчастливленный, должен отправляться в Лиму, мы же сидим здесь, дома, вроде как в осажденной крепости, в которой бушует чума. Если однажды все же начнется выступление против этого правительства, то придется создавать ударную группу из профессоров. Мои убеждения касательно немецкой нации и прочих национальностей стали шататься, как зубы во рту у старика.

11 августа, воскресенье

Травля евреев приняла чудовищные масштабы, все намного хуже чем при первом бойкоте; то тут, то там попытки погрома, и мы не исключаем того, что и здесь нас могут убить в самое ближайшее время. Убьют не

²² Монтескье (1689–1755), французский писатель, философ и историк эпохи Просвещения, размышлявший, в частности, о назначении государства; будучи противником абсолютизма, выдвинул принцип разделения властей, оказавший существенное влияние на становление современной конституционной формы государства.

²³ Остроумное суждение (франц.).

соседи, а так называемые *nettoyeurs*²⁴, которых бросают на дело там и тут как «душу народа». На трамвайных остановках на Прагерштрассе щиты с надписями: «Кто покупает у еврея, предатель своего народа»; в витринах лавочонок в Плауэне²⁵ разные высказывания и стихотворные строчки из разных времен, разных авторов, вырванные из разных контекстов (Мария-Терезия, Гёте и т. д.), полные оскорблений; наконец, в дополнение ко всему: «Предместье Плауэн мы обожаем, евреев видеть здесь не желаем». В газетных витринах повсюду «Штурмер»²⁶ с ужасающими историями о «расовом загрязнении», дикая речь Геббельса, а в самых разных местах открытые акты насилия.

²⁴ Чистильщики (франц.).

²⁵ Предместье Дрездена; дальше, на горе, находилась деревня Дольцшен и дом Клемпереров.

²⁶ Иллюстрированная газета полупорнографического и антисемитского характера; ее владелец и издатель Штрайхер, ярый нацист, хвалился, что только его газету Гитлер читает от корки до корки.

17 сентября, вторник

В то время как я вчера писал, «рейхstag» в Нюрнберге уже принял законы «об охране немецкой крови и немецкой чести»: каторжная тюрьма за брак или внебрачные сексуальные отношения между евреями и немцами, запрет евреям брать «немецких» служанок моложе сорока пяти лет, разрешение называть себя евреями, лишение прав гражданства. И с каким обоснованием, с какими угрозами! Омерзение буквально душит меня. Вечером пришла Густи Вигхардт поплакаться или, как она сказала, «шива зицн»²⁷. Но евреи ее не очень интересовали. Гитлер, как она утверждает, угрожает Литве; Германия в союзе с Англией разобьет Россию и уничтожит коммунизм.

²⁷ «Отсидеть шиву» (идиш). «Шива» — по-древнееврейски «семь». Это название еврейского траурного обычая: после похорон близких родственников следует «отсидеть шиву», то есть оставаться в доме в течение семи дней, сидеть на низких стульях, трижды в день читать поминальную молитву — «кадиш» и т. д.

29 сентября, воскресенье

С экономистами разделался, «литераторы» в стадии подготовки. Работа идет медленно и утомляет. Иногда я верю, что это будет моя лучшая книга, иногда мне кажется: это всего лишь бесполезная компиляция и переписывание. Абсолютная сосредоточенность надолго меня обессиливает, но это единственное противоядие против отчаяния. У меня складывается впечатление, что скоро все взорвется, я ожидаю погрома, гетто, конфискации дома и денег — всего. Хуже того: я ничего не ожидаю. Просто нахожусь в состоянии отупения и беспомощности.

5 октября, суббота

Роль Бога в истории: Густи Вигхардт утверждает, что Гитлер ускорил все процессы по меньшей мере на тридцать лет, он работает на победу коммунизма. Исаковиц говорит: через пятьдесят лет обязательно поймут, что он должен был прийти, чтобы евреи снова стали единым народом (Сион!). Вышло так, что в последние две недели нам два дня пришлось встречаться

с Исаковицем, даже по два раза. Еве неожиданно потребовались небольшие доделки; вечерами в эти два дня Исаковицы, все трое, сначала были нашими гостями и пили с нами кофе, а во второй раз — мы были приглашены к ним на роскошный, к сожалению требующий реванша, ужин, да еще в день еврейского Нового года. Выяснилось, что Исаковицы еще ортодоксальнее, чем мы предполагали. Исаковиц-муж пришел из «храма» (уже тридцать лет я не слышу этого слова в таком употреблении) с покрытой головой, прочел отрывок из Торы, я тоже должен был надеть шапку, горели свечи. Мне было мучительно неловко. К какому народу я принадлежу? Согласно декрету Гитлера, «к еврейскому». А я между тем воспринимаю все творимое здесь Исаковицем как комедию и в глубине души ощущаю себя не кем иным, как немцем или европейцем. Настроение в эти два вечера было крайне подавленным. Исаковиц пребывает в непрестанном страхе, что может потерять свою частную практику, приносящую ему доход, и тем самым лишиться средств к существованию. Уже долгое время он обдумывает возможность эмиграции в Палестину. Некий ариец давно предлагает ему купить

у него кабинет и практику за 15 000 марок. Наконец, он решается продать — с тяжелым сердцем, поскольку в Палестине, как он слышал, в каждом доме уже есть по меньшей мере один зубной врач, — но тут, в последний момент, выходит запрет на подобные продажи «еврейской» врачебной практики. По какой причине? Все еще недостаточно определенно и точно. Исаковиц боится худшего и пребывает в мучительной неизвестности. Его жена наводила справки в Берлине — в «еврейской ратуше на Майнекештрассе», то есть в консультационном пункте сионистов, который сейчас занимается всей сферой немецко-еврейских интересов. А там настроение паники, толкотня и мельтешение людей, разбитые оконные стекла после последних уличных волнений, причем новые стекла демонстративно не вставляют, настойчивый совет эмигрировать, ширящееся бегство. В синагоге во время богослужения (по поводу «радостного новогоднего праздника!») раввины говорили сдавленными от скорби голосами, читали поминальные молитвы, было пролито много слез.

После перерыва в несколько месяцев я снова подписался на газету («Дрезденские последние новости»).

Каждый раз при чтении мне становится дурно; но напряжение слишком велико, надо по крайней мере знать, о чем они сегодня лгут.

19 октября, суббота

Георг написал — письмо здесь приложено, — что он официально эмигрировал. Это стоило ему трех четвертей накопленного состояния, но после Нюрнберга, как он пишет, он не хочет жить «под ножом гильотины». А как обстоит дело со мной? Но у него более отрадные перспективы жизни в эмиграции. Разве у меня есть шансы «практиковать» в США? Это было поздравительное письмо Георга ко дню моего рождения.

8-го к ужину у нас были Вигхардты и Исаковицы. Исаковиц пытается теперь нашупать какие-то возможности жизни в Англии. Жена как раз уехала наводить справки. А мы — в западне, без малейшей надежды на спасение.

10.10 был арестован епископ Мейсенский. По причине «перевода банковских счетов за границу». А я-то как раз на это надеялся. Но наше правительство решается на любую крайность.

Новый заслуживающий внимания объект для фиксации языка Третьего рейха²⁸: введенные не так давно школьные характеристики, в которых оценивается способность ученика быть частью «народной общности». Учитель непременно должен, рассказывает Гости, написать о семилетнем еврейском мальчике, что в нем «наличествуют все признаки его расы». В гимназии Святого Бенно²⁹ католический учитель, наоборот, отмечает в характеристике маленького еврея «особую склонность к единению и общности».

²⁸ С первых лет фашизма Виктор Клемперер исследовал особенности складывающегося официального языка, прежде всего особое словоупотребление национал-социалистов. Интенсивное изучение, подкрепленное богатым собранным материалом, дало ему возможность создать основополагающий труд «LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога», который был издан при его жизни, в 1947 году. В 1998 году в переводе А. Григорьева книга вышла на русском языке в издательстве «Прогресс-Традиция», Москва.

²⁹ Святой Бенно (1010–1107), с 1066 года епископ Мейсенский, прославился обращением сербов; канонизирован в 1523 году папой Адрианом VI.

2 декабря

Сегодня мне пришло в голову: никогда еще противостояние между человеческим всесилием и беспомощностью, между человеческим знанием и человеческой глупостью не было столь удручающе огромным, как теперь. С одной стороны, радио, самолеты; с другой — фюрер и рейхсканцлер, расовые законы, «Штурмер» и т. п. Но также бессилие помочь нашему черному Никельхену³⁰, который медленно умирает, вялая тоненькая тряпочка.

31 декабря, вторник, вторая половина дня, канун Нового года

29 декабря, в семь часов вечера, я закончил первый том моего «XVIII века»: «Du cote de Voltaire», или «От Вольтера до Дидро». Я писал этот том с 11.8.34, работал над ним с весны 33-го. Последние недели я так судорожно старался выкроить для работы каждый возможный час, что оттеснил на задний план все иное.

³⁰ Так звали одного из двух котов Клемпереров.

Это было состояние одержимости и крайнего истощения; даже когда я вынужденно бывал занят чем-то другим, одержимость меня не оставляла. Теперь до марта я буду печатать на машинке и отшлифовывать. Но книга готова, и она удалась. Однако кто ее станет издавать? В ней не менее 500 машинописных страниц.

Сразу же за этим, как второе главное событие, я ставлю кончину нашего Никельхена, которая затронула меня так же глубоко, как смерть горячо любимого человека, всколыхнула в душе все «сопутствующие» горькие вопросы и не отпускает до сих пор. Зверек, такой ласковый и дружелюбный по отношению ко мне и ко всем прочим, питал поистине трогательную, нежную и страстную привязанность к Еве. Последние десять–двенадцать дней он находился в полу забытьи или в полном забытьи, но, когда Ева его поднимала и клала перед собой на стол, он немного приходил в себя и старался к ней прижаться. Последние недели он не был столь чистоплотен, как прежде, музыкальная комната, где мы его держали, вся пропахла, выглядел он ужасно, но мы все время надеялись, что котишко все же оправится. 10.12 мы отвезли его к д-ру Гроссу,

котик лежал в своем ящике почти неподвижно. Там его еще раз подвергли осмотру, затем последовал укол синильной кислоты. Я слишком сентиментален? Но так ли уж велико различие по сравнению со смертью человека? Он прибрел к нам крошечным котенком 31 июля 1932 года.

Очень горьким было также урегулирование вопроса о моей пенсии. «Показушный» пункт о том, что евреи, сражавшиеся на фронте, якобы увольняются с полным месячным содержанием, как оказалось, вовсе не применяется — это всего лишь ложь для заграницы, как и все, что делает и предпринимает это правительство; не предусматривается даже обычного порядка увольнения на пенсию, все решает лишь лживый, раздутый параграф 6. Мне высчитали 61 процент и добавили к этой «предварительной» сумме в 480 марок еще 59 марок на шесть месяцев. Я должен, таким образом, укладываться в сумму примерно 490 марок. Некоторые живут и на меньшие деньги, и мы обойдемся, но тем горше потому, что в течение нескольких недель мы пребывали в надежде на выплату полного жалованья.

Однако денежный вопрос ни в коем случае не должен приводить нас в отчаяние.

Несбывшаяся надежда имела очень реальные последствия. Мы так часто говорили о поездках на машине, ведь Еве трудно ходить; к тому же наши денежные затруднения заставляют нас экономить на такси и не позволяют даже мечтать о каких-либо путешествиях, а вокруг столько машин, совсем простые люди, поселившиеся в домах на окружающих нас новых улицах, практически все имеют гаражи, конечно, люди они деловые, коммерсанты — короче, я уже записался у Штробаха на курс обучения, чтобы иметь возможность самому водить автомобиль, заплатил 60 марок за двенадцать уроков и 22.11, после двух теоретических занятий, впервые в жизни сел за руль и начал ездить. Сначала, к моему отчаянию, вождение давалось мне с трудом, я приходил домой измученный, насквозь пропотевший, но понемногу я начал кое-что усваивать, дела пошли на лад — и вот мое высшее достижение, пик моей гордости: поездка через весь город (без малейшего страха!) почти до самого Пильница и обратно (Люте, шофер, механик с сорокалетним стажем: «Вы

еще заделаетесь ненароком гонщиком, господин профессор») и затем коротенькая поездка здесь, наверху, с Евой в качестве пассажирки (всего несколько минут), однако под конец вновь полное отчаяние («Не знаю, господин профессор, не знаю; вы все время жмете на газ, когда его надо убавлять, и врезаетесь в любое препятствие, вы не можете водить» и т. д. и т. д.). Вину за этот провал следует возложить: а) на ошибку Люте, который гонял меня целый час по старому городу с его лабиринтом улочек, с бесконечными поворотами, так что я чрезмерно устал; б) на мою депрессию из-за денежных дел. Курс вождения был закончен, но я не был допущен к экзамену, это было незадолго до Рождества. Тут на меня напало упрямство. Кроме того, я слышал со всех сторон, что экзамен не такой уж трудный и что вначале никто не ездит по городу уверенно, что даже после получения водительского удостоверения приходится еще долго самостоятельно упражняться, — действительно, я слышал это буквально ото всех, *id est*³¹: от Исаковица, от плотника Ланге, от Фурмана, постав-

³¹ То есть (лат.)

лявшего нам шлак, и т. д., от Фишера, от купца Фогеля... Я чувствую также, внутренне испытывая самого себя, что мне удалось избавиться от первоначального чувства страха. Поэтому я пошел на этих днях к Штробаху (фирма «ДКВ»³² – на Сидониенштрассе; авторемонтная мастерская и гараж, откуда мы выезжаем, находится на Полярштрассе) и записался на повторный курс, на этот раз – за 40 марок. Он должен начаться самое позднее в следующем месяце, и после этого повторного курса я хочу – хочу и должен! – пойти на экзамен. И если получу водительские права, то собираюсь снять деньги со страховки и за пару сотен марок купить подержанный автомобиль, чтобы без всякого гаража держать его под навесом на нашем участке. Эта машина сможет вернуть нам часть утраченной жизни и окружающий мир. Мой ежемесячный доход – 490 марок; буду считать, что мы имеем на жизнь 400 марок, а 90 марок в месяц нам стоит машина. Мысли о страховке не должны меня беспокоить. Мне ведь так и так придется на время изъять оттуда годовой взнос; ничего

³² Марка автомобиля (немецкая малолитражка того времени).

страшного, если я возьму на пару сотен больше. Какой смысл в такое время загадывать на год вперед? Возможно, меня к тому времени убьют; возможно, я снова буду принят на работу; возможно, выплаченная мной страховая сумма станет жертвой инфляции, как уже однажды было; возможно... короче, я хочу быть легкомысленным и хочу этого вполне осознанно. Если я умру, моя маленькая пенсия достанется Еве, и она еще получит несколько тысяч по страховке. Долг по за кладной в 12 000 марок? Но ведь цена дома благодаря пристройке возросла. Если Венглеры через восемь лет расторгнут соглашение, можно будет получить другую ипотечную ссуду. 6000 марок долга Георгу или его наследникам? Это подождет до выплаты страховки, и, во всяком случае, арест на наше имущество никто не наложит. Я хочу быть крайне легкомысленным — и полагаю, что действую в духе Евы. Это нечто вроде внутреннего голоса, который подгоняет меня и заставляет принимать решения.

Пенсия, автомобиль, Никельхен — вот самые крупные события последних двух месяцев, когда я не делал записей в дневнике. Между ними более мелкие и более

будничные: люди, прочитанные книги, кино, Дядюшка³³ — все это я коротко опишу в своем дополнении завтра.

Сегодня только важнейшие итоги 1935 года:

Уволен с работы 1 мая 35-го. Надежды выехать за границу лопнули. Постройка дома. Закончил первый том «XVIII века» (весь этот год писал только его). Курс вождения автомобиля. Смерть котика. Отъезд Блюменфельдов в Лиму. Работа над корректурой его «Психологии периода полового созревания». (Сегодня ужасное сообщение: высланная 19.12 корректура с правкой не прибыла. Немедленно подал жалобу на почте.)

Все еще Третий рейх и весьма слабые надежды дожить до четвертого. Вообще мало надежды до чего-либо еще дожить: постоянные сердечные приступы, дорога вверх через парк — мое ежедневное *Memento*³⁴. Ограничения в курении и прочие *précautions*³⁵ сняты,

³³ Так назвали поселившегося на участке Клемпереров бездомного кота, которого с наступлением холодов удалось пристроить.

³⁴ Намек на выражение «*Memento mori*» — «Помни о смерти» (лат.).

³⁵ Предосторожности (франц.).

я и здесь хочу быть легкомысленным. Меньше связанности и обязательств на остаток жизни. Часто возникающее чувство, что все подходит к концу. Это был наш самый оседлый год, наиболее далекое путешествие — в Хайденау. Самое важное достижение: научился печатать на машинке.

1936

31 января, пятница вечером

История с автомобилем пока приносит одни неприятности. Община Дольцшена придирается ко мне из-за запланированного мной гаража. Гараж с плоской крышей «обезобразит» местность. Хотя вокруг полно гаражей с плоской крышей! Но это возможность поズлить «еврея». Итак, требуется крыша с наклоном в 45°. Собачья конура, как выражается Ева. Разговор наверху, в управлении общины, довел меня до крайне нервного состояния. Я осознал всю беспомощность и бесправие моего положения. Подходящий автомобиль — новый для нас слишком дорог — тоже пока еще не нашелся. И меня все снова и снова одолевают сомнения, имеет ли все это смысл и правильно ли я поступаю. Мы бедны, наше будущее в высшей степени неопределенно, я все чаще думаю, что жить мне осталось совсем

недолго, и я собираюсь потратить 2000 марок моей страховки на эту, в сущности, роскошь. Но, возможно, все это не так уж бессмысленно, как мне кажется.

Политическое положение угнетает меня все больше. Надежды дожить до переворота у меня почти уже не осталось. Все вокруг полны покорности — повсюду торжествует низость. Вчера были пышные празднества по поводу даты 30 января¹. Три года! А может затянуться и на сто лет!

Медленно перепечатываю и одновременно тщательно редактирую раздел о Вольтере. Кое-что мне нравится, многое — нет. Также и в отношении издания моей книги надежда все слабеет и слабеет.

11 февраля, вторник

После весенней мягкой погоды внезапно, уже два дня, резкое похолодание, утром 10° мороза.

Положение все безысходнее. В Давосе еврейский студент застрелил немецкого агента национал-

¹ 30 января 1933 года Гинденбург назначил Гитлера канцлером Германии.

социалистической партии². В настоящее время, так как здесь будут проходить Олимпийские игры, эта история замалчивается. Впоследствии отыграются на заложниках, немецких евреях. Такова обстановка в целом. Что касается моего частного случая: я единственный еврей в общине Дольщен, по крайней мере единственная «заметная персона». Бургомистр Калике уже придирился и оскорбительно отзывался обо мне в разговоре с Преториусом еще летом, когда мы строились. Я-де «обезобразил» местность своим деревянным домом с толевой крышей. Сейчас, в случае с гаражом, дело обстоит еще хуже. Здесь же, на Киршберг, несколько недель назад некто построил гараж — обычное строение типа сарая, с плоской крышей. Но мне это запрещено. В «этом» году никаких больше «обезобразий»; от меня требуют увенчать гараж остроконечной декоративной крышей, которая

² Желая отомстить за убитых гитлеровцами евреев, студент Давид Франкфуртер застрелил 4 февраля 1936 года одного из местных активистов НСДАП, ландесгруппенляйтера Вильгельма Густлофа.

отберет у нас пространство и закроет вид. Я сказал секретарю в управлении: «Я ничего не обозображиваю. Тогда пусть не будет никакой стройки, и не потребуется никаких рабочих рук». Он: «Вы должны в любом случае переговорить с бургомистром, но я не думаю...» Я: «Я не прошу ни о чем, что не кажется мне само собой разумеющимся. До свидания». На следующий день каменщик и плотник идут к бургомистру и просят за меня, ради того, чтобы им заработать. Бургомистр велит мне передать, что я-де не представляю себе, что происходит на самом деле, что я здесь гость и у него есть охота подержать меня хотя бы ночку под арестом. Показание плотника Ланге, в доме которого несколько недель назад произвели обыск и которому угрожали в полиции, по сути — донос: «У него хранится научная книга, которую ему оставил удравший за границу еврей Блюменфельд — после помохи при упаковке вещей или когда-то еще». Я полностью сознаю, что моя жизнь и вправду находится под угрозой. Вся эта автомобильная история представляется мне все безумнее.

6 марта

В октябре Георг написал мне, что он эмигрирует, но перед этим еще заедет со мной повидаться. Я сразу ответил ему на это письмо, затем я поздравил его с Новым годом, а две недели назад написал ему во Фрайбург. Ответа нет.

3.3, после паузы длиной в месяц, у нас были, пили с нами кофе Сузи Хильдебрант и Урсула Винклер (мои последние студентки). Сузи Хильдебрант рассказывает, что, по сведениям ее тети, Георг уже находится в США.

Вчера на вокзале я говорил с Мартой, она уезжала к своему сыну в Прагу: тот все еще ожидает въездной визы в Россию. Марта рассказала, что Георг переселился в Бостон, где его сын работает врачом в госпитале. До этого он был с Зусманами³ в Кёльне; Марте, по крайней мере, он написал прощальное письмо. Мне он летом отправил подаяние в 6000 марок (потому что обещал это отцу!) и после этого считал возможным

³ Младшая сестра Виктора Клемперера Валеска (Валли; 1877–1936) была замужем за врачом Мартином Зусманом.

вычеркнуть меня из памяти. Он явно считает, что я покрыл себя позором, потому что остаюсь в Германии. Вероятно, мы никогда больше не увидимся. Ему ведь за семьдесят, а меня подводит мое негодное сердце. Марта еще рассказала, что старший сын Феликса⁴ уехал в Бразилию, Бетти Клемперер⁵ собирается в США; даже Зусманы и Ельски-младшие сами, оказывается, хотят эмигрировать — еще до начала Олимпиады. Я буду последним из нашей семьи, кто останется жить здесь и здесь же погибнет. Но я, право же, не могу поступить иначе.

Мы, в буквальном смысле слова, зарываемся в землю, все время что-то вскапываем и закапываем. Это истинное безумие, но, возможно, это безумие закончится победой и окажется лучшим вложением капитала. Сейчас выкапывается яма для гаража. После многих

⁴ Курт, сын Феликса (1866–1932), брата Виктора Клемперера, адвокат; эмигрировал в 1934 году в Бразилию, так как не имел права работать в Германии по своей специальности.

⁵ Элизабет Клемперер, вдова Феликса Клемперера, уехала в Кливленд (США).

неприятных разговоров решено было построить гараж спереди, частично встроив в террасу, выкопать под ней яму вроде подвала. Это будет стоить нам supergiù⁶ от 900 до 1000 марок. Автомобиль был куплен 2 марта. Цена — 850 марок, но, сверх того, 19 марок в месяц налога. «Опель» 1932 года, мощность — 32 лошадиные силы, 6 цилиндров; автомобиль совсем открытый, без верха. Продавец из лавки колониальных товаров порекомендовал нам механика Михаэля, которому можно доверять, и тот ездил с нами от продавца к продавцу. Мы увидели «нашу машину» сперва через окно, дверь была заперта (у Майера на Фридрихштрассе). Ее вид сразу расположил нас в ее пользу.

После обеда машина была здесь, а вечером мы оформили покупку. С тех пор я ее, в сущности, не видел. Она поставлена на хранение у Михаэля, который должен ее осмотреть и затем перегнать к нам. Я смогу на ней ездить, когда из Бранденбурга будут доставлены необходимые бумаги. Смогу ли я вообще ездить? Каково будет состояние моих нервов и моих денежных

⁶ По меньшей мере (итал.).

ресурсов? Ежемесячно 19 марок налога, 33 марки — страховой взнос! Все вместе — авантюра отчаявшегося человека.

8 марта

Я угодил вчера возле площади Бисмарка в самую середину речи Гитлера в рейхстаге. Ничего похожего на рейхstag, поистине опера Кролля⁷. От этой речи я не мог потом освободиться в течение часа. Сперва на площади, в открытом магазине; потом — в банке; потом — опять в магазине. Он говорил совершенно нормальным, здоровым голосом, большая часть была хорошо сформулирована, хорошо прочитана, не слишком патетична. Речь по поводу введения войск в Рейнскую

⁷ После поджога здания рейхстага германский рейхстаг заседал в помещении оперы Кролля.

область («Аннулирование Локарнских соглашений»)⁸. Три месяца назад я был бы убежден, что из-за этого в тот же вечер начнется война. Сегодня vox populi⁹ (мой мясник) говорит: «Они не осмелятся». Всеобщее убеждение, в том числе и наше: все будет спокойно. Новое деяние Гитлера в борьбе за «освобождение Германии», нация ликует — что значит по сравнению с этим свободы внутри страны, какое нам дело до евреев? Он укрепил свое положение, застраховал себя на неизвестное время. Он ликвидировал и рейхстаг — ни один

⁸ С 5 по 16 октября 1925 года в Локарно между державами-победительницами в первой мировой войне и Германией было заключено соглашение о дополнительных гарантиях западных границ Германии. Рейнский гарантый пакт предусматривал соблюдение постановления Версальского договора 1919 года и сохранение для так называемой Рейнской области статуса «демилитаризованной зоны». В 1936 году, воспользовавшись в качестве предлога пактом, заключенным между Францией и Советским Союзом, Гитлер объявил, выступая в рейхстаге, что Локарнский пакт потерял свой смысл и практически перестал существовать. Одновременно в Рейнскую область были введены немецкие войска. Со стороны заграницы последовали лишь слабые протесты.

⁹ Глас народа (лат.).

человек не знает имена «избранников», — и он убедительно «просит» народ своим новым выбором 29.3... и т. д.

Я бесконечно угнетен, я уже не доживу ни до каких перемен.

Это будет невероятный успех правительства¹⁰. Оно получит миллионы и миллионы голосов «за свободу и мир». Ему не потребуется ни одного фальсифицированного голоса. Внутренняя политика вообще забыта. Пример: Марта Вихман, на днях нас посетившая, до недавнего времени убежденная демократка: «Мне ничто так не импонирует, как нынешнее вооружение и введение войск в Рейнскую область». И далее: «Я слышала доклад про Россию, там все так ужасно, нам здесь намного лучше», а) Всем ужасным рассказам о России безусловно верят; б) знают только одну альтернативу: большевизм или национал-социализм, и ничего между ними; в) дурман от внешней политики заставил

¹⁰ 29 марта 1936 года состоялось всенародное голосование по вопросу о ремилитаризации Рейнской области, и 99 процентов немцев проголосовали за ввод в нее войск.

позабыть все остальное. Все это, конечно же, импонирует загранице и становится таким образом — несмотря на осуждение Лиги Наций и предложение послать в Рейнскую область международные полицейские силы — невероятной победой Гитлера. Он перелетает из одной части страны в другую и произносит триумфальные речи. Все в целом называется «избирательная борьба». Опера Кролля называется «рейхстаг». Весьма характерно. Народные избранники — это хор, статисты, клака и ансамбль хоровой декламации. Гитлер сказал недавно: «Я вовсе не диктатор, я лишь упростили демократию».

28 апреля, вторник

Постепенно вождение автомобиля начинает мне все больше нравиться. Въезд в садовые ворота все еще мучителен, но стартер работает исправно, я езжу все лучше, и мы часто пользуемся машиной. Ева и вправду стала больше двигаться. Мы уже четыре раза были на выставке цветов, которая очень много ей дает, а я в свою очередь радуюсь ее радости. Эти посещения выставки мы совмещаем иногда с другими надобностями: с ви-

зитом к зубному врачу или, как сегодня, с поездкой на вокзал, где мы приветствовали, во время остановки поезда, проезжавшую мимо Марию Стриндберг¹¹. Один день после обеда мы провели у Венглеров и потом вместе с ними посетили Радеберг. Я мало что вижу, когда сижу за рулем, но вождение машины само по себе — радость и отвлечение, и Ева сидит рядом со мной уже не так напряженно и скованно, как раньше. D'altra parte¹²: утомление, сердцебиение, расходы.

И безотрадность нашего положения. Предписание служащим: они не имеют права общаться «с евреями, даже с так называемыми порядочными евреями, а также со всеми имеющими дурную репутацию элементами». Мы полностью изолированы. Уже несколько недель мы ничего не слышим больше об Аннемари Кёлер, ничего — об Йоханнесе Кёлере.

¹¹ Мария Лацар-Стриндберг — австрийская писательница, давняя знакомая Клемпереров.

¹² С другой стороны (итал.).

3 мая, воскресенье вечером

Вчера, 2 мая, я окончательно завершил работу над первым томом «XVIII века», и вот полностью подготовленная к печати рукопись упакована и отправлена на покой, без особой надежды на воскрешение. С большой неохотой начал сегодня читать «*Contrat social*»¹³.

16 мая, суббота, вторая половина дня

Моторизованный день годовщины нашей свадьбы: вчера вечером, после долгого перерыва, были в кино — выехали в четверть девятого, в половине девятого поставили машину на Фрайбургерплац, через четверть часа после окончания сеанса, в половине двенадцатого, уже были дома. Это было величайшее наслаждение, в этом отношении автомобиль дал нам действительно

¹³ «Общественный договор, или Принципы политического права» (1762), одно из главных политико-философских сочинений французского мыслителя и писателя Жан Жака Руссо (1712–1778). Главная мысль: государство есть политическая организация, основанная на «общественном договоре», который его граждане заключили, исходя из своих природенных и неотъемлемых прав на свободу и равенство, а также из своей способности к самоопределению.

все, что мы от него хотели. И сегодня с утра я съездил на машине в город, сделал все покупки и выполнил все поручения — в центре я езжу теперь совсем свободно; затем, в половине двенадцатого, вместе с Евой поехали в Вильсдруф, в древесный питомник, провели там почти два часа, погрузили в машину восемь саженцев хвойных деревьев (3 центнера¹⁴) и отправились в обратный путь, кое-где уже со скоростью 50 км. Это было приятно и утешительно, но Харлану¹⁵ за общий осмотр машины и мелкий ремонт в течение последних дней я заплатил 75 марок, расход бензина как прежде, так и теперь чудовищен, моя вера в продолжительное здоровье моей машины невелика, а мои сомнения в том, что я сумею продержаться и свести концы с концами в финансовом отношении, напротив, очень велики. Они тем больше, чем дольше затягивается утомительная работа по устройству гаража и — прежде всего —

¹⁴ Немецкий центнер равен 50 кг.

¹⁵ Вольфганг Харлан, автомеханик из фирмы «Опель», незадолго до этого выручивший Клемперера, когда у того в машине отказали тормоза.

по сооружению к нему подъездного пути, работа, поистине не знающая конца. Постоянно надо вывозить мусор, постоянно, по вечерам, у нас трудятся супруги Ланге, а пожилой дядюшка его жены стал у нас теперь постоянным рабочим дневной смены — все это стоит денег, и недавно был таким образом истрачен второй, и последний, резерв со страхового счета «Идуны».

Настроение этого дня нашей свадьбы? Я чувствую себя старым, я не доверяю своему сердцу; не верю, что у меня впереди еще много времени, не верю, что смогу дожить до конца Третьего рейха, меня захватил поток, и я, как истинный фаталист, плыву по течению, не предаваясь особому отчаянию и не в силах полностью отказаться от надежды. То, что Ева так упорно цепляется за строительство дома, служит опорой и мне. Как бы я выдержал без Евы это давление, этот позор, эту неуверенность и одиночество — просто не могу себе представить. День ото дня обстановка становится все тягостнее, кольцо сжимается. Вчера получил прощальное письмо от Бетти Клемперер из Бремена (а ведь Феликс — ее муж и мой брат — был одним из первых врачей, которые удостоились Железного креста пер-

вой степени, он участвовал в русском наступлении Гинденбурга, перевязывал раненых в окопах); теперь и женщины нашей семьи покидают Германию, и в иные моменты тот факт, что я остаюсь, кажется мне позорным — но что я буду делать там, где не смогу быть даже учителем языка? Исаковиц, у которого Еве снова приходится много бывать (далнейшее ухудшение нашего финансового положения), через несколько недель переезжает в Лондон; Кёлеры, как «приличные», так и «неприличные», не дают о себе знать: ведь служащим строго запрещено общаться «с евреями, а также со всеми, имеющими дурную репутацию элементами». Внешнеполитическое положение невероятно запутано, но оно, безусловно, предоставляет правительству Гитлера величайшие шансы: огромное немецкое войско внушает страх любой из сторон, и каждая сторона в нем нуждается; немецкий бизнес, вероятно, будет кооперироваться с Англией, а может, с Италией, но у него хорошие перспективы, и он обязательно будет работать на пользу теперешнего правительства. Я уже не слишком верю, что у правительства много врагов внутри страны. Большинство народа довольно, неболь-

шая часть считает Гитлера наименьшим злом, никто не хочет в действительности от него избавиться, но все видят в нем освободителя на ниве внешней политики, и все панически боятся «русских обстоятельств», как ребенок боится страшного «черного человека»; эти люди считают — в той мере, в какой они не опьянены гитлеровским хмелем, — что с точки зрения реальной политики несвоевременно возмущаться из-за таких мелочей, как подавление буржуазных свобод, преследование евреев, фальсификация всех научных истин и систематическое разрушение всякой нравственности. И все испытывают страх за свой кусок хлеба, за свою жизнь, все так ужасно трусливы! (Имею ли я право их в этом упрекать? Я, который в последний год моей службы принес клятву верности Гитлеру; я, который остался в этой стране, — я, право же, не лучше, чем мои арийские соотечественники.)

16 июля, четверг

«Новая инструкция по начислению суммы основного налога», имеющая обратную силу вплоть до апреля 1934 года, требует от нас уплаты 41 марки и 95

пфеннигов в месяц; сбор за пользование водопроводом составляет 10 марок 80 пфеннигов. Эти сами по себе небольшие суммы означают для нас почти полную катастрофу. Мы не взяли никакой временной помощницы, когда фрау Леман уехала в отпуск, и сами все моем и убираем; мы экономим каждый грош и каждый литр бензина, это было бы трагикомичным — все-таки человек имеет собственный дом и собственную машину! — если бы не было таким беспространно гнетущим и если бы мы с каждым месяцем не опускались все ниже и ниже. На меня напал какой-то стоицизм, по-немецки — отупение: возможно, все же произойдет какая-нибудь перемена к лучшему; если же нет, то нас ожидает разорение и гибель. Мне и Еве уже по пятьдесят четыре года, у нас ведь была очень интересная и содержательная жизнь — какая, в сущности, разница, закончится ли она немного раньше или немного позже, в общем-то, неважно, сколько людей смогут перевалить за пятьдесят. Насмешки или позор? Но ведь это понятия из прошлого. Да, мы были почтенные, уважаемые люди. А что мы теперь? И чем станем через два месяца, когда пройдет Олимпиада и щадящий режим

для евреев закончится; когда в Швейцарии начнется судебный процесс над убийцей Густлоффа?

7 августа, пятница

Вчера испытал сильнейший удар со времени моего увольнения со службы: Маркус из Бреслау, с которым я вел весьма обнадеживающие переговоры, все же отказался печатать мой первый том — «Эпоху Вольтера»; притом — и это самое печальное — он обосновал свой отказ исключительно деловыми, книгоиздательскими соображениями, которые, безусловно, верны и почти наверняка повлияют на решение любого другого издателя. Соображения таковы: если даже в более благоприятные времена для более ходового материала XIX века в течение одиннадцати лет не нашлось достаточно покупателей, чтобы полностью исчерпать первое издание, то кто сейчас проявит достаточный интерес к высокоученому «пухлому» тому, посвященному XVIII веку? С деловой точки зрения это предположить невоз-

можно. *Vanitas vanitatum*¹⁶ — и ничего более, но ведь это же частица труда, которому посвящена вся моя жизнь, и теперь его лишают права на воздействие и даже просто на существование. Впечатление такое, будто меня погребли заживо. Одновременно меня угнетает и финансовая сторона дела. Я так надеялся по меньшей мере на несколько сотен марок; в итоге же — ничего и даже меньше, чем ничего: понимание, что я отрезан от всех возможностей заработка. Нам не хватает 50 марок, чтобы зацементировать веранду над гаражом, нам постоянно не хватает каких-то грошей на то и на это; и мы уже недостаточно молоды, чтобы с легкостью переносить такую стесненность в средствах.

По закону инерции я продолжаю корпеть над «Общественным договором».

13 августа, четверг

Олимпиада заканчивается в следующее воскресенье, объявлен съезд НСДАП, предстоит очередной взрыв,

¹⁶ *Vanitas vanitatum (et omnia vanitas!)* — Суета сует (все суета!) — (лат.; библ.), Кн. Екклесиаста, или Проповедника, 1:2.

и, естественно, прежде всего сорвут злость на евреях. Так много всего накопилось за это время. В сентябре начнется процесс по делу Густлоффа; вопрос о Данциге всего лишь отсрочен¹⁷, «союзные» поляки присвоили французскому генералу Гамелену¹⁸ звание маршала, Муссолини безнаказанно присвоил Абиссинию — и уже две недели полным ходом идет гражданская война в Испании¹⁹. В Барселоне, по решению революционного суда, «убиты» четыре немца — новые мученики национал-социализма; еще до этого утверждалось, что

¹⁷ Притязания гитлеровской Германии на Данциг звучат все более открыто с 1933 года. По Версальскому договору 1919 года Данциг был отделен от Германской империи и провозглашен «вольным городом» под протекторатом Лиги Наций.

¹⁸ Гамелен Морис Гюстав (1872–1958), в 1938–1940 годах был главно-командующим французскими войсками, в 1939–1940-м — главно-командующим войсками союзников во Франции; коллаборационистское правительство «Виши» старалось свалить на него вину за поражение Франции в 1940 году.

¹⁹ После мятежа против Испанской республики, который возглавил генерал Франко, в июле 1936 года Германия, Италия и Португалия оказали военно-фашистским силам франкистов военную помощь. 18 ноября 1936 года Германия и Италия признали режим Франко.

эмигрировавшие туда немецкие евреи злобно клевещут на Германию. Бог знает, чем все это кончится, но наверняка, как всегда, последуют новые нападки на евреев и новые их притеснения. Я не думаю, что нам удастся сохранить наш дом. Марта сообщает из Праги, что там и в Англии считают, что осенью начнется война, — но в Праге уже так часто этому верили. Политическая перспектива меняется почти ежедневно: это было бы невероятно интересно, если бы не было так безнадежно. Ради Испании Наполеон III начал свою отчаянную, окончившуюся крахом войну — но насколько уместна здесь аналогия? Я постоянно слышу, последний раз от учителя Форбрига, что Гитлер действительно хочет мира, еще на год или на два, потому что до этого мы не завершим нашу подготовку и вооружение. То, что в Германии знает каждый ребенок, не может быть неизвестно господину Леону Блюму²⁰.

²⁰ Леон Блюм (1872–1950), лидер Французской социалистической партии, в 1936–1938 годах — премьер-министр Франции, глава правительства Народного фронта. Проводил курс на «умиротворение» гитлеровской Германии.

Неужели во Франции так глупы, что будут дожидаться, пока их придут убивать? Опять-таки: почему они покорно сносили все это до сих пор? Франция — со стороны Германии, Англия — со стороны Италии? Все это совершенно темно и непонятно. Вероятно, никто, даже из тех, кто стоит у власти, не знает фактически наличных сил, стоящих на пути препятствий и настроений.

Олимпиада, которая вскоре заканчивается, отвратительна мне вдвойне: 1) как безумная переоценка спорта как такого; честь народа тут зависит от того, прыгнет ли соотечественник на десять сантиметров выше, чем другие. Кстати, выше всех прыгнул негр из США, а серебряную медаль за фехтование выиграла для Германии еврейка Хелена Майер (я не знаю, в чем больше бесстыдства — в ее выступлении за Третий рейх или в том, что ее достижение было засчитано как успех Третьего рейха). В «Берлинер иллюстрите» от 6.8 помещена чрезвычайно научная и в некотором роде педагогическая статья д-ра Курта Центнера: «Аутсайдеры не имеют шансов. (Только постоянные и упорные тренировки ведут к цели.)» В ней рассказывается, с какими

«жалкими первоначальными результатами» начинали многие нынешние спортивные герои, которые затем, лишь благодаря планомерным и крайне напряженным тренировкам, достигли своих выдающихся результатов, как, например, «гениальный теннисист мирового класса Боротра», и автор заканчивает свою статью (стиль морализаторского еженедельника «Спектатор»): влачил, дескать, когда-то свои дни в Бриенном военном училище никому не известный молодой корсиканец, который ежедневно повторял, что хочет стать маршалом, и он стал императором Наполеоном. Конечно, спорт в Англии и США всегда ценился необычайно и даже чрезмерно высоко, но все же нигде его не оценивали так односторонне, с таким одновременным принижением духовной сферы, как теперь у нас (оценка школьных работ: «интеллектуалистский» — бранное слово); следует также учесть, что названные выше приверженные спорту страны не имеют всеобщей воинской повинности. 2) Наконец, мне потому еще так ненавистна Олимпиада, что это вовсе не спортивное — я имею в виду у нас, — но целиком и полностью политическое мероприятие. «Немецкий Ренессанс, достиг-

нутый благодаря Гитлеру», — прочел я недавно. Народу и иностранцам непрерывно внушается, что они видят здесь подъем, расцвет, новый патриотический дух, единство, крепость и величие, любовно объемлющий весь мир дух Третьего рейха. Скандирование лозунгов (на время Олимпиады) запрещено, антисемитская пропаганда, воинственный тон, все одиозное из газет исчезло до 16 августа, и до этого же дня повсюду день и ночь висят знамена со свастикой. В статьях, написанных по-английски, внимание «наших гостей» все снова и снова обращается на то, какая мирная и радостная у нас здесь атмосфера, в то время как в Испании грабят, убивают и свирепствуют «коммунистические орды». И «сотни тысяч» устремились в Берлин благодаря «силе и радости»²¹; что же касается иностранцев, перед которыми Германия «лежит как открытая кни-

²¹ Иронический намек на национал-социалистическую организацию «Сила в радости», включенную в состав гитлеровской профсоюзной организации «Германский трудовой фронт» и занимавшуюся вопросами организации досуга, отдыха и путешествий для рабочих.

га», — только кто отобрал и подготовил эти «открытые» места в книге? — то их прибыло не так уж много, и берлинцы, сдающие комнаты, не слишком довольны.

29 августа, суббота

В среду мы ужинали у фрау Шапс и застали там супругов Герстле; Герстле намерен совершить деловую поездку в Париж. Что мне мучительно неприятно в Герстле — это то, что в альтернативе «национал-социализм — большевизм» он предпочитает национал-социализм. Мне отвратительны обе эти доктрины, я вижу их близкое родство (кстати, Герстле это тоже видит), но расовая теория национал-социалистов кажется мне самой зверской из всех (в буквальном смысле слова). Супруги Герстле рассказали мне о небольшом автодорожном происшествии: у фрау Зальцбург произошло легкое столкновение с другой автомашиной на одном из верхнебаварских разворотов. У той и другой стороны были помяты крылья, они взваливали вину друг на друга, началась ожесточенная перебранка, все были испуганы, пока взаимно не признали друг в друге неарийцев: это вызвало немедленный вздох облегче-

ния с обеих сторон и быстрое заключение мира... Было зачитано пришедшее авиапочтой письмо от Блюменфельдов из Лимы: они более или менее довольны. Об одной из подруг Греты Блюменфельд, которую мы знаем, было рассказано, что она в Йоханнесбурге открыла салон красоты. Об Эрике Баллин-Дрейфус также было сообщено, что она устроилась и неплохо зарабатывает в Южной Африке, а ее муж еще в Лондоне, где трудится над подтверждением своего докторского диплома. Столько людей уже обрели где-то возможность нового существования, а мы все еще сидим здесь, все еще чего-то ждем со связанными руками. Сегодня здесь выступает Штрайхер²². Уже много дней это величай-

²² Юлиус Штрайхер (1885–1946), известный нацистский политический деятель, яростный проводник антисемитской политики нацистов; с 1919 года в Нюрнберге активно действовал в националистических организациях, с 1922-го перешел в НСДАП. С 1923 года начал издавать крайне одиозный бульварный антисемитский листок «Штурмэр» (штурмовик). В 1940 году вызвал раздражение нацистского руководства и был снят со всех партийных постов. На Нюрнбергском процессе в 1946 году был приговорен к смертной казни.

шее событие пропагандируется с применением всех методов предвыборной агитации: плакаты, широкие полосы материи с соответствующими надписями, протянутые поперек улиц; демонстрации, барабанщики, коллективные декламации. Объявление в газете: на Королевской набережной будет сооружен «лес из ста знамен», а перед ним башня высотой в одиннадцать метров; с нее якобы и будет говорить «вождь Франконии» и «штурмер». Сегодня газета публикует его автограф: «Кто борется с евреем, тот вступает в бой с чертом». Я часто сомневаюсь, переживем ли мы Третий рейх. И однако же, мы продолжаем жить, как жили. Несмотря на ужасающую нужду в деньгах, которая становится все более гнетущей, мы договорились с Ланге, и он зацементирует террасу над гаражом. Это будет стоить еще 50 марок. Я не знаю, как мы будем жить дальше, как сможем сводить концы с концами, мой страх все возрастает, но ведь и строительство нельзя оставить в таком незаконченном виде, приближается зима. В самом худшем случае придется повременить с визитами к зубному врачу.

Из-за нужды в деньгах теперь мы ездим на машине очень редко, малейшее повреждение, поломка — для нас катастрофа. Недавно в покрышку вонзился гвоздь, сегодня села аккумуляторная батарея и ее пришлось перезаряжать.

9 сентября, среда, ближе к вечеру

Весь день безуспешно сидел над первой главой «Эпохи Руссо». Голова просто раскалывается, к тому же полнейшая депрессия. Тем более ужасная, что я все время вынужден себе повторять: вся эта работа бессмысленна. Что с того, положу ли я в письменный стол большую или меньшую кипу исписанных листов. Национал-социалистический режим крепче, чем когда-либо; как раз сейчас в Нюрнберге их очередной триумф — «Съезд чести», где они строят планы до скончания века. И весь мир внутренне и внешне им покоряется.

14 сентября, понедельник

Мы не были в кино; за всю неделю машина прошла 29 км, лишь вчера воскресная поездка — 52 км. 100 км = 12 литров бензина + $\frac{3}{4}$ литра масла = примерно 5,20

марки. Мы так обнищали и так подавлены большими платежами (каско, то есть страхование автомобиля за 108 марок, — самое скверное; к тому же удручающие церковные налоги²³, зубной врач и т. д.), что экономим каждый грош, но наша экономия кажется все безнадежнее. Я хочу сделать попытку получить еще одну ипотеку в 1000–2000 марок под дом и участок. Это спасло бы нашу страховку, позволило бы закончить строительство террасы, вывело бы нас из самых неприятных положений и безвыходных тупиков. Только на какой срок? И кто сочтет наш домишко достаточно прочным, чтобы выдержать такой груз обязательств?

С денежной нуждой все снова и все острее (ничего не притупляется) смыкается ужас политической обстановки. Что за пароксизм и безумную ложь относительно евреев преподнес нам «Съезд чести» в речах Гитлера, Геббельса и Розенберга, превосходящих самое

²³ Считая себя внутренне принадлежащим к немецкой культуре и немецкой нации, Виктор Клемперер счел нужным подтвердить это тем, что в 1912 году принял крещение и стал членом евангелической церкви.

смелое воображение. Постоянно думаешь, что где-то внутри Германии должны же наконец раздаться голоса стыда и страха; что должен же прийти наконец протест из-за границы, где повсюду (даже в союзной Италии!) евреи занимают самые высокие посты, но — ничего! Только восхищение Третьим рейхом и его культурой, только унизительный, ползучий страх перед его войском и его угрозами.

Несмотря на все это и на тяжкое чувство покинутости своими друзьями, вчерашнее воскресенье оказалось утешительным. В первую половину дня мне удалось написать очень тяжелый вводный раздел с общей характеристикой, то есть «основными чертами» эпохи Руссо, — то, с чем я так боялся не справиться, — и тем самым я заложил добное начало для всего моего второго тома. Конечно, одновременно вновь нахлынула горечь из-за бесперспективности всей этой работы, но все же я это сделал, я снова это могу, раздел готов и будет ждать своего часа; возможно ведь, случится чудо: я, по крайней мере, буду к нему готов, я собрал и упорядочил материал, на основе которого сразу смогу действовать. В любом случае, я вновь доказал са-

мому себе, что мои творческие возможности еще не иссякли, что я способен еще создавать нечто стоящее. И я снова даю себе торжественную клятву, несмотря на все препятствия, продолжать работу.

9 октября, пятница

Возможно, это самый скверный день рождения в моей жизни.

Утром я получил сообщение от Марты, что Валли, которая перенесла тяжелую операцию и считалось, что она спасена — говорили, речь идет об удалении желчного пузыря, но на самом деле это был рак, — по заключению врачей, безнадежна; ее перевезли из клиники домой, Лотта, врач из Швейцарии, снова вызвана, чтобы ухаживать за ней до кончины.

Утром в библиотеке мне сообщили самым щадящим образом, что отныне я как «неариец» не имею права пользоваться читальным залом. Они готовы выдавать мне книги на дом или выносить в каталожный зал, но относительно читального зала поступил официальный запрет.

13 декабря, воскресенье вечером

В четверг были в кино: «Нищий студент»²⁴.

Сегодня после обеда небольшая зимняя поездка на автомобиле до Кипсдорфа. Впервые на обледенелом шоссе у Шмидберга машину начало заносить. Отвратительное чувство.

На процессе по поводу убийства Густлоффа в Куре убийца Франкфуртер сказал, что, увидев фрау Густлофф, он заколебался, ему впервые в голову пришла мысль: это женатый мужчина, это человек... Но затем он услышал, как Густлофф говорит по телефону: «Эти жидовские свиньи!» — и тут он выстрелил. Это точнейшая транспозиция из «Шарлотты Кордэ» Понсара²⁵: «Grand Dieu! sa femme! ...on l'aime!»²⁶ и «Va toujours, c'est pour la guillotine...»²⁷.

²⁴ Экранизация одноименной оперетты (1882) австрийского композитора Карла Миллекёра (1842–1899).

²⁵ Франсуа А. Понсар (1814–1867), автор трагедии «Шарлотта Кордэ» (1850), главная героиня которой — убийца Марата, вождя якобинцев в период Великой французской революции (убит в 1793 году).

²⁶ «Великий Боже! Его жена! ...он любим» (франц.).

²⁷ Здесь: «Все равно все кончится гильотиной...» (франц.)

Язык Третьего рейха: прошлым летом — «Битва за производство». Сейчас на предрождественских объявлениях — «Битва за покупателя». Названия сигарет: «Спортивная наяда», «Спортивный студент», «Спортивное знамя» (все — с расчетом на Олимпиаду).

В недавно купленной кинематографической газете меня поразило чудовищное пресмыкательство перед правительством. Одна актриса коротко рассказывает о своей жизни. При этом обязательно должна быть фраза вроде: «Мне выпало счастье видеть фюрера на его пути к стадиону».

Канун Нового, 1937 года, четверг

Рождество мы отметили совсем скромно. Съездили в Вильсдруф и купили в тамошнем питомнике заказанную еще весной по телефону елочку, запихнули рождественское деревце вместе с корнями и приставшими к ним комьями земли в машину; сегодня оно в последний раз постоит у нас в комнате, сверкая огнями, а завтра будет высажено в открытый грунт. К сожалению, наша «лошадка» доставляет нам в последнее время больше забот, чем удовольствия; все беды от

нужды — где дешево, там и гнило. Наша «старушка» постоянно требует ремонта, а финансовой помощи Георга хватило ненадолго. (Вопрос: сумеем ли мы в январе заплатить наши взносы в «Идуну»?)

Очень обременяли меня в эти недели хозяйственныe и кухонные работы, что совсем не пошло на пользу моему «XVIII веку». Я хотел закончить до Рождества четвертую главу «Эпохи Руссо» и едва-едва разделался с «Общественным договором». Таким образом, работа над «Руссо» затягивается до марта. Очень сильно меня задевает устранение из нашей жизни госпожи Леман.

Пришли рождественские письма: от Исаковицев, у них все сносно; от моего племянника, старшего сына Георга, который вскоре должен получить английское гражданство и дети которого, два мальчика, семи и девяти лет, уже учатся в английских школах; от Хатцфельда²⁸, который, как и я, безуспешно старается получить место за рубежом: кому нужен романист из Германии?

²⁸ Хельмут Хатцфельд, коллега Клемперера, профессор, доктор филологии, испанист из Гейдельбергского университета.

Пятнадцатилетняя дочь коммунистически настроенного плотника Ланге вернулась из трудового лагеря распропагандированной национал-социалисткой, отдалившейся от своих родителей. Вожатая собрала группу девочек на перроне и произнесла следующую напутственную речь: «Вы уже самостоятельные люди, действуйте согласно тому, что вы от меня слышали, не дайте родителям сбить вас с верного пути!» Когда мамаша Ланге захотела поговорить с дочерью откровенно, то получила в ответ: «Ты оскорбляешь мою вожатую!» Я представляю себе, что таких случаев сотни тысяч, и от этого у меня невыносимо тяжело на душе.

Резюме этого года будет очень коротким:

Радости и страдания, связанные с нашей машиной: сдача экзамена в январе, приобретение автомобиля в марте, всего наездили 6 000 км.

Постоянное обнищание и растущая нужда в деньгах; в октябре из тяжелейшего, безвыходного положения нас спасли деньги, присланные Георгом, но они кончаются так быстро. Усиливающиеся одиночество и изоляция. Нет более никакой надежды на получение работы за границей, очень маленькая надежда — не хочу ска-

зать, что никакой, все меняется ежечасно, — совсем ничтожная надежда на наступление конца Третьего рейха.

Первый том «Истории французской литературы XVIII века» полностью готов (и не взят издательством в Бреслау); с мая работаю над «Руссо» (но до завершения пока далеко).

В октябре выбрался на несколько часов в Берлин, присутствовал на кремации Валли²⁹.

²⁹ Сестра Виктора Клемперера Валли Зусман умерла 14 октября 1936 года.

1937

27 марта, суббота

Завтра Пасха, возможно со снегом. Вчера полностью закончен том «Руссо», готов для печати, со всеми примечаниями; на всех 104 страницах все еще раз просмотрено, исправлено и согласовано одно с другим. Теперь том можно запаковать и... предоставить тлению. Невероятно печальная история: моя лучшая книга будет истлевать без всякой пользы, какое-то донкихотство. Насколько без пользы, мне было еще раз усиленно, *ad oculos*¹, продемонстрировано вчера. Уже в 1919-м началось это бессмысленное постепенное вытеснение французского из школьного преподавания. Теперь антикультурная направленность школьной программы, результат «реформы» со стороны Третьего рейха, до-

¹ Наглядно (лат.).

стигла апогея и действует незамедлительно. Все гимназии и прочие солидные средние школы потеряли свой девятый выпускной класс. Французский преподается лишь в некоторых женских школах. Даже если когда-нибудь найдется для меня издатель (это нереальное если!) — кто еще сможет тогда читать мою книгу в Германии? В ней полно французских цитат, и даже если я все их переведу в сносках на немецкий, мои объяснения стилистических особенностей повиснут в воздухе. Все равно, задумаю ли я «Руссо» как монографию или как часть моей слишком объемной истории литературы, мне в любом случае вряд ли удастся привлечь читателя и добиться успеха. Если же прибегнуть к сокращению материала — «Руссо» или всего «XVIII века», — то получится примитивный компендиум, какой уже писали другие авторы сотни раз, а то оригинальное, заветное, что хочу и могу сказать только я, будет утрачено. Это крайне прискорбно, но мне не остается ничего иного, как продолжать свою работу — пятый год подряд, так как я сижу над ней аж с 1933-го.

Безнадежность этого предприятия усугубляется отчаянной нуждой в деньгах, которая принимает все бо-

лее удручающие масштабы. Смена поршня в цилиндре — за 20 марок — вызвала необходимость сменить все шесть шатунов и прочистить все вентили². В мастерской за это взяли бы около 300 марок, но я нашел через Фогеля надежного, пришедшего на дом механика, который согласился это сделать «всего» за 140 марок, из которых 110 я выплачу сразу, а оставшиеся 30 отдаю в апреле. Но крыло все так же искорежено, как было в самом начале, и старая-престарая шина ежедневно угрожает лопнуть, приходится часто менять масло, и так далее и тому подобное. К тому же счет от зубного врача уже превышает 74 марки, а одна из пломб, которая еще даже не оплачена, уже выпала. С каждой неделей мы все больше попадаем в тиски, из которых нам не вырваться: мой костюм рвется, в квартире — непролазная грязь, в доме и в саду еще ничего не закончено, ничего не готово, и я должен считать каждый пфенниг. Мы скатились до такого уровня жизни и впали в такую нужду, что у меня часто возникает желание заснуть и не просыпаться. Но я боюсь смерти и не хо-

² Прим. OCR: ошибка перевода — речь идёт о клапанах.

чу капитулировать. Выхода же я не вижу. Отказаться от машины — значит заточить Еву в тюрьму. При этом удовольствие от машины все же не идет ни в какое сравнение с причиняемыми ею хлопотами и расходами. Мы так охотно поехали бы на Пасху в Берлин — мы десятки раз обещали это Грете и Марте, которые постоянно нас приглашают и не понимают наших отказов: так необходимо ощущение близости и понимания со стороны людей, переживающих то же, что и мы, оказавшихся под тем же гнетом, — но поехать невозможно. Я — владелец виллы и машины, я получаю пенсию 492 марки в месяц, и в то же время мы беднее, стесненее в средствах, ближе к низам общества, чем были во времена нашей нищей богемной юности. Мы питаемся крайне плохо и примитивно, чтобы сэкономить время и деньги, над нами постоянно тяготеет мытье посуды, готовка, уборка, стирка — я полдня провожу на ногах в кухне. На долю Евы выпадают самые грубые работы, все это невероятно мерзко. Экономия на пфеннигах не помогает; машина, дом, зубной врач, налоги мгновенно пожирают любую прибавку в марках, которую мы мучительно собираем, откладывая пфенниги. Я курю

самый дешевый сорт сигарет за 4 пфеннига. Иногда, для еще большей экономии, курю трубку; хотя она давно уже мне не по вкусу, но это сберегает пфенниги. Героическое преодоление самого себя — совсем не курить? Но у меня так сдали нервы и упало настроение; если мое состояние еще ухудшится, Ева просто не выдержит и свалится, я уже достаточно часто мог это наблюдать. Я действительно не вижу никакого выхода и ничего не могу изменить: пусть все идет как идет. Либо положение как-то само собой переменится к лучшему, либо мы в конце концов околеем, и все придет к страшному логическому концу.

Наша страховка потеряна окончательно; я не знаю, что будет делать Ева, когда я умру. В последние месяцы она очень похудела, ослабла, постарела и, так сказать, обносилась. Я — полноватый и даже толстый, но о скоротечности жизни мне вечно напоминают неприятности с пищеварением и сердечные боли, особенно когда я хожу пешком или завожу мотор, а также при каком-либо физическом напряжении или малейшем волнении. После смерти Бертольда и Валли во мне запечатлелся рубеж: 59 лет.

В области политики я постепенно отказываюсь от всякой надежды: ведь Гитлер и вправду избранник своего народа. Я не верю, что Гитлер станет колебаться и отступит хоть в самой малости, более того, я действительно постепенно проникаюсь верой, что его режим прочен и просуществует еще десятилетия. В немецком народе так много летаргии, так много безнравственности и прежде всего так много глупости.

28 июня, понедельник

В понедельник утром, 21 июня, мы заканчивали последние приготовления для поездки в Штраусберг и на побережье Северного моря. Внезапно в восемь является член совета местной общины, надзирающий за садами; он должен проверить, достаточно ли прибран и очищен от сорняков наш участок. Я показываю ему, что все подрезано и прополото, но он наклоняется и начинает копаться в земле: «Здесь у вас остался сорняк... и здесь, и здесь. Я должен об этом доложить, мы в принудительном порядке пришлем вам наших рабочих». Закон о зеленых насаждениях etc. Я: «Чего вы, собственно, от нас требуете?» — «Сад должен

быть хорошо очищен специалистами за пару сотен марок». Я: «Откуда я возьму деньги? Меня выбросили с работы». Он, простой, с виду добродушный человек, у которого только сейчас начинают открываться глаза: «Ах так, вы, значит, неариец?» Ему становится ясна скрытая подоплека событий и что мне не миновать издевательских придирок. Он говорит, ему жаль, но если он не сообщит, что здесь нашлись сорняки, придут более высокие проверяющие и он лишится своего поста. При таких обстоятельствах я не решился уехать. Телеграфировал Грете. Обратился к Веллеру³. Веллер был у меня к полудню, вечером я подписал с ним договор: весь сад будет обработан и приведен в порядок, будут засеяны будущие газоны. Цена: от 400 до максимально 500 марок. Оплата в рассрочку: 50 марок в месяц. Это означало для нас многие месяцы жесточайшей нужды, это означало также невозможность выплачивать хотя бы минимальные взносы «Идуне» и, таким образом, окончательное расторжение договора

³ Веллер, местный садовник, неоднократно помогавший Клемпереру и выполнявший у него различные работы.

о страховании жизни, потерю многих тысяч страховой премии; это означало также невозможность покрытия ипотечного долга (ипотека Венглеров была рассчитана еще на четыре года). Но это вовсе не означало, что я буду избавлен от дальнейших придирок. Если захотят найти, то что-нибудь обязательно найдется. А они захотят. Следующей придиркой, должно быть, будет крыша. Недавно вышел закон, направленный против «безудержного либерализма» в строительстве; дома должны быть однотипными и хорошо сочетающимися с улицей и ландшафтом. Следовательно, вместо моего толя потребуется покрытие крыши шифером. И т. д. и т. д. Удивительно, с каким безразличием я все это принимаю: возможно, мы к тому времени помрем; возможно, помрут те, другие; возможно, внезапно найдется какой-то выход, как уже не раз находился. Все равно ничем не помочь, нельзя жить нормально в ненормальное время. Я не хочу больше загадывать даже на день вперед, все бессмысленно. Итак, мы никуда не поехали, остались дома; итак, с четверга у нас в саду работали два человека; итак, деньгами, отложенными для стра-

ховой компании «Идуна», были оплачены два первых месячных взноса за садовые работы.

Что это, тупоумие, философия, возраст или чувство, что мы живем в абсолютно ненормальное, непредсказуемое время? Я теперь только периодически, приступами предаюсь унынию, говорю себе: пусть дела идут своим чередом — и иногда часами пребываю в спокойном и даже радостном настроении. Итак, наш сад пышно расцветет. И какой смысл бояться того, что будет еще через четыре года?

17 августа, вторник

В «Штурмере» (который висит на каждом углу) я недавно видел картинку: две девушки в купальных костюмах на морском пляже. Над ними надпись: «Евреям вход воспрещен!», чуть ниже: «Как прекрасно, теперь мы снова среди своих!» И тут возникло, казалось бы, давно забытое, одна мелкая деталь. Сентябрь 1900 или 1901 года в Ландсберге. В восьмом классе гимназии нас было четыре еврея из шестнадцати, в девятом, выпускном, классе — трое из девяти одноклассников. Никакого особенного антисемитизма ни среди учите-

лей, ни среди учеников тогда не ощущалось. Точнее, вообще ничего такого тогда не ощущалось. О писаниях Альвардта⁴ и эпопее Штёккера⁵ я знаю только как об исторических фактах. Мне было известно лишь, что еврей не может быть членом студенческой корпорации и не может стать офицером. Братьев Боасов из своего класса я вообще не считал евреями, хотя их протестантизм был весьма новоиспеченным и начинался с них (а не с их родителей). В Судный день все евреи, естественно, были освобождены от занятий. На следующий день товарищи рассказали нам смеясь, но вполне добродушно, без всякого злорадства (так же,

⁴ Герман Альвардт (1846–1914), шовинист и антисемит, после того как был уволен с поста директора школы, стал публиковать многочисленные статьи, направленные против евреев. Неоднократно привлекался к суду за клеветнические измышления и подлоги.

⁵ Адольф Штёккер (1835–1909), берлинский придворный священник и известный проповедник; примыкал к крайне правому крылу Немецкой консервативной партии и стоял на позициях воинствующего антисемитизма. Его яростная борьба против евреев заложила основы последующей антисемитской политической кампании в Германии. Штёккер во многом предвосхитил антисемитские теории Гитлера, который в свою очередь опирался на идеи Штёккера.

как наверняка добродушно и шутливо это было сказано вполне гуманным учителем), что Кульфаль, наш математик, сказал уменьшившемуся классу: «Сегодня мы среди своих». Это «среди своих» приобрело для меня в воспоминании поистине устрашающее значение, оно подтверждает претензию нацистской партии, что она и есть выразительница истинного мнения немецкого народа. И я все больше начинаю верить, что Гитлер действительно воплощает немецкую народную душу, что Гитлер и Германия действительно равновеликие понятия и поэтому он удержится у власти, и это законно. По этой причине я не только внешне, но и внутренне ощущаю себя человеком, лишившимся отечества. И даже если правительство однажды поменяется, мое внутреннее чувство принадлежности к этой стране, неразрывной с ней связи безнадежно утрачено.

От Марты (которая чувствует себя обиженней, что мы едем не к ней, а к Грете) я знаю, что Георг в Швейцарии. Особой привязанности ко мне он не проявляет. Я думаю, он дал мне большую сумму денег лишь потому, что двадцать пять лет назад обещал отцу помогать мне. Я убежден, что им движет не братская любовь и уж

вовсе не уважение к моей работе, что я ему несимпатичен и он даже некоторым образом меня презирает... Но я стал теперь немного толстокожим и циничным, и при существующих обстоятельствах поддержка наличными для меня гораздо необходимее братской любви и уважения. Вообще, как я уже не раз констатировал, во мне сохранилось не слишком много добрых чувств по отношению к людям. Только к Еве и к котику Мушелю.

12 сентября, воскресенье

А еще отвращение к политике. Повсюду по дороге таблички: «Евреи нежелательны!», и теперь, во время пятого партийного съезда, новое подстегивание ненависти к евреям. Евреи-де убивают испанцев, евреи — преступный народ, все преступления, как оказывается, исходят от евреев (официальный «Штурмер» и министр Геббельс). И народ так глуп, что всему этому верит. Конечно, жена булочника Гюнцеля сует мне под нос булку в припадке ярости: «Это должны мы сегодня выпекать, это говно!» — конечно, каждый бранится; но, с другой стороны, каждый помалкивает, не

вылезает, и в массе все в конечном итоге всему верят. Вполне добропорядочная, смышленая, не такая уж послушная и кроткая, как овечка, фрау Кемляйн из Штраусберга говорит мне: «Лучше уж голодать, чем жить при коммунизме! Когда мы здесь строились, до начала Третьего рейха, нам кто-то крикнул через забор: «Вы построите – а жить будем мы!» ...А в России столько людей голодает и стольких убивают – у нас крови все же проливаются поменьше...» И так думают наверняка девяносто девять человек из ста. А интеллигенция и наука бесстыдно продаются.

28 декабря, вторник

Все эти дни я пребывал в отчаянном страхе, так как дела у нас хуже некуда. Снова особенно ощутима денежная нужда: по-прежнему считаем каждый пфенниг, страхование жизни больше оплачивать не можем. Надежду на политические перемены едва ли можно еще принимать в расчет; надежды как таковой, в сущности, уже нет.

Особенно чувствительным ударом было для нас то, что эмигрировали еще два близких нам семейства: Гер-

стле и Зальцбурги. Фабрика «Кофейные напитки Вебера» продана Катрайнеру. Герстле унаследовал ее от своего отца и руководил ею 28 лет, он прошел всю войну офицером. Из разоренного дома мы получили в подарок много цветов (как и при отъезде Блюменфельдов и Исаковицев), среди них – невероятных размеров фикус. Книги я мог бы взять там сотнями, но отобрал совсем немного, у меня самого столько всего обречено на тлен; частично пылится в ящиках, частично – на полках, а разобрать и хорошенъко протереть нет никакой возможности. Красивая старая борзая, которую Герстле сами получили от уехавших в эмиграцию, будет усыплена. Герстле после чудовищных потерь, связанных с переездом, брошенными вещами и т. д., а также после уплаты пресловутого налога «за бегство из рейха», все еще остаются богатыми людьми. Они едут в Англию, но прежде делают большой крюк в виде «кругосветного путешествия». В этом путешествии их сопровождает семидесятилетняя фрау Шапс, которая после этого вернется обратно в Дрезден. Она останется здесь совсем одна.

Герстле дал мне адрес лондонского банкира Бахара-ха, который якобы мной заинтересовался; я написал ему письмо, копия которого здесь приложена. Но я не уеду, это будет наверняка против внутреннего, невысказанного желания Евы: взгляни на это посаженное нами рождественское деревце, на новое окно, на свежепокрашенную музыкальную комнату... — мы окопаемся здесь и здесь же погибнем.

Одиночество давит на нас все мучительней. Из Берлина вынужден уехать Бертольд Майерхоф⁶. Йоханнес Кёлер не поздравил меня ни с днем рождения, ни с Рождеством (обычно в течение многих лет он всегда это делал).

Под таким гнетом работа у меня продвигается все медленнее. Конечно, сказывается и возраст: нет и следа былой беспечности, я читаю, прорабатываю мате-

⁶ Виктор Клемперер сблизился со своим соучеником Хансом Майерхофом еще во время своего берлинского ученичества. Он познакомился и подружился также со всей его семьей: родителями, братьями и сестрами — и поддерживал с ними контакт на протяжении многих лет, особенно с Бертольдом Майерхофом, братом Ханса.

риал, делаю выписки нередко целые месяцы, чтобы написать дюжину страниц. За весь этот год написаны и отпечатаны всего 95 страниц на машинке: «Руссо», глава пятая — «Элементы античности». Но дело не только в возрасте, нет стимула извне, я пишу лишь для себя самого, пишу «в стол» — что может быть более удручающим?

В особом резюме за 1937 год, пожалуй, нет необходимости. Упомянутые 95 страниц для тома «Руссо»; летняя поездка в Берлин, к морю и в Исполиновы горы; ужасное ощущение, что время остановилось, безнадежное прозябанье.

1938

18 января, вторник

В пятницу у нас был Бертольд Майерхоф. Он произвел взаимные расчеты с фабрикантом, которого прежде представлял, и попрощался с нами: в начале марта он с женой уезжает в Соединенные Штаты — из полной безнадежности в полную неизвестность. Он рассказывал, что всюду, где он бывал, у него возникало впечатление, что вернулся 1918 год, та же атмосфера, что была тогда. Но он не может и не хочет ждать; его унаследованный от отца патриотизм истреблен, он мечтает о том, чтобы стать американцем. Я сам чувствую примерно то же. Что бы ни произошло в будущем, ко мне никогда не вернется мое былое доверие и чувство сопричастности. Оно из меня изгнано даже ретроспективно — по отношению к прошлому; слишком многое, что я в былые годы воспринимал легко, считал

неприятным, но частным явлением, сейчас мне представляется общегерманским и типичным. Склонность к превосходной степени, гигантомания, самовосхваление — то, что составляет особую специфику языка Третьего рейха, — это нечто совершенно иное, отличное от языка американцев. Жители США тоже хвалятся, но по-детски непринужденно и бодро, а у немецких нацистов — это наполовину мания величия, наполовину судорожное самовнушение. Недаром их любимые слова — «вечный», «вечность». «Мы обрели путь в вечность», — сказал вчера Роберт Лей на церемонии открытия нескольких школ Адольфа Гитлера¹.

31 января, понедельник вечером

С двух сторон, от Бертольда Майерхофа из Берлина и от фрау Леман из Дрездена, я услышал одно и тоже, причем как достоверное, а не как шутку. Во время экзаменов школьников или учеников, осваивающих

¹ Специальные элитные школы-интернаты для мальчиков в Германии (с 1937 года), в которых они получали особое воспитание в духе национал-социализма.

трудовую профессию, им нередко задается такой мировоззренческий вопрос «на засыпку»: «Что наступит после Третьего рейха?» Ответ должен звучать так: «Ничего, это и есть вечная Германия». В двух рассказанных мне случаях, однако, получилось, что бедные, ничего не подозревающие ученики вполне невинно ответили: «Четвертый рейх». После этого никто уже не оценивал их успехи и проделанную работу, им не задавали других вопросов, это был полный и безусловный провал.

И каждый день заново, каждый день все сильнее меня поражает тривиальная антитеза: с одной стороны, имеются столь грандиозные достижения — радио, авиация, звуковое кино; с другой стороны, неистребимы самая безумная глупость и жестокость: все изобретения нацелены на одно — на убийство и на войну.

Мы едва сводим концы с концами, я в буквальном смысле выгляжу оборванцем (моя куртка рвется по швам, перчатки состоят из сплошных дыр, то же можно сказать и о носках), но более половины нашей месечной получки в первый же день зачисляется на наши текущие счета и идет на оплату наших долгов и обя-

зательств. Несмотря на это, в последние дни, после долгого перерыва, мы дважды были в кино.

23 февраля, среда

Положение поистине ужасное. Речь Гитлера в рейхстаге прозвучала как угроза войны (усиление армии), о своем военном государственном перевороте он не обмолвился ни словом; в Австрии господствует национал-социализм, и страшно не только то, что там все спокойно, но и то, что английская политика сделала резкий поворот. Иден² уходит, Чемберлен ведет пе-

² Роберт Энтони Иден (1897–1977), английский министр иностранных дел в 1935–1938 годах, в 1940-м – военный министр, в 1951–1955 годах – вновь министр иностранных дел.

реговоры³ с торжествующими итальянцами, заявляет о предстоящих переговорах с Германией, хамит Лиге Наций и получает за это prouesse⁴ в нижней палате парламента 330 голосов против 168. Но иногда я говорю себе: что изменится лично для меня в Четвертом рейхе, каков бы он ни был? Вероятно, именно тогда для меня наступит эпоха самого большого одиночества. Ибо я никогда не смогу больше никому доверять в Германии, не смогу, как раньше, непринужденно чувствовать себя немцем. Больше всего на свете я хотел бы перебраться за границу, лучше всего в США, где само собой разумелось бы, что я там — чужак, эми-

³ Артур Невил Чемберлен (1869–1940), в 1937–1940 годах — английский премьер-министр от консервативной партии; пытаясь предотвратить войну, проводил политику «умиротворения» фашистской Германии и Италии (Мюнхенское соглашение, 1938); в 1939 году, при одновременных тайных контактах с Германией, перешел к политике сопротивления германской агрессии Гитлера (гарантии Польше, объявление войны Германии 3 сентября 1939 года). Из-за непоследовательности и неудач в проводимой им военной политике вынужден был в мае 1940 года уйти с поста премьер-министра, на котором его сменил Черчилль.

⁴ Геройство (франц.).

грант. Но это невозможно: на весь остаток моей жизни я прикован к этой земле и к этому дому.

20 марта, воскресенье

Последние недели — самые мрачные из всей нашей предшествующей жизни.

Чудовищный насильственный акт — аннексия Австрии⁵; чудовищное усиление власти Гитлера как внутри, так и за пределами страны; беззащитные, дрожащие от страха Англия, Франция и т. д. Мы не доживем до конца Третьего рейха. Уже восемь дней развеиваются знамена, со вчерашнего дня к каждому столбу нашего забора прилеплен желтый листок с шестиконечной звездой Давида: еврей. Словно предостережение перед лишенным знамен чумным бараком. «Штурмэр» снова

⁵ 11 марта 1938 года, после ультиматума Гитлера, пост австрийского канцлера занял Зейсс-Инкварт, лидер австрийских нацистов. Он обеспечил благоприятные условия для вторжения германских войск, так как австрийская армия заранее получила приказ не оказывать сопротивления. Так был осуществлен пресловутый «аншлюс» — присоединение Австрии к германскому Третьему рейху.

выкопал очередное ритуальное убийство; я не удивлюсь, если вскоре найду в своем саду детский трупик.

30 марта, среда вечером

Рождение легенды в середине XX столетия. Купец Фогель рассказывает абсолютно серьезно, исполненный также серьезного возмущения, историю, которая «вполне правдива и подтверждена свидетелями», но передается тайно, потому что за ее распространение человеку грозит тюрьма. Один человек в Берлине привез свою жену в клинику для разрешения от бремени. Над ее кроватью висит картина с изображением Христа. Человек говорит: «Сестра, эту картину надо убрать, я не хочу, чтобы первое, что мой ребенок увидит в жизни, было изображение еврея». Сестра отвечает, что она не может это сделать по собственной воле, она должна сообщить об этом своему начальству. Человек уходит из клиники. Вечером он получает телеграмму от врача: «У Вас родился сын. Картину снимать не было надобности — ребенок слеп».

Фрау Леман, наша домработница, показала мне свидетельство об окончании профессиональной школы

своей пятнадцатилетней дочери: «Поведение очень хорошее. Готова к выполнению задания».

Не прошло и восьми дней после ввода войск в Австрию, а в одной из витрин на Альтмарк уже вывешена новая географическая карта «Великой Германии». Должно быть, ее напечатали задолго до осуществления аферы.

3 мая, вторник

Недавно я подумал: даже самые лучшие отношения между родителями и детьми никогда не являются вполне честными. Всегда сохраняется непонимание и некоторая отчужденность. Юноша любовно снисходителен к отсталой старости, стариk любовно снисходителен к незрелой юности — в конечном итоге оба обманываются, не желают признавать самого существенного. В действительности я только сейчас способен понять своего отца, когда сам достаточно стар и сужу о нем исторически, по законам его времени. Которое никогда не было моим временем. Ибо время человека — это время его становления. Я, естественно, тоже не понимаю сегодняшних молодых людей.

23 мая, понедельник

В четверг вечером появилась фрау Леман. Ее вызывали к амтсвальтеру⁶: стало-де достоверно известно, что она убирает комнаты у еврейского профессора и у еврейского адвоката. Ей сорок шесть лет, она вправе решать сама. «Конечно, но ваш сын ради дальнейшего продвижения должен будет отбывать в лагере трудовую повинность, а ваша дочь... вы же взяли молодую девушку к себе в Дольцшен!.. Подумайте о ее репутации, если вы не откажетесь от этой работы». Итак, женщина потеряла два рабочих места из трех, а мы остались без помощницы. В пятницу мы почти три часа убирались и мыли посуду, наши мечты о поездках лопнули, нельзя же было оставить дом и кота без присмотра. Фрау Леман работала у нас одиннадцать лет и занимала очень ответственный пост.

Ева упрямая, как всегда. Она продолжает заниматься посадками, строит планы, надеется.

⁶ Самый низкий чин в нацистской партии.

Между тем большая история также не стоит на месте: ситуация с Чехословакией⁷ готова взорваться. Германия введет войска и туда, это не вызывает сомнений, и, вероятно, успех, достигнутый в Австрии, повторится и здесь.

25 мая, среда

Чехословацкий конфликт все разрастается: нас-де ежедневно провоцируют, а мы — люди миролюбивые, но нас травят, нам лгут, на нас ополчился весь мир — в особенности Англия. Я жду пять лет — но поскольку немецкий расчет на блеф так часто себя оправдывал, он, очевидно, сработает и на этот раз. Недавно садовник Хекман и сегодня купец Фогель сказали слово в слово: «Я ничего не знаю, я газет не читаю». Люди полностью отупели и ко всему безразличны. Фогель

⁷ После аннексии Австрии Гитлер вынашивает план разгрома Чехословакии. Во время секретной беседы с военачальниками и дипломатами 28 мая 1938 года Гитлер сказал: «Моя непоколебимая воля — добиться, чтобы Чехословакия навсегда исчезла с географической карты».

еще добавил: «Мне все время сдается, что это не вза- правду, а в кино». Именно так, как театральное действие, люди все это и воспринимают, то есть относятся к этому несерьезно и будут очень удивлены, если однажды театр обернется кровавой действительностью.

12 июля, вторник, день рождения Евы

Мне очень трудно разыгрывать необходимое радостное оживление: этот день особенно сильно заставляет нас вспоминать о нашей нищете и бедственном положении, а постоянная, упорная надежда на перемены к лучшему, за которую я цепляюсь и которую демонстрировал Блюменфельду во вчерашнем письме по поводу дня рождения, — увы! — мне самому так ее не хватает. Лисси Майерхоф пишет, что Бертольд нашел работу в США; фрау Шапс пишет, что ее дети поселились в Лондоне и возобновили связь с зубным врачом Исаковицем; все эти люди смогли устроиться и организовать себе новую жизнь, а мне этого не удалось, мы продолжаем сидеть здесь в нужде и бесчестье; мы некоторым образом погребены заживо, закопаны в зем-

лю уже по шею и со дня на день ожидаем последнего взмаха лопат.

27 июля, среда

Дни крайнего упадка. Я нахожу себя смешным, потому что все еще пытаю надежду на переворот. Они так прочно сидят в седле, в Германии люди довольны, за границей — покоряются и боятся. Теперь уже Англия защищает права судетских немцев в Чехии. В «Штюрмере» сегодня напечатан жирный заголовок: «Синагоги — это разбойничьи притоны». И чуть ниже: «Позор Нюрнберга» — и рядом фотография тамошней синагоги. И это в 1938 году в центре Европы. Уже несколько дней, как в Италии официально провозглашены расовая теория и антисемитизм.

10 августа, среда

К 15 июля у нас объявились фрау Леман: она все же хочет поздравить Еву с днем рождения. Она пришла поздно вечером, очень взволнованная: объяснила, что хотела дождаться темноты и проскользнуть совсем незаметно, но на улице все еще был кто-то, кого она

боится. Она не почувствовала, как угнетающее все это подействовало на нас; ее страх, без сомнения, того же рода, что и у всех «соотечественников». В эти дни мне пришлось, однако, с горечью и сожалением вспомнить о визите фрау Леман. Грета хочет поехать в следующее воскресенье в Кудову; она приглашает нас: предлагает забрать ее из Штраусберга, вместе поехать в Кудову, а через четыре недели вновь отвезти ее из Кудовы в Штраусберг. Такая продолжительная поездка была бы нам обоим только на пользу. Но это невозможно. У нас нет никого, кто мог бы присмотреть за домом и за котом, мы живем здесь в полнейшей изоляции. Купец Фогель посоветовал обратиться в сторожевую и охранную фирму. Но если людям попадутся на глаза мои записи и они их прочитают? Сейчас повсюду прибегают к шпионажу. В своих рекламных объявлениях названная фирма, среди прочего, похваляется тем, что обнаружила несколько случаев скрываемого от всех «расового загрязнения». Вынужденный отказ от предложения Греты был для нас тем тяжелее, что из-за совокупности причин мы сейчас в особенно плохой форме, как морально, так и физически. Уже три

недели стоит непрерывная, изнурительная жара. И все это сочетается с невероятной нуждой в деньгах, которая постоянно усиливается и все нам осложняет. И в эти же недели резко возрастает антисемитская пропаганда, все новые акты насилия и расправы. С 1.10 все еврейские врачи лишаются «апробации»⁸; им не разрешено будет работать даже фельдшерами; им останется только умирать с голоду. С этого же числа для евреев вводится специальное удостоверение личности. С этим удостоверением их не примут ни в один отель. То есть они оказываются пленниками. За эти недели Италия также приняла расовые и антисемитские законы в точности по немецкому образцу. И во внешней политике все остается неизменным. Повсюду — напряженное ожидание, повсюду — страх перед возможной войной.

24 августа, среда

Поездки, которые мы совершили в последние недели, — очень редкие, преимущественно в воскресные

⁸ Государственный допуск на работу в качестве врача или аптекаря.

дни — имели целью в основном лишь Баутцен. Мы ездили туда не менее четырех раз, каждый раз немногого видоизменяя наш путь. Затем две поистине великолепные с точки зрения ландшафта поездки в Хинтерхермсдорф, 13 и 22 августа. Хинтерхермсдорф — это пение птиц и летняя свежесть; 20 км за Шандау, у самой чешской границы, высоко над долиной реки Кирницаш. Дорога Кёнигсштайн—Шандау, сама долина Кирницаш, внушительный круговой обзор с высоты и вид на Хинтерхермсдорф незабываемо прекрасны; роскошна езда по вновь построенному широкому шоссе Пирна — Кёнигсштайн; один вид на крепость с широкого пересечения дорог в лесу стоит всей поездки. Как прекрасна была бы Германия, если бы можно было, как прежде, чувствовать себя немцем и гордиться тем, что ты немец. (Пять минут назад я прочел только что опубликованный закон об обязательных еврейских именах. Это было бы смешно, если бы не грозило возможностью лишиться рассудка. Новые имена, которые требуется в обязательном порядке вписать в документы, — это не имена из Ветхого Завета, но обидно звучащие, утрированно «еврейские» имена из гетто — в духе

Францоза и Компера⁹. Я сам, таким образом, обязан сообщить в отделы записи актов гражданского состояния городов Ландсберга, Берлина, а также в общинное управление Дольцшена, что мое имя Виктор Израиль, и отныне только так я должен подписывать официальные письма. Обязательно ли для Евы переименование в Еву Сару, мне еще предстоит выяснить.)

2 октября, воскресенье

Еще раз величайшее волнение и надежда на близкий конец. Встреча в Годесберге¹⁰, кажется оказавшаяся безуспешной, ультиматум Чехии со сроком 1 октября, напряженная ситуация и военные ожидания во Франции и Англии. 30.9, днем, мы поехали к зубному

⁹ Карл Эмиль Францоз (1848–1904), австрийский писатель, описывал в своих повестях и романах, особенно в романе «Паяц», жизнь и нравы евреев в гетто; на эти же темы писал свои произведения и австрийский писатель Леопольд Комперт (1822–1886).

¹⁰ Встреча Чемберлена с Гитлером в Бад-Годесберге состоялась 22 сентября 1938 года, на ней обсуждались новые, еще более тяжелые требования, предъявленные германским правительством к Чехословакии.

врачу. На мосту через Эльбу установлены пулеметы. Я подумал: сегодня вечером, должно быть, начнется война. Возможно, нас прикончат во время очередного погрома — но в любом случае это конец. Я высадил Еву у дома Айхлера¹¹ и поехал за покупками на площадь Бисмарка, где обычно ставлю машину. Меня окликает человек. Это Арон: «Мы видели вас недавно в машине; мы думали, вы давно уехали. Вас нет ни в телефонной, ни в адресной книге. Моя жена и фрау Нойман хотели бы вас посетить» (???). Затем, конечно, следует политика. Я: «Возможно, близок ужасный конец, для нас и для них». Он: «Разве у вас нет радио?» — (?) После второй угрожающей телеграммы Рузвельта¹², после полной мобилизации в Англии и во Франции он вроде

¹¹ Эбергард Айхлер, зубной врач, преемник доктора Исаковица.

¹² 26 сентября 1938 года в Берлин и Прагу поступило обращение президента США Рузвельта, категорически настаивавшего на том, чтобы Гитлер и президент Чехословакии Бенеш разрешили свой территориальный спор мирным путем. Вслед за тем последовало сообщение английского правительства, что Англия солидарно с Францией настоятельно рекомендует президенту Бенешу без промедления уступить Гитлеру требуемые им территории.

бы пошел на уступки. Сегодня в три четверка встречается в Мюнхене¹³. Чехословакия продолжает существовать. Германия получает Судеты, вероятно, еще какую-нибудь колонию. Все дальнейшее будет описано в учебниках истории. Мой нынешний дневник интересуется только следующим: для народа, как он «подается» в немецкой прессе, эти события, бесспорно, абсолютный успех «князя мира» и гениального дипломата Гитлера. И ведь это действительно немысли-

¹³ 29 сентября 1938 года Гитлер, Муссолини, Чемберлен и премьер-министр Франции Даладье встретились в Мюнхене, в отсутствие представителя Чехословакии, и на следующий день подписали так называемое Мюнхенское соглашение, согласно которому Чехословакия должна была отдать Германии не только Судетскую область, но и некоторые другие районы с преобладающим немецкоязычным населением, расположенные вдоль бывшей границы с Австрией. Чехословакия обязана была также передать Германии в неповрежденном виде все промышленные и военные объекты, расположенные на отдаваемых территориях. Впоследствии Мюнхенское соглашение называли «позорным», это был наиболее яркий пример политики «умиротворения» нацистской Германии за счет стран Центральной и Юго-Восточной Европы, чтобы отвратить гитлеровскую агрессию от Великобритании и Франции.

мый, невероятный успех. Не прозвучало ни единого выстрела, и со вчерашнего дня войска переходят границу и маршируют по Чехословакии. Происходит обмен приветствиями, пожеланиями мира и дружбы с Англией и Францией; Россия покоряется и молчит — полный нуль. Гитлер восхваляется и прославляется еще безудержнее, чем при решении вопроса с Австрией. Вчерашний крупный заголовок в «Дрезденер НН»: *«Народ, насчитывающий восемьдесят миллионов, приветствует своего великого фюрера»*. И он вправду достиг поистине невозможного. Но мы при этом обречены на жизнь негритянских рабов, обречены быть париями, в буквальном смысле слова, — вплоть до нашей физической кончины. Полдня я размышлял о том, что необходимо набраться мужества и покончить с собой. Затем я вернулся к прежнему состоянию: отупение, желание еще подождать, запомнившееся высказывание Крюгерши¹⁴: «У вас осталось так много: воля к жизни

¹⁴ Йоханна Крюгер, знакомая Клемперера со студенческих времен в Мюнхене; после длительного перерыва она посетила супругов Клемперер на Рождество 1936 года.

и, несмотря ни на что, все еще — надежда. Каждый час может принести перемены; каждый час, пока человек жив». Но когда ночью меня будит Мушельхен и я не сразу могу заснуть, состояние ужасное. Но вопреки всему: надо жить дальше и не думать о следующем утре.

В голову мне все время приходит выражение, которое постоянно слышишь в последние два года: «Никто не знает, что за игра здесь идет». Политика более чем когда-либо стала тайной игрой немногих людей, которые принимают решения от имени миллионов, утверждая, что именно они олицетворяют «народ». Самой лексикой выраженное неосознанное отчаяние. Но я цитирую Бернардена де Сен-Пьера¹⁵: «Если правительство коррумпировано, то в этом виноват коррумпированный народ».

¹⁵ Жак Анри Бернарден де Сен-Пьер (1737–1814), французский писатель.

9 октября, воскресенье

Даже если оставить в стороне политику, мой внутренний мир совершенно переменился. Мою «немецкость» у меня никто не отнимет, но мой национализм, мой патриотизм исчезли без следа и никогда не вернутся. Мое мышление теперь совершенно космополитично, в духе Вольтера. Всякое национальное ограничение представляется мне варварством. Соединенные мировые штаты, соединенная мировая экономика. Это не имеет ничего общего с однообразием культур и уж точно не имеет ничего схожего с коммунизмом. Вольтер и Монтескье — более чем когда-либо мои единомышленники.

22 ноября

Сначала было желание хоть немного продвинуться в работе, прежде чем я снова примусь за дневник, но затем на меня стали обрушиваться неприятность за неприятностью, можно даже сказать, несчастья. Сначала болезнь, затем — несчастный случай с автомобилем, затем, в заключение, — злосчастная парижская

история с выстрелом Грюншпана¹⁶, усиление преследований, отсюда — отчаянные поиски возможности выезда из страны. Итак, сначала, в середине октября, — обычный грипп. В качестве осложнения совершенно неизвестные мне доселе боли в области мочевого пузыря и все более ужасные затруднения при мочеиспускании, а здесь даже нет врача, к которому я могу обратиться. Когда все это стало непереносимо, я на-

¹⁶ 7 ноября 1938 года 17-летний польский еврей Гершель Грюншпан зашел в германское посольство в Париже и смертельно ранил секретаря посольства Эрнста фон Рата, чтобы привлечь внимание мировой общественности к страданиям евреев в Германии. Дело в том, что незадолго до этого, 27 октября 1938 года, 18 тысяч евреев — польских граждан, проживавших в Германии, среди них родственников Грюншпана, под покровом ночи вывезли к германско-польской границе, заставили перейти ее и оставили на «ничейной земле». Выстрел Грюншпана послужил поводом для жесточайших погромов, прошедших по всей Германии в ночь с 9 на 10 ноября, — так называемая «Хрустальная ночь», или «Ночь разбитых витрин». В результате были разрушены или сожжены множество синагог, магазинов и предприятий, принадлежавших евреям; имелись убитые и раненые; 20 тысяч евреев были арестованы и брошены в концлагеря.

писал 26.10 две короткие открытки, Марте и Зусману, и 27-го мы вновь поехали в Берлин.

27 ноября

Утром 11-го числа явились два жандарма и «житель Дольцшена». Имею ли я оружие? Конечно, мою саблю; вероятно, еще штык — память о войне, но я понятия не имею, где это у меня хранится. «Наша обязанность помочь вам в поисках». Многочасовой домашний обыск. Ева с самого начала сделала ошибку — без всякого злого умысла сказала жандарму, что не следует рыться в чистом бельевом шкафу немытыми руками. Этот человек был невероятно оскорблен и едва мог успокоиться. Второй, более молодой жандарм, держал себя дружелюбнее; неприятнее всех был штатский. «Бедлам», «свинячий сарай» и т. п. Мы объяснили, что уже много месяцев не имеем помощницы, что многое еще не распаковано и сильно запылилось. Все было перерыто; ящики и сколоченные Евой самодельные шкафчики были взломаны топором. Саблю нашли в одном из чемоданов на чердаке, а штык не нашли. Среди книг обнаружили экземпляр ежемесячного «Социалисти-

ческого обозрения», а в нем, к счастью, подчеркнутая достаточно безобидная статья берлинского педагога «Французский должен быть первым иностранным языком!». Журнал также был конфискован. Когда Ева захотела принести ящик с инструментами, молодой жандарм побежал за ней; тот, что постарше крикнул: «Вы пробуждаете в нас недоверие, вы сами ухудшаете свое положение». Примерно в час дня штатский и старший жандарм вышли, а молодой остался и составил протокол. Он был вежлив и добродушен, я чувствовал, что вся эта история ему неприятна. Кстати, он пожаловался на боли в желудке, и мы предложили ему выпить рюмку водки, но он отказался. Затем, кажется, все трое устроили конференцию в саду. Молодой вошел снова: вы должны одеться и поехать со мной в суд на Мюнхнерплац. Ничего плохого не будет, вероятно (!), к вечеру вы вернетесь домой. Я спросил его, можно ли считать, что я арестован. Он сказал добродушно, но уклончиво, что сабля — это же только память о войне, вероятно, меня сразу отпустят. Мне пришлось побриться (при наполовину открытой двери), затем я сунул Еве деньги, и мы пошли вниз, к электричке. Я шел через

парк, словно я один, а немного позади жандарм вел свой велосипед. Мы постояли на остановке трамвая № 16, сели в вагон и вышли на Мюнхнерплац, жандарм любезно оплатил мой проезд. В здании суда мы вошли в крыло с табличкой «Прокуратура». В первой комнате находились секретари и полицейские. «Садитесь». Жандарм должен был снять копию со своего протокола. Он взял меня с собой в комнату, где стояла пишущая машинка. Затем вновь отвел в первое помещение. Сказал: «Возможно, вы поспеете домой как раз к кофе». Один из секретарей вмешался: «Все решает прокурор». Жандарм исчез, я продолжал тупо сидеть на стуле. Затем было отдано распоряжение: «Отведите человека облегчиться», и один из присутствующих провел меня в клозет. Затем: «В комнату X!» Там: «Здесь уже вновь приведенные!» Снова ожидание, через некоторое время из кабинета выходит молодой мужчина с партийным значком, очевидно судебный следователь. «Вы профессор, доктор Клемперер? Вы можете идти. Но сначала нужно оформить отпускное свидетельство, иначе жандарм Фрайталь подумает, что вы сбежали, и арестует вас снова». Он

ушел и сразу же вернулся: «Я позвонил по телефону, можете идти». На выходе из первой комнаты, в которой я был сначала, мне наперерез бросился секретарь: «Куда вы направляетесь?» Я ответил «домой» и спокойно остановился. Позвонили по телефону, чтобы проверить правомочность моего ухода. Следователь еще раньше ответил мне на мой вопрос, что дело прекращено и в прокуратуру передано не будет. В четыре часа пополудни я снова стоял на улице со странным чувством: я свободен — надолго ли? С тех пор нас обоих неотступно мучает вопрос: уехать или остаться? Не слишком ли рано ехать, не оказалось бы слишком поздно? Уехать в никуда? Остаться и погибнуть? Мы постоянно пытаемся исключить все субъективные чувства — отвращение, оскорблённую гордость, отвлечься от всего навеянного мрачным настроением, и трезво взвесить конкретные обстоятельства нашей ситуации. В конце концов мы дойдем до того, что будем бросать монетку по поводу каждого «*pro*» и «*contra*», в буквальном смысле слова. Сперва мы сочли отъезд абсолютно необходимым и уже начали готовиться и наводить справки. На следующий день после моего ареста,

в субботу 12.11, я отправил фрау Шапс и Георгу срочные письма с сигналом SOS. Короткое письмо Георгу началось так: «С очень тяжелым сердцем, в совершенно изменившейся ситуации, при полной безысходности, без деталей: можешь ли ты оформить официальное поручительство для меня и моей жены, сможешь ли помочь нам продержаться материально первые два месяца?» Если очень постараться, я наверняка смогу найти какое-нибудь место в качестве учителя или конторского служащего. Звоню по телефону Арону — он недавно встретил меня и заговорил со мной на площади Бисмарка в день подписания Мюнхенского соглашения. Господин Арон отсутствует, его жена будет ждать меня вечером около восьми. Я поехал к ней: богатая вилла на Бернхард штрассе. Я узнал, что он и вместе с ним многие другие арестованы и куда-то насиленно увезены; до сих пор неизвестно, находятся ли они в лагере возле Веймара¹⁷ или отправлены на Запад, на строительство укреплений, а также являются ли они арестантами или заложниками.

¹⁷ Концлагерь Бухенвальд функционировал с 16 июля 1937 года.

28 ноября

Фрау Арон посоветовала предпринять срочные шаги для выезда из страны и попытаться продать дом; здесь все проиграно, немецкие деньги за границей почти полностью обесценились, марка стоит примерно шесть с половиной пфеннигов. По совету фрау Арон я оказался на следующий день на Прагерштрассе в общественном консультационном пункте для желающих эмигрировать (руководитель — майор Штюбель, якобы очень человеколюбивый господин). В приемной полная, белокурая, явно восточноевропейская еврейка шепчет одной девушке: «Из управления полиции нас просто прогнали; они говорят, что не знают, куда увезли наших мужчин...» Пожилой майор сказал мне: «В этих четырех стенах вы можете рассказать все без утайки. Я слушаю в эти дни столько всего надрывающего душу, что в свободные часы бегу гулять в Большой сад, чтобы успокоиться». Я объяснил ему мое положение. Сказал, что правительство, которое стало таким образом на путь открытого бандитизма, должно быть, находится в отчаянном положении. Он: так думает вся-

кий порядочный немец. Что он мне посоветует? Он не может мне ничего посоветовать. «Если завтра положение изменится (во что я не верю), вы будете жалеть, что уехали». Из его объяснений следовало, что нас действительно выпустят, предварительно обобрав до нитки; мы сможем взять только по шестьдесят марок на каждого и семь с половиной процентов от того, что выручим за дом.

2 декабря

В воскресенье, 13.11, мы поехали в Лейпциг к Труде Ольман. Не согласится ли она взять нашего кота Мушеля. Нет, он не сможет привыкнуть к перемене обстановки, гуманней будет его усыпить. Она рассказала, как в Лейпциг вошли штурмовые отряды, облили бензином синагогу и большой универсальный магазин, пожарные должны были защищать только прилегающие здания, а основной пожар не подавлять, после чего владельца магазина арестовали и обвинили в поджоге и мошенничестве — он-де хотел надуть страховую компанию. В Лейпциге мы также узнали о миллиардном

штрафе¹⁸, который немецкий народ якобы наложил на евреев. Труда показала нам открытое окно эрkersа в доме напротив. Оно открыто уже много дней: людей всех похватали и увеличили. Когда мы уезжали, она плакала. По дороге у Евы стали сдавать нервы; ужин в Мейсене помог ей мало, дома у нее начался истерический приступ.

Затем пришли письма из Лондона от фрау Шапс и от Зальцбурга, которого выслали из Италии, и теперь он через Англию отправляется в США. Они бы очень хотели помочь, но не могут. Они обращаются все к тому

¹⁸ «Постановление об искупительной контрибуции, наложенной на евреев, имеющих немецкое гражданство, от 12 ноября 1938 года. Враждебное отношение к немецкому народу и государству проживающих здесь евреев, которые не отступают даже перед совершением трусивых и подлых убийств, требует решительного отпора и суровой кары. Поэтому приказываю на основе постановления об исполнении четырехлетнего плана от 18 октября 1936 года (Госуд. вестник законов I, с. 887) следующее: § 1. Все евреи, имеющие немецкое гражданство, обязаны выплатить в пользу Германского рейха контрибуцию в 1 000 000 000 рейхсмарок».

же Демуту¹⁹, который три года назад мне уже отказал. Зальцбург написал, что мне может помочь только мой брат в США.

3 декабря, суббота

Сегодня День немецкой солидарности. Евреям запрещено покидать дома — с двенадцати до двадцати часов. Когда в половине двенадцатого я вышел к почтовому ящику и забежал еще к соседнему лавочнику, где пришлось подождать, у меня чуть не остановилось сердце. Я этого больше не вынесу. Вчера вечером постановление министра внутренних дел: отныне на евреев накладываются временные и пространственные ограничения в их передвижении по городу. Вчера после обеда в абонементном отделе библиотеки Штриге, или Штригель, человек среднего чина и средних лет, бывший член организации «Стальной шлем», тот самый, которому Герстле, при моем посредничестве, передал свои книги, попросил меня пройти с ним

¹⁹ Тайный советник, директор-распорядитель цюрихского Общества помощи немецким ученым за границей.

для разговора в заднюю комнату. Там же год назад он уведомил меня о запрете пользоваться читальным залом. Теперь, оказывается, последовал полный запрет на пользование библиотекой, то есть абсолютный мат. Разговор протекал иначе, чем год назад. Человек был крайне взволнован и растерян, я должен был его успокаивать. Он непрерывно гладил мою руку, не мог сдержать слезы, сбивчиво лепетал: «Во мне все клокочет... Если завтра что-нибудь случится...» — «Почему завтра?» — «Но ведь завтра День солидарности... Они собираются... Они могут предпринять что-то против вас... Не просто убить — мучить, мучить, мучить...» Не мог бы я отдать свои рукописи на сохранение в какое-либо консульство... Не мог бы я уехать... Если я буду иметь возможность написать ему хоть несколько строк.

Еще раньше (прежде чем я узнал о запрете) я встретил в каталожном зале очень бледную библиотекаршу Рот, которая пожала мне руку и сказала: не могу ли я уехать отсюда, здесь все идет к концу, «покончено будет не только с вами, но и с нами — еще раньше, чем синагога, была подожжена церковь Святого Марка, и то

же грозит церкви Сиона, если она не сменит имя...». Она разговаривала со мной, как с умирающим, как бы прощалась навсегда... Но таких сочувствующих и полных отчаяния — единицы, и они тоже боятся. События последних дней по крайней мере освободили нас от внутренней неуверенности; у нас больше нет выбора: мы вынуждены уехать. Но я в своем сообщении забегаю вперед. Важнейшим событием была телеграмма Георга от 26-го: «Поручительства помочь беру на себя письмо следует Георг». Письмо можно ожидать примерно 10 декабря, и это решит все дело. Но поскольку ситуация постоянно обостряется, я намерен уже в понедельник (послезавтра) пойти с этой телеграммой в американское консульство.

Самое ужасное в этих последних неделях — то, что они одновременно пусты и переполнены до краев. Никакой возможности сконцентрироваться на работе. Ожидание ужасных новостей, и они не заставляют себя долго ждать. Хлопотливость, деловые потуги. Письма на имя властей, моя новая кличка Израиль (в трех ведомствах), моя опознавательная карточка с «фотографией преступника». Евино арийское удостоверение

(несчетное число писем в загсы, государственные учреждения, церкви Восточной Пруссии); разговор с экспедитором, повторное совещание с Аннемари, которая заходила к нам несколько раз (героизм!), возможно, она купит дом; библиография моих работ для фрейляйн Гюнцбургер²⁰. Бесконечное чтение вслух днем и ночью, так как сон у Евы совсем разладился — у нее отказывают нервы, у меня сердце — и так как ей нужно щадить глаза, а чтение отвлекает лучше всего (конечно, ей все еще составляют компанию обреченные на смерть кошки, и это ужасно). Я думаю, такого кошмарного времени у нас не было никогда, даже во время войны.

6 декабря, вторник

Здоровое правовое чувство немца прилюдно растоптано вчера постановлением министра полиции Гиммлера, немедленно вступившим в силу: изъятие води-

²⁰ Фрейляйн Гюнцбургер некоторое время слушала лекции Клемперера в Дрездене; впоследствии она жила в Париже и состояла с Клемперером в переписке.

тельских прав у всех евреев. Обоснование: из-за убийства, совершенного Грюншпаном, всех евреев можно считать «неблагонадежными», и, следовательно, они не должны сидеть за рулем; кроме того, их самостоятельная езда по немецким дорогам оскорбляет сообщество немецких водителей; к тому же они самонадеянно присвоили себе право использовать даже имперские автострады, построенные мозолистыми руками немецких рабочих. Этот запрет поражает нас особенно жестоко. Прошло ровно три года с тех пор, как я научился водить, мое водительское удостоверение датировано 26.1.1936.

Об этом запрете я услышал уже позавчера вечером от Аронов, которые в свою очередь услышали о нем как о непосредственно предстоящем событии по швейцарскому радио. Я второй раз был у Аронов, чтобы получить сведения о возможностях эмиграции и о том, какую часть денежных средств я должен буду при этом выплатить немецким властям (в финансовом управлении, куда я обращался, никто не мог мне толком ничего объяснить). Мне сообщили следующее: 15.12, без всякого специального приглашения, мне надлежит вы-

платить первый процентный взнос, но никто не может мне сказать: процент от какой суммы я должен отсчитать, ведь никто не знает наверняка — *purtroppo!*²¹ — как велико мое состояние. Арон, проведя несколько недель в заключении в Бухенвальде с 11 000 таких же, как он, вернулся больным, что помешало в последний момент их отъезду в Палестину; их мебель уже под таможенной пломбой, а он не может достать требуемую от него сумму в 1000 английских фунтов, несмотря на то что предлагает вместо нее в немецких деньгах 175 000 марок, в связи с чем пребывает в весьма раздражительном состоянии и смотрит на все крайне пессимистично. Он говорит, что поручительство Георга мне ничем не поможет, тысячи и тысячи добиваются сейчас от посольств въездной визы, они уже внесены в списки, так что мне придется ждать не менее трех лет. Перед американским посольством в Берлине толпы претендентов стоят в очереди ежедневно с шести утра до позднего вечера, чтобы их только приняли и предварительно выслушали. Все равно нам нужно

²¹ К сожалению! (*итал.*)

дождаться письма Георга, но наше настроение совсем испортилось, мы уже мало на что надеемся, а поскольку буквально каждый день выходят все новые законы, направленные против евреев, наши нервы окончательно сдали. Что касается необходимых денежных отчислений, то тут наша бедность нам только на пользу. Судя по тому, что мне сказал Арон и что мне сказал сегодня Руммель из страхового агентства «Идуна», я, вероятно, буду отнесен к тем, чье состояние не превышает нижнюю границу в 5000 марок, так как выкупная цена моей страховки едва составит марок 200, а нынешняя стоимость дома не превысит 17 000 марок, из которых 12 000 — это подлежащая оплате задолженность по ипотеке.

Боязливые намеки и отрывочные рассказы из Бухенвальда — дан «обет молчания», и еще: если во второй раз туда попадешь, оттуда не выйдешь, там ежедневно умирает от десяти до двадцати человек, — совершенно ужасны.

Из-за запрета на библиотеку я стал теперь в буквальном смысле слова безработным. Я решился наконец

реально попытаться описать свою *vita*²². Ведь нельзя весь день напролет зубрить «Little Yankee»²³. Но прежде всего мешает полное отсутствие покоя: бесконечные хождения за чем-то, писание писем, чтение вслух, погружение в себя и снова чтение вслух.

15 декабря, четверг

Так как Евины глаза постоянно утомляются и теперь уже оба глаза в плохом состоянии, Березин²⁴ порекомендовал нам для домашней работы фрау Бонхайм. Литовская еврейка, молодая решительная женщина, муж — немец и ариец — захотел от нее освободиться, она — преподавательница гимнастики, кончила гим-

²² Жизнь (лат.). Мемуары Клемперера, над которыми он работал с 1939 года, вышли посмертно в 1989 году под названием «Curriculum vitae» («Путь жизни», лат.; или «Краткое жизнеописание»). Издатель — В. Нойайский. «Рюттен & Лёнинг», Берлин.

²³ «Маленький янки» (англ.). Речь идет об изучении английского языка.

²⁴ Совладелец (или служащий) надомной фабрички, изготавливший и продававший «русские сигареты» (папиросы), которые курила Ева.

назию, настоящая дама. Изящная, доброжелательно-деловая особа. Мы обращаемся с ней как с приятельницей, она пьет с нами кофе и честно, без всякого жеманства, делает всю необходимую большую уборку за 50 пфеннигов в час. Я рассказывал ей о Родезии и Сиднее. Она сказала: «В Родезии у меня родственница, а в Сиднее – подруга». *Piccolo mondo moderno!*²⁵ Удивительно: в то время как современная техника (самолеты, радио, телевидение, тесные экономические связи), по существу, аннулируют все границы и дистанции, свирепствует самый жестокий, самый отвратительный национализм. Возможно, это последние предсмертные судороги того, что отжило свой век. И еще одна странность: национал-социализм постоянно говорил о всемирном еврействе; это была его *idee fixe*²⁶, это был фантом. Они так долго говорили об этом фантоме, пока он не обернулся явью.

Теперь я намного серьезней отношусь к изучению английского. То проработаю главу из «Little Yankee»,

²⁵ Маленький современный мир! (итал.)

²⁶ Навязчивая мысль (франц.).

то раздел из грамматики. И вот только что с половины четвертого до пяти состоялся мой первый урок английского — достаточно напряженный и совсем не бесполезный — у миссис Майер. Мне ее рекомендовал Начев²⁷. Его жена — американка, она дружит с миссис Майер. Миссис Майер пятьдесят семь лет, она, собственно говоря, музыкантша, органистка Американской церкви. Но эта церковь основана немцами и является немецким учреждением, а у миссис Майер имеются еврейские корни; следовательно, она лишилась теперь своего поста и не имеет также права преподавать язык арийцам. По происхождению она — англичанка, ее мужу восемьдесят два, но для своего возраста он выглядит невероятно бодрым, не больше, чем на шестьдесят пять; он — немец, пел в свое время в оперном хоре, сейчас на пенсии. Я был у них на четвертом

²⁷ Йордан Начев, болгарин, студент дрезденского Высшего технического училища; одновременно книготорговец, выдававший также книги для чтения на дом. Со времени запрета Клемпереру пользоваться библиотекой Начев снабжал его нужными книгами и часто подбирал ему литературные новинки.

этаже респектабельного дома на Фельдхерренштрассе, меня очень любезно приняли в кухне-столовой; большая клетка с попугайчиками, которых нежно любят, вынимают, целуют; неподдельные слезы по поводу нынешней ситуации, мысли об эмиграции и одновременно страх потерять пенсию, страх давать уроки на дому. Все это она откровенно выложила мне сегодня. Полтора часа будут стоить мне 3 марки, и еще 30 пфеннигов — проезд. Я намерен усердно заниматься.

Потрясающие душу письма — или, если сказать точнее и честнее, они были бы потрясающими, если бы не наступившая притупленность чувств и не большая или меньшая одинаковость собственной судьбы, — от Зусманов и от Йельских. В обоих письмах — частью буквально в тех же словах — то же самое: мы уезжаем как нищие, без всяких средств, зависимые и уповающие лишь на помощь своих детей. Зусманы едут в Стокгольм к своей младшей, недавно вышедшей там замуж. Йельские — к Лилли в Монтевидео. Реформированная община распущена, пенсия отбирается; выплачивается небольшая сумма компенсации, которая позволит оплатить переезд.

23 декабря

Все продолжается так же отупляюще и безнадежно. Дни растратаиваются впустую. Я довольно часто беру уроки у миссис Майер, немножко занимаюсь и самостоятельно — успехи не столь уж большие, а часто просто не хватает на это времени. Хозяйство, постоянная необходимость отправляться за покупками без машины, таскать все на себе, после чего долгое чтение вслух в разгар дня. Евино зрение не улучшается, ее общее самочувствие хуже день ото дня.

25 декабря, воскресенье

Ева срезала с елки в нашем саду несколько веток и соорудила из них деревце на подставке от настольной лампы; мы выпили бутылку Graves²⁸, чтобы себя побаловать, и рождественский вечер, которого я ожидал с таким страхом, прошел приятнее, чем я даже смел надеяться.

²⁸ Бордоское вино.

Вчера впервые в Третьем рейхе подача Рождества в газетах была полностью дехристианизирована. Все-германское Рождество — возрождение и прорыв к свету немецкой души, что означает воскресение из мертвых Германской империи. Еврей Иисус и все церковное и общечеловеческое исключены из рождественского ритуала, о них не поминается ни единым словом. Это, безусловно, приказ, отданный сверху и распространяющийся на все газеты.

Канун Нового, 1939 года, суббота

Вчера я бегло прочел дневниковые записи 1938 года. Резюме 1937 года утверждает, что вершина безнадежного и непереносимого в нашей жизни уже достигнута. И все же в прошедшем году, по сравнению с нашим теперешним состоянием, было еще столько хорошего, столько (ведь все относительно!) свободы.

До начала декабря я мог еще пользоваться библиотекой, и я написал до того времени сотню с дюжиной добротных страниц для своего «*Dix-huitième*»²⁹

²⁹ «Восемнадцатого (века)» (франц.).

(от «Retour à l'antique» до «Retif»³⁰). И примерно до декабря у меня в распоряжении была машина, и мы могли ездить. Писковиц, Лейпциг, гора Швартенберг, Рохлиц, Аугустусбург, Баутцен, Хинтерхермсдорф, Штраусберг и Франкфурт-на-Одере в апреле. Великолепный Бреслау 16 мая, еще раз Штраусберг 6 октября на семидесятилетие Греты, берлинская поездка, сопровождавшаяся болезнью и несчастным случаем, еще раз Лейпциг. А сколько славных маленьких путешествий и возможность ездить за покупками в любое место. И возможность время от времени ходить в кино или поесть в каком-нибудь загородном ресторанчике. Это была малая частица свободы, частица жизни, пусть ничтожная, так как в целом, фактически, мы давно уже могли считать себя пленниками.

Естественно, в течение этого года последовательный процесс ухудшения становился все более отчетливым и ясным. Сначала австрийский триумф Гитлера. Затем лишение нас нашей многолетней помощницы —

³⁰ От «Возвращения к античности» до «Ретифа» (фрнц.) Ретиф де ла Бретонн, Никола (1734–1806), французский писатель.

Леман. (Лично для нас этот удар был чувствительнее, чем какая-либо общегерманская заварушка.) Наконец, рухнувшая в сентябре надежда на освободительную войну. И затем решающий удар: со временем выстрела Грюншпана начался сущий ад!

Но я не стану торопиться и утверждать, что мы уже достигли последнего круга ада. Неизвестность, в которой мы пребываем, — это еще не самое худшее. Потому что в ней все еще таится надежда. Помимо того, у нас еще есть пенсия и наш дом. Но пенсии уже пересматриваются (никаких «специальных доплат», то есть снимаются излишки со всех льготников, получавших пенсию в размере полного оклада; снимается то, чего меня лишили с самого начала), а от меня ведомство «по учету и конфискации излишков еврейского имущества» уже затребовало все данные по моему дому. Относительное спокойствие последних недель не должно обманывать: еще месяц-другой и нас или кого-либо подобного нам окончательно изничтожат.

В последнее время я действительно предпринял все, что в моих силах, чтобы как-то отсюда уехать. Куда только я не посыпал свои письма и крики SOS: в Ли-

му, в Иерусалим, в Сидней, квакерам мисс Ливингстон. Поручительство, присланное нам младшим сыном Георга, я сдал в берлинское консульство США, установил по телефону, что упомянутый Георгом мистер Гайст все еще там служит и после Нового года к нему можно будет прийти на прием, оставил письменное прошение о личной аудиенции. Но надежда, что хоть что-то из всего этого нам поможет, более чем сомнительна.

1939

10 января, вторник

Марта прислала «Еврейский информационный листок», и мне в голову пришли или укрепились уже бывшие в ней давно некоторые принципиальные мысли.

Нет и не может быть особого еврейского вопроса в Германии или в Западной Европе. Кто признает такой вопрос, лишь заимствует и подтверждает фальшивый тезис, выдвинутый НСДАП, и тем самым покоряется и ставит себя на службу этой партии. До 1933 года по крайней мере в течение целого столетия немецкие евреи полностью стали немцами и совершенно с ними слились. Доказательство: тысячи и тысячи «половинок», «четвертушек» и т. д., людей, имеющих единичных еврейских предков, так называемых «выходцев из евреев», и все эти люди без малейших трений живут среди немцев и работают вместе с немцами букваль-

но во всех областях и сферах немецкой жизни. Всегда наличествующий антисемитизм отнюдь не является доказательством противного. Ибо чуждость евреев и арийцев и трения между ними никогда не были и вполовину так велики, как постоянные трения и враждебные отношения между протестантами и католиками, как вражда между работодателями и наемными рабочими или различия и недоброжелательство между жителями Восточной Пруссии и, к примеру, Верхней Баварии, между жителями Рейнской области и берлинцами. Немецкие евреи были частью немецкого народа, как французские евреи — частью французского народа etc. Они заполняли свое место в немецкой жизни и никогда не были никому обузой. Их было очень мало среди рабочих и почти совсем не было среди работников сельского труда. Они были и остаются немцами (хотя они сами теперь этого не хотят); в большинстве своем это люди, получившие немецкое образование и принадлежащие к работникам умственного труда. Если их желают сейчас в массовом порядке лишить гражданства и заставить работать только в сельском хозяйстве, это неизбежно окончится провалом и вы-

зовет лишь беспорядки и волнения. Ибо они повсюду останутся немцами и интеллигентами. Может быть только одно решение немецкого и западноевропейского еврейского вопроса: вывести из игры изобретателей этого вопроса. Несколько отлична от этого проблема восточноевропейских евреев, которую я, однако, тоже не рассматриваю как специфически еврейскую. В течение длительного времени поток этих евреев устремлялся в западные страны — либо спасаясь от бедности, либо в погоне за образованием, либо по обеим этим причинам. Они образовали здесь нижний слой, лучшие силы которого устремлялись наверх. Это не приносит вред ни одному народу, так как «народность» в смысле чистоты крови — это чисто зоологическое понятие; понятие, которое давно уже не соответствует никакой реальности; во всяком случае, в этом гораздо меньше реальности, чем в исконном четком разграничении сферы мужчины и женщины. Чистая или религиозно окрашенная сионистская теория — это сектантство, которое не может иметь значения для человечества в целом; это нечто очень частное и отсталое, как любое движение, связанное с сектой; нечто вроде музея под

открытым небом, как архаичная голландская деревня близ Амстердама. Мне представляется форменным безумием, если сейчас в Родезии или где-нибудь еще станут создавать специфические, чисто еврейские государства. Это значит позволить нацистам отбросить себя на тысячелетия назад. Вовлеченные в это немецкие евреи совершают преступление — конечно, следует признать наличие у них смягчающих обстоятельств, — если поддаутся на эту игру. Это относится к сфере «*Lingua tertii imperii*¹», когда в «Еврейских новостях» все чаще мелькает выражение «люди еврейской национальности», постоянно идет речь о «еврейских государствах» или «еврейских колониях», которые необходимо основать в качестве крупных территориальных дополнений «идеальной Палестины». Это величайшая бессмыслица и преступление против природы и культуры, если эмигранты из западноевропейских стран должны будут превратиться исключительно в сельскохозяйственных рабочих. Лозунг «назад к природе» тысячу раз противоестествен, так как в природе заложено

¹«Язык Третьего рейха» (лат.).

стремление к развитию, а отбрасывание назад противоречит природе. Решение пресловутого еврейского вопроса состоит лишь в освобождении от тех, кто изобрел этот вопрос. И мир — ибо теперь действительно в это вовлечен весь мир — будет вынужден прибегнуть к этому способу.

5 февраля, воскресенье

За прошедшие четырнадцать дней ни малейшего изменения в нашем положении и в нашем настроении, все та же ужасающая пустота каждого дня, те же бесплодные усилия продвинуться в английском, ни уроки, ни чтение, ни грамматика — ничто не дает существенных результатов. Евины нервы в очень плохом состоянии, я читаю ей вслух по многу часов днем и ночью. В голове мелькают куски моего «жизнеописания» — моя *vita*, но я ничего не пишу. На многочисленные ходатайства никакого ответа. В политике все то же: Германия всесильна, в Испании дела плохи — все идет к концу. Нападки на евреев постоянно усиливаются; в своей речи в рейхстаге 30 января Гитлер вновь повторил, что все его враги — евреи, и грозил

«уничтожением» евреев в Европе, если «они» накличут войну против Германии. Он строил из себя миролюбца, однако буквально через несколько дней объявил об увеличении числа подводных лодок и усилении военно-воздушного флота.

Профессор Бест объявил, что Евины глаза совсем выздоровели, однако болевые ощущения все еще периодически возникают. «Главное — никаких волнений!» Но поездки в город — к врачу, за покупками — всегда действуют удручающие, они очень тяжелы и очень дороги. Несколько раз мы обедали на вокзале. Один раз даже решили добраться до ресторана у рынка, где нам в прошлый раз так понравилось; когда мы подошли к нему, усталые и голодные, там висела новая табличка: «Евреи нежелательны». Мы поехали обратно на вокзал.

14 марта, вторник

В последние дни я возлагал некоторые надежды на возможные последствия событий в Словакии². Все было явно инсценировано Берлином, чтобы окончательно уничтожить Чехию и открыть путь на Украину. Я сказал себе, что, даже если Англия и Франция вновь останутся пассивными наблюдателями и ничего не предпримут, это все равно еще один шаг, еще одно действие избранной Германией политики силы и, следовательно, еще один шаг на пути к катастрофе. Но когда, согласно сегодняшней вечерней газете, выяснилось, что заранее просчитанная игра молниеносно, без всяких осложнений и, видимо, полностью выиграна Германией, а Англия и Франция опять поджали хвосты, на душе у меня снова стало до невозможности скверно.

² 14 марта 1939 года под силовым нажимом Гитлера было провозглашено создание «независимой» Словакии во главе с президентом Тисо. На следующий день, 15 марта, немецкие войска оккупировали территорию Чехии. 16 марта был образован так называемый Имперский протекторат Богемия и Моравия, во главе которого в качестве имперского наместника был поставлен бывший министр иностранных дел Германии барон фон Нейрат.

10-го я получил из «ландрата» — так теперь называется здешняя администрация — мое новое удостоверение личности: на первой странице большая буква «J»³, отпечатки обоих указательных пальцев, имя: Виктор Израиль.

3 мая, среда, ближе к вечеру

Только что у нас была Густи Вигхардт; совершенно неожиданно ей вдруг удалось выбраться; завтра она едет в Лондон, где займет некий пост (фиктивный или полуфиктивный) в кухне некоего салона. Ее удивительным образом рассматривают не как эмигрантку, а как вдову немецкого профессора, которая на один год отправляется за границу и будет по-прежнему получать свою вдовью пенсию; пенсию станут зачислять на особый банковский счет, но воспользоваться этими деньгами Густи сможет только в Германии. Примечательное и, по сути, легко объяснимое психологическое наблюдение: прежде Густи страстно интересовалась политикой, не могла дождаться, когда же

³ Первая буква слова Jude (еврей, нем.).

наконец начнется война, была до краев полна всяческими сообщениями по радио etc. Сегодня все это как ветром сдуло, она перестала слушать радио, ей безразлично, что творится, — пусть с Германией будет, что будет; пусть со всеми здешними заключенными будет, что будет: для меня все это уже позади, меня все это уже не волнует, я уезжаю! Конечно, она не произносит таких слов буквально, но говорит нечто похожее, близкое по смыслу, это ясно из всего ее поведения. Ее последняя фраза: в Лондоне не надо будет больше огорчаться, проходя мимо кино! В Лондоне я смогу войти в любой кинотеатр! (Кстати, едет она не в Лондон, но в какое-то захолустье близ Бристоля, к каким-то пожилым дамам-благотворительницам, которые уже «ангажировали» не одну эмигрантку.) В «Ямбах» Андре Шенье⁴ особенно потрясает написанное им в тюрьме: «Когда дверь скотобойни за нами запирается, осталось

⁴ Андре Шенье (1762–1794), французский поэт эпохи Великой французской революции, был казнен якобинцами. Предвосхитил романтическую поэзию (элегии), среди политических стихов выделяются оды и цикл «Ямбы».

ному стаду, оставшемуся снаружи, мы безразличны». Здесь получается наоборот: если кто-нибудь вырывается из скотобойни, он уже не интересуется теми, кто остался внутри. Надо сжать зубы и продолжать писать «Curriculum», главу третью. Завтра все пойдет как обычно, а сегодня обрываю на полуслове.

7 июня, среда вечером

Несколько недель не мог себя заставить писать дневник. Целиком погрузился в свою третью главу.

Я не пойму, движется ли время или стоит на месте. Иногда — собственно говоря, ежедневно — мне кажется, что уж на этот раз он мчится к своей погибе-

ли. Польский этап⁵ развивается аналогично чешскому, наше «окружение» все ширится. Но ведь я так часто ошибался.

Каким же коварным считает *его* народ: повсюду говорят, что он намерен разделить Польшу между собой и Россией. И как мало значения он придает тому, чтобы замаскировать собственную ложь: оказывается, мы никогда не поддерживали Испанию (Франко), но теперь, уже несколько дней, во всех газетах прославляется ге-

⁵ 21 марта 1939 года Гитлер потребовал от Польши передачи Германии «вольного города» Данцига и экстерриториального Польского коридора, соединявшего Восточную Пруссию с территорией рейха (потери, которые он связывал с Версальским договором), 23 марта Гитлер самовольно вернул Мемельский край, который с 1924 года находился в составе Литвы. Польша отвергла ультиматум Гитлера, и в ответ на ее обращение Англия и Франция гарантировали сохранение ее независимости (31 марта 1939). После этого 28 апреля Гитлер заключил с Польшей пакт о ненападении, а также подписал специальное «морское» соглашение между Великобританией и Германией.

роический испанский легион «Кондор»⁶, со всеми его орудиями и самолетами. И каждый день речь, парад или боевое учение для демонстрации нашей непобедимости и нашего «стремления к миру». И в трамваях все кондукторы заменены на кондукторш. И в мясных лавках, и у торговцев овощами наблюдается все большая скучность, потому что все копится для армии. Но народ действительно верит, что будет мир. Он захватит (или разделит) Польшу, а «демократии» не осмелятся ни на какое противодействие.

Трижды за эти недели нас посещал Мораль⁷. Он крайне удручен и совершенно потерял голову, непрерывно думает о самоубийстве, ищет у нас утешения, как ребенок. Он всегда панически боялся, что у него отберут квартиру. Сейчас он хотел бы, упреждая собы-

⁶ Созданный в Германии легион «Кондор» включал в себя подразделения всех родов войск: военно-воздушные части, танковые корпуса, связь, транспорт, специальные штабы — вся эта мощная сила воевала на стороне Франко. После победы Франко 1 апреля 1939 года легион «Кондор» был встречен в Германии триумфальным парадом победы.

⁷ Знакомый Клемпереров, бывший советник юстиции.

тия, переселиться в «еврейский дом». Мы решительно его отговариваем.

14 августа, понедельник

Уже недели две напряженное ожидание, оно то усиливается, то остается прежним. Vox populi: он начнет дело в сентябре, разделит Польшу с Россией, Англия — Франция будут бессильны и пассивны. Начев и некоторые другие: он не осмелится напасть, сохранит мир и продержится у власти еще долгие годы. Мнение евреев: кровавый погром в первый же день войны. Что бы из этого ни сбылось, для нас все ужасно.

Мы продолжаем жить, читать, работать, но наша угнетенность, наша подавленность все растет.

29 августа, вторник

Мне стало чудовищно трудно работать, я никак не могу сосредоточиться и закончить раздел о Париже 1903 года, эти последние дни окончательно вывели меня из равновесия и продолжают все сильнее беспокоить.

Открытая мобилизация без какого-либо предварительного ее объявления (забирают людей, лошадей, автомобили и пр.); пакт с русскими⁸, невероятный поворот, неразбериха, неясность положения и соотношения сил после таких крутых перемен. (Что он задумал? Каковы будут последствия? Как настроен народ? Бесконечные мучительные разговоры.) Огромная опасность для всех проживающих здесь евреев. С пятницы до понедельника все возрастающее напряжение. Людей в массовом порядке ночами забирают на военную службу. Все лошади с рынка куда-то исчезли. В воскресенье утром неожиданно нагрянул Мораль:

⁸ 23 августа 1939 года был подписан договор о ненападении между Германией и СССР, вместе с секретным дополнительным протоколом о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. После вторжения германских войск в Польшу 1 сентября 1939 года и вторжения советских войск на польскую территорию 17 сентября на следующий день — 18 сентября — министрами иностранных дел обеих стран, Риббентропом и Молотовым, был подписан договор о дружбе и границах, согласно которому Советскому Союзу отходила также Литва, а немцы распространили свои притязания на польскую территорию до Буга.

он собирается перебраться в Берлин и скрываться на квартире своего друга арийца; он полагает, что, как только начнется война, начнутся и расстрелы, скорее всего, это будет не в форме стихийного погрома, но людей будут регулярно забирать, загонять в казармы и ставить к стенке. В тот же день после обеда были разданы продуктовые карточки; это практически лишает нас возможности куда-то уехать и где-то скрываться. Вечером я поехал на вокзал, тамошняя публика выглядела подавленной и растерянной. (Ева рассказала позже, что и здесь люди, которые возвращались после загородных поездок, говорили непривычно тихо, не смеялись и не дурачились, как обычно.) Толклись возле объявления, на котором сообщалось об отмене многих поездов, об уменьшении их количества и об увеличении интервалов. Десятидневный запрет посыпать что-либо по почте для всех войск, «кроме внутренней корреспонденции по месту их дислокации», был обнародован уже в воскресенье. Что нас особенно угнетает с воскресенья — так это мысль, что нам все же придется обеспечить безболезненный уход из жизни нашему котику с помощью шприца, потому что он ест

у нас только мясо и, собственно, для него одного нам нужно 250 граммов в день, а мы теперь будем получать 1 кг в неделю для нас троих. Но за эти дни нам удалось переориентировать его на рыбу и самим постепенно привыкнуть к ожидающему нас длительному кризису. Час от часу наши перспективы меняются — мы не знаем, чего ждать: войны или мира, и если войны, то с кем и какова будет группировка сил. Каждый гадает про себя, ждет, слишком большое напряжение приводит к отупению и пассивности. В какой-то момент самым вероятным мне кажется, что Гитлер опять выиграет игру исключительно с помощью нажима, без всякой битвы. Но как долго сможет он пробыть в качестве союзника большевиков... и т. д. и т. д.?

3 сентября, воскресенье, первая половина дня

Наши нервы подвергаются испытаниям, все более мучительным и непереносимым. В пятницу утром поступил приказ о долговременном затемнении всех окон. Мы сидели в тесном подвале в ужасающей духоте и сырости, одновременно потели и дрожали от озноба. Запах плесени и скучность наших продуктовых запасов

делают наше положение еще мучительнее. (Я стараюсь приберегать масло и мясо для Евы и Мушеля, а сам, по возможности, пробавляюсь рыбой и хлебом.) Все это само по себе не так уж страшно, но ведь это лишь сопутствующие обстоятельства.

Главный вопрос: что теперь будет? Мы час за часом говорим себе, что сейчас должно решиться, всесилен ли Гитлер, будет ли его господство продолжаться еще необозримо долгое время или он падет теперь, именно теперь.

Утром в пятницу, 1.9, пришел молодой работник из мясной лавки и сообщил: по радио говорят, что мы заняли Данциг и Польский коридор, война с Польшей уже идет, Англия с Францией остаются нейтральными. Я сказал Еве, что тогда для нас лучший исход — укол морфия или что-либо подобное, наша жизнь кончена. Затем мы почти одновременно сказали друг другу, что так дело обстоять не может, этот юноша уже не раз молол нам дикий вздор (он — типичный пример того, как народ воспринимает и переиначивает разные сообщения). Через некоторое время мы услышали визгливый, подстрекательский голос Гитлера, обыч-

ный «ор», но разобрать что-либо было трудно. Мы уверили себя, что если бы сообщение молодого человека было правдивым хотя бы наполовину, то уже повсюду висели бы знамена. А внизу красовалось бы сообщение телеграфного агентства о начале войны. Я вышел, спросил каких-то людей, объявила ли Англия о своем нейтралитете. Лишь одна интеллигентная продавщица табачной лавки на Хемницерплац сказала: «Нет — это был бы просто анекдот!» У булочника и у Фогеля меня все уверяли: «Можно считать, что объявила; через несколько дней все закончится!» Молодой человек перед газетным киоском: «Англичане слишком трусливы, ничего они не предпримут!» — таково, в разных вариациях, было господствующее настроение, vox populi (продавец масла, продавец журналов, рассыльный газовой компании etc. etc.). После обеда я прочел речь фюрера: она показалась мне довольно пессимистичной в оценке обстановки как вовне, так и внутри страны. Все формулировки указывали и указывают на то, что подразумевается нечто большее, чем одна или несколько карательных экспедиций против Польши. И вот сегодня, уже третий день, продолжается неопре-

деленность, и кажется, будто она тянется уже три года: ожидание, отчаяние, надежда, догадки, взвешивание шансов, незнание. Вчерашняя субботняя газета весьма расплывчато, но все же принимает в расчет возможность возникновения всеобщей войны: «Англия — агрессор; Англия проводит мобилизацию, Франция проводит мобилизацию, они будут истекать кровью!» etc. etc. Но оттуда еще не было никакого объявления войны. Последует ли оно или никакого противодействия не будет и европейские державы продемонстрируют лишь свою слабость?

Военные сводки также не ясны. Везде говорят об успехах, нигде не сообщают о серьезном сопротивлении, однако показывают, что немецкие войска, перейдя границу, еще нигде не продвинулись вперед на значительное расстояние. Как это все согласуется? При всем том сообщения и предпринимаемые действия серьезны, народное мнение все эти действия поддерживает и абсолютно уверено в победе, оно в десятки тысяч раз заносчивее и агрессивнее, чем в 1914 году. Это закончится либо потрясающей, почти бескровной победой, и Англия и Франция станут тогда кастриро-

ванными, второстепенными государствами; либо все обернется катастрофой, в десятки тысяч раз более со-крушимой, чем в 1918-м. Но мы, находящиеся здесь, в самой сердце, беспомощны и, вероятно, все проиграем в любом случае... И однако, мы принуждаем себя, и по временам нам это даже удается, продолжать жить нашей будничной жизнью: читаем вслух, едим (то, что нам удается раздобыть), пишем, занимаемся садом. Но, укладываясь спать, я каждый раз думаю: не заберут ли меня этой ночью? Не расстреляют ли, не попаду ли я в концлагерь?

Подобные ожидания в мирном, расположенному в некотором удалении от мира Дольщене особенно мучительны. Поневоле прислушиваешься к каждому звуку, приглядываешься к каждому выражению лица, ко всему. И ничего не узнаёшь. Ждешь газету и ничего из нее не вычитываешь. В настоящий момент я все же склоняюсь к мнению, что войны с великими державами нам не избежать.

А кумушка в мясной лавке кладет мне руку на плечо и говорит растроганно-слезливым голосом: «Он сказал, что хочет снова надеть свой парадный мун-

дир и пойти на фронт простым солдатом; и, если его убьют, тогда Геринг должен...» Молодая дама сует мне продуктовую карточку, смотрит на меня с симпатией: «Вы меня еще помните? Я училась у вас... теперь вот вышла здесь замуж». Пожилой господин, очень дружелюбный, приносит приказ о затемнении: «Ужасно, что мы снова воюем, но ведь мы все патриоты, не так ли; когда я вчера увидел выезжающую батарею, мне так захотелось быть с ними!» Союз с русскими никого не возмущает; наоборот, все считают его гениальной, великолепной шуткой. Оптимизм лавочника Фогеля (вчера: «С Польшей мы почти разделались, а другие даже пальцем не шевельнули!») оборачивается нам на пользу: мы покупаем у него кофе, колбасу, чай, мыло etc. Все ли немцы так настроены? Основано ли это настроение на реальности или все они оказались во власти кощунственной заносчивости?

Иудаистская община Дрездена запрашивает меня, вхожу ли я в нее, так как она представляет всеимперское объединение евреев; с другой стороны, представители протестантской церкви спрашивают, остаюсь

ли я с ними. Я ответил людям Грюбера⁹, что был и остаюсь протестантом, а еврейской общине я вообще не шлю никакого ответа.

29 сентября, пятница

Лавочник Фогель: «Не думаю, что это продлится три года. Либо англичане уступят, либо будут уничтожены». Vox populi communis opinio¹⁰. Всеобщее мнение одобрило союз с русскими и разделение Польши, одобрят и то, что происходит сейчас. Повсюду господствуют абсолютная уверенность в победе и головокружение от успехов. Впечатление такое, что никакой войны уже нет и в помине. На Западе ровно ничего не происходит. На Востоке уже сдались Модлин и Варшава, взято

⁹ Генрих Грюбер (1891–1975), теолог евангелического направления. В 1937 году организовал в своем приходе Берлин-Каульсдорф разрешенную правительством организацию «Помощь евреям-христианам» и помогал многим из них перебраться в Нидерланды. В 1940 году был заключен в концлагерь Заксенхаузен, в 1941–1943 годах находился в Дахау. В 1948–1958 годах был назначен уполномоченным евангелической церкви при правительстве ГДР.

¹⁰ Глас народа – всеобщее мнение (лат.).

шесть тысяч пленных. В Москве Риббентроп и Молотов ведут переговоры с турками и прибалтами. Невероятная победа оттесняет на задний план и лишает значимости всякое наше внутреннее недовольство; Германия правит миром — какое значение имеют при этом небольшие погрешности в ее внешнем облике.

Но кто ведет в этой игре и кто кого переиграет? Гитлер? Сталин?

9 октября, понедельник

Мораль †. Самоубийство в ночь с 1 на 2 октября. Утром второго числа мы послали ему открытку и ждали ответа. Вчера пришло письмо от его Эммы, которое я сохранию. Вчера утром — я был еще небрит и без галстука — нам неожиданно нанесла визит супружеская чета Федер (советник суда, наш евангелический куратор). «Дело Морала» известно ему уже несколько дней. Несмотря на протестантство покойного, в погребении на евангелическом кладбище ему отказано, так как он был «стопроцентным евреем». Ср. письмо Эммы. Вот так; ко всему прочему у меня сегодня день рождения.

Мы с Евой тщимся изобразить веселье. И делаем вид, что надеемся дожить до следующего дня рождения.

12 ноября, воскресенье

8 ноября в мюнхенском пивном зале «Бюргербрау-келлер» попытка бросить бомбу в Гитлера¹¹.

В ночь после сообщения о покушении («Мы знаем виновных: это Англия, а за ней прячутся евреи») я не спал, ожидал возможного ареста, концентрационного лагеря, пули. Когда 9-го утром продавец сигарет первым мне об этом рассказал, я, несмотря на стремление подходить ко всему философски, тотчас ощутил перебои

¹¹ 8 ноября 1939 года в мюнхенском пивном зале «Бюргербрау-келлер» столяр Йоханн Эльсер (1903–1945) бросил самодельную бомбу в Гитлера, который присутствовал там на традиционном соборе в память о так называемом «Мюнхенском», или «Пивном путче» 8–9 ноября 1923 года, потерпевшем поражение. Покушение Эльсера было неудачным, бомба взорвалась, когда Гитлер уже покинул зал; на месте взрыва остались семь убитых и шестьдесят три раненых. Эльсер был пойман при попытке нелегально перейти границу в Швейцарию, отправлен в Заксенхаузен, в 1945 году переведен оттуда в Дахау, где был казнен 9 апреля 1945 года по приказу Гиммлера.

в сердце и боль в груди. Сейчас эти боли и сердцебиение исчезли, что, конечно, само по себе ничего не доказывает.

Циркулярное письмо европейской общины: в новой телефонной книжке под угрозой штрафа незамедлительно указать имя Израиль. Слава Богу, у меня давно уже нет телефона. Налог на имущество для евреев недавно повышен с 20 до 25 процентов (правда, если размер состояния превышает 10 тысяч марок). Меня это также мало касается, как и телефон. Бедность тоже имеет свои преимущества. Повышение налога произошло, кстати, за несколько недель до покушения.

9 декабря, суббота

После первой же поездки к зубному врачу у Евы образовался серьезный абсцесс в челюсти. Острые боли вскоре притупились, но Ева все еще от этого страдает: ей до сих пор трудно жевать, эта история очень ослабила ее физически. В разгар подобных неприятностей на нас обрушился давно ожидаемый и все же ужасно подействовавший удар.

В понедельник я был в доме, где помещается еврейская община (Цойгхаусштрассе, 3, возле сгоревшей и затем снесенной синагоги), чтобы заплатить свой налог и деньги в «Зимнюю помощь»¹². Здесь большая суматоха; от всех продовольственных карточек спешно

¹² «Зимняя помощь» — организованный нацистами благотворительный фонд помощи неимущим соотечественникам. Люди в форме штурмовиков прямо на улицах собирали пожертвования, а также раз в году все общины обязаны были проводить сбор средств. Помощь частично раздавалась бедным семьям, устраивались также благотворительные обеды, праздники «единения нации», широко использовавшиеся нацистами в пропагандистских целях. Особенно усердно и щедро должны были платить в «Зимнюю помощь» евреи.

отрезаются талоны на пряники и шоколад¹³ «в пользу тех, чьи близкие находятся на фронте». Отбираются также карточки на одежду: отныне евреи будут покупать ее только по специальному ходатайству общины. Но все это были мелкие неприятности, которые за таковые и не считаешь. Однако затем со мной захотел поговорить присутствовавший там партийный чиновник: «Вас так или иначе собирались известить о том, что до 1 апреля вы должны освободить свой дом: вы можете его продать, сдать внаем или просто оставить пустым — это ваше дело, но вы должны оттуда выехать: вам полагается всего одна комната. Посколь-

¹³ Приказ ландратам (начальникам окружных администраций) от 2 декабря 1939 года гласил: «Господин рейхсминистр по продовольствию и сельскому хозяйству 2 декабря 1939 года сим постановляет: запретить продавать евреям изделия из шоколада (плитки, пралине и другие сладкие изделия, в состав которых входит какао), а также разнообразную пряничную продукцию, с немедленным принятием этого приказа к исполнению. Ландратам вменяется в обязанность срочно известить об этом нововведении глав всех общин, дабы те незамедлительно довели его до сведения владельцев и руководства всех отдельных магазинов и торговых точек. От публичного объявления следует воздержаться».

ку ваша жена арийка, вам по возможности предоставят две комнаты». Этот человек не был невежливым, он также хорошо понимал, в каком бедственном положении мы оказываемся, при том что никто не извлекает из этого никакой выгоды — просто садистская машина сочла нужным нас переехать. В четверг этот человек пришел к нам с уполномоченным общины Эстрайхером для осмотра дома. Он снова был вполне любезен и терпеливо уговаривал: «Вы все равно не сможете здесь остаться, с 1 января вы должны будете закупать все продукты в городе только в одном определенном месте¹⁴, и таскать их сюда будет утомительно». Эстрайхер сказал мне, что все детали можно будет обсудить с ним. Ева сохраняет самообладание несравненно луч-

¹⁴ Действительно, 13 сентября 1939 года было спущено циркулярное письмо «о выделении специальных продовольственных магазинов и торговых точек для обслуживания только евреев». В постановлении, среди прочего, говорилось: «Выяснилось, что после выделения специальных талонов на жизненно важные продукты перед магазинами нередко выстраиваются очереди, и в них, среди прочих людей, оказывается немало евреев. Ни один немец не может быть принужден стоять в очереди вместе с евреем».

ше, чем я, хотя это ударяет по ней несравненно более жестоко. Здесь ее дом, ее сад, ее поле деятельности. В городе она окажется как в заточении. Кроме того, мы теряем нашу последнюю собственность, так как попытка сдать дом будет связана с множеством нарочитых придирок, а если мы захотим его продать, то, за вычетом долгов по двум ипотечным обязательствам, мы получим крайне ничтожную сумму, которая пойдет на счет нашей страховки и никогда не попадет с него в наши руки. А что нам делать с нашей мебелью etc.? И котика непременно придется усыпить. Но Ева не сдается и уже строит планы на будущее. Деревенский дом в Леббине! Вчера в здании еврейской общины я подробно беседовал с Эстрайхером, который держался очень дружелюбно и всячески шел нам навстречу. Я ушел немного ободренным, хотя, конечно, это настроение продержалось недолго. В основном Эстрайхер сказал следующее: ничего самим не предпринимать, палец о палец не ударять, лучшая тактика — выжидать и тянуть время! Он возьмет это дело в свои руки, будет затягивать сколько возможно, почти наверняка до мая, а может быть, и до июня, две комнаты он сможет нам

предоставить в любой момент — а до мая еще так много времени, и мы все надеемся. Такое настроение в еврейской общине придало мне бодрости. А ведь здесь люди пострадали куда больше нашего, большинство уже побывало в концлагерях, но все спокойны и исполняют свою работу, считая ее своим долгом, все сохраняют уверенность и надежду. Я должен в самое ближайшее время подробнее написать об этих людях, мешает то, что я чувствую себя очень усталым. Сегодня, как и в предыдущие дни, два раза выбирался за покупками, вести хозяйство становится все тяжелей, оно занимает все большую часть моего дневного времени. Poor¹⁵ «Curriculum»!

16 декабря, суббота

В предыдущее воскресенье вечером к нам пришел Бергер, владелец мелочной лавки за углом, бравый мужчина, не нацист, в прошлую войну был солдатом, затемunter-officerом. Я рассказал его жене, что нам придется оставить дом. Он хотел бы его снять — за 100

¹⁵ Бедное (англ.).

марок в месяц, столько он нам самим стоит в месяц, и это его облагаемая налогом арендная плата, — в нашей музыкальной комнате он намерен оборудовать свой магазинчик. Я сказал ему *in nuce*¹⁶, что согласен, если только до 1 апреля ничего не изменится, и если он заранее будет рассчитывать только на тот срок, пока сохраняется нынешний режим (он: «Режим может лопнуть завтра, возмущение повсюду велико, а может затянуться еще лет на двадцать»), и если он будет содержать в порядке наш сад. Мы ударили по рукам.

Из новых продуктовых карточек нам вырезали все дополнительные талоны на особо ценные продукты. Что касается мяса и масла, то их можно компенсировать сокращением других наименований (например, чуть больше масла = меньше маргарина). Таким образом, нас очень сильно прижали. В результате Фогель сует нам одну пачку шоколада за другой, а мясник пишет на обороте чека: «На Рождество мы отложили для вас язык»

¹⁶ Коротко и ясно (лат.)

24 декабря, воскресенье, вторая половина дня

Ева украшает елочку, которую я вчера притащил с величайшим трудом — три покупки за один день. Деревце, однако, выглядит еще более поникшим, чем мы сами. Мы дошли до края. Если не будет никаких существенных перемен, прежде чем нас вытеснят из нашей квартиры, нашу жизнь можно считать пропавшей. А надеяться, что до 1 апреля?.. Тем не менее это Рождество кажется мне не таким безотрадным, как предыдущее. Тогда был мир, Запад, казалось, полностью капитулировал, а Гитлер сидел прочно, как никогда, и мог рассчитывать на необозримо долгое время. Теперь — не то, дело принимает решительный оборот, и Гитлер должен пасть. Остается только вопрос: когда? Последние недели для Гитлера, несмотря на постоянный газетный шум о «победах», были, очевидно, очень недобрьими. Сначала газеты трубят о решительной «победе на море», но сразу вслед за тем — самоуничтожение «Адмирала Шпее», а потом — самозатопление «Колумбу-

са», застрахованного компанией «Ллойда»¹⁷. Но прежде всего строжайшее предупреждение никоим образом не слушать «деморализующую ядовитую ложь» зарубежных радиостанций, с примерами устрашающими приговоров: так, целая семья из Данцига получила за это два с половиной года каторги; провинившиеся в том же из Вюртемберга и Рейнской области — один год с четвертью. И ужасающая, позорная поздравительная телеграмма Гитлера Сталину по поводу его шестидесятилетия. И нападки, и протесты противнейтральных стран, которые раньше якобы были нашими друзьями и нуждались в нашей защите против Англии.

31 декабря 1939 года, канун Нового года, воскресный вечер

В это Рождество и Новый год наше положение все же несравненно хуже, чем в прошлом году, так как у нас грозят отобрать дом. Несмотря на это, на душе у меня

¹⁷ «Ллойд» — старейшая международная ассоциация страховщиков, занимавшаяся также страхованием морских судов. Создана в Лондоне в 1688 году.

лучше, чем тогда: прежде все находилось в состоянии стагнации, ныне — все в движении. Я убежден теперь, что в грядущем году национал-социализм потерпит крушение. Быть может, мы тоже при этом погибнем, но все же это будет конец режима, а вместе с тем конец всего этого ужаса. Только сумеем ли мы тогда спасти наш дом и нашего котика? В эти дни мы каждый раз с приближением вечера зажигаем огни на нашей нарядной елочке и не преминем сделать это сегодня.

Своей работой в 1939 году я вполне могу быть доволен: готовы 200 плотно напечатанных страниц «Curriculum», то есть шесть и три четверти главы.

Я принуждаю себя к некой смешанной комбинации: с одной стороны надеяться, но в то же время не думать ни о том, что происходит сейчас, ни о том, что нам сулит будущее. Проживать каждый отдельный день со всеми его перипетиями: хозяйство, еда для нас и для котика, чтение вслух, нечастая возможность немного писать.

Думаю, что погромы в ноябре 1938 года произвели на народ менее сильное впечатление, чем лишение нас рождественской шоколадки.

1940

10 апреля, среда

Ситуация все ухудшается. В принудительном порядке дом сдан с 1 июня — Бергеру, тому, который собирается открыть магазин в нашей музыкальной гостиной, но с нашим собственным жильем пока еще нет никакой ясности. Состоялась беседа с консультантом по вопросам переселения от еврейской общины, результат — абсолютный ноль: вам необходимо выехать, но пока мы не видим возможности. Американско-еврейские комитеты вступаются лишь за верующих иудеев. Ваша полномочная инстанция — пастор Грюбер, но у него недостает средств.

Вчера, 9.4, — оккупация Дании и Норвегии. Эстрайхер: «Не кажется ли вам, что через месяц они высаживаются в Англии?» Я делаю вид, что не считаю это возможным. Но в действительности я начинаю допускать ве-

роятность того, что прежде считал решительно невозможным: окончательную победу Германии.

19 апреля

Согласовал с Бергером короткий договор о сдаче дома; община Дольцшен, в лице местного комитета НСДАП, заставила меня составить совсем другой договор. По новому варианту договора, дом сдается на два года, я не имею право войти в него без разрешения общины и не имею права предъявлять каких-либо требований съемщику без ее разрешения, я предоставляю ему преимущественное право покупки за точнофиксированную цену в 16 600 марок, и эта цена особым параграфом вносится в поземельный кадастровый реестр. Этот договор — такой шантаж и инструмент для будущих придиরок, что нам захотелось немедленно продать дом Бергеру. Но при этом мы потеряли бы все: 4600 марок были бы зачислены на счет нашей страховки, и даже если бы они когда-нибудь к нам вернулись — реальная цена марки, сказал мне Эстрайхер, не будет превышать трех пфеннигов. Итак, я подписал этот «шантаж» (причем сделал эту оговорку не только мысленно, но

и вслух — в лицо Бергеру, с правом на сатисфакцию), внес запись в поземельный кадастр, заранее смирившись с возможностью придиrok и издевательств, ради последней слабой надежды спасти хоть немного денег. Ева говорит, что теперь Дольщен осточертел и ей, она строит планы начать все заново где-нибудь на побережье Балтики.

В настоящий момент мы пребываем в полнейшей неопределенности. Эстрайхер уверяет, что старается раздобыть нам что-нибудь приличное; по возможности две комнаты с кухней, но пока у него ничего нет, а 25 мая мы должны очистить помещение. Угнетает мысль о расходах: переезд, плата за складирование вещей; договор обязывает меня даже покрасить перед отъездом забор. Все это из пенсии в 400 марок при отсутствии каких-либо дополнительных резервов. Но страх мучит меня только периодически: больше, чем дом и последний пфенниг, я потерять не могу; если я стану нищим, то, как бесчисленные другие обнищавшие люди, буду иметь право на общественную помощь, то есть на помощь от еврейской общины.

Эстрайхер — удивительный человек. Еврей, руководящий посредническим квартирным бюро. Федер, Нойман и другие всячески предостерегают меня в отношении Эстрайхера: он-де шпион, доносчик, берет взятки. Но по отношению ко мне он проявляет до сих пор величайшую доброжелательность, и его совет — не продавать дом — безусловно противоречит инструкциям, получаемым от нацистов, ибо тем хотелось бы, чтобы все еврейские частные дома были проданы «добровольно», дабы избавиться от неприятной процедуры их насильственной экспроприации. Возможно, Эстрайхер в конце концов и меня обманет, но так ли уж это важно? Я ведь в любом случае совершенно беспомощен и бесправен.

Политическое положение не представляется мне более таким отчаянным и безнадежным, как в день оккупации Норвегии. Кажется, действительно поднялся

на борьбу «Израиль»¹, а что касается Норвегии, то этот кусок слишком велик и его не так-то легко переварить. С невероятным, полным отчаяния участием мы следили за боями, ведущимися за Нарвик. Широковещательные сообщения о немецких победах, а между ними нена роком выболтанные признания о сложности положения и тяжелых потерях; к этому присоединяются сообщения, полученные от Начева. (Вчера снова целая серия жестоких приговоров слушателям зарубежного радио!) Больше всего мы ломаем себе голову, размышляя о роли немецкого воздушного флота: одни сообщения говорят о его высокой эффективности и превосходстве, другие утверждают прямо про-

¹ Видимо, Клемперер имеет в виду, что в это время ряд еврейских организаций Палестины (в те годы подмандатной территории Великобритании) вступили в борьбу на стороне англичан против гитлеровской Германии. Так, специально подготовленных членов боевой группы Хагана сбрасывали на парашютах в оккупированные Гитлером страны Европы с целью освобождения заключенных и спасения евреев. Тысячи членов Хаганы вступили в британскую армию, а позже служили в специально организованной Палестинской еврейской бригаде.

тивоположное. Невозможно составить себе цельную картину происходящего. Военная сводка всегда красноречиво рассказывает об уничтоженных английских крейсерах и никогда — о собственных потерях. Три крейсера уничтожены в один день: это грандиозно; но почему, если немецкие бомбардировщики так неотразимы, все еще держится блокированный флот Нарвика, как смогли английские войска добраться до Норвегии, почему остается хотя бы один неразрушенный корабль в Скепа-Флоу²? Я не могу остановиться и не печатать все новых вопросительных знаков.

29 апреля

История с квартирой отвратительна. Эстрайхер, все еще очень вежливый, показал нам в субботу две комнаты на некой вилле, расположенной на Каспар-Давид-Фридрихстрассе (*già*³ Йозефштрассе). Очень мило, но, естественно, имеется множество колоссальных минутов. В понедельник в его бюро я должен был встретить-

² Главная опорная база британского военного флота.

³ Прежде (итал.).

ся с соседкой, еще одной съемщицей этой квартиры, некой фрау Фосс, после чего мы обсудим дальнейшее. Комнаты я осматривал вместе с Евой (такси, ее первая поездка в город после нескольких месяцев перерыва, наконец-то в парикмахерской отрезали ее ужасно отросшие волосы). Само собой предполагалось, что в понедельник нам нужно будет еще урегулировать различные вопросы с фрау Фосс etc.; кроме того, мы еще ничего, в сущности, не видели, только эти две комнаты. При первом же моем вопросе Эстрайхер вдруг сделался крайне высокомерен: я-де в высшей степени неблагодарен, я должен был бы броситься ему на шею и плакать от радости, а не задавать вопросы, я должен соглашаться немедленно etc. etc. Затем он начал кричать и угрожать, что при его всесилии он вполне может запихнуть нас в немыслимую единственную комнатушку. Меня охватила ярость, я вскочил, стукнул кулаком по столу и заорал на него, что он должен вести себя прилично. Это была ужасная сцена, я заплатил за нее настоящим сердечным приступом и еще сегодня чувствую себя разбитым. После долгого взаимного ора я согласился на предложенные комнаты, в двенадцать

должна прийти фрау Фосс для дальнейших переговоров.

3 мая, пятница

Очень печальные дни, и мое сердце причиняет мне такие неприятности, что на долгую жизнь рассчитывать не приходится. Я убежден, что у меня начинается стенокардия. Довольно успокоительным был вчера визит фрау Фосс, с которой нам придется отныне жить в одной квартире. Она оказалась не жеманной; скорее, как правильно говорит Ева, по-берлински грубоватой; видимо, довольно разумной и не чуждой образованности. Vedremo⁴ – о ней еще будет случай поговорить. Самое главное: она любит животных и не имеет ничего против нашего Мушеля. Между тем нормы выдачи мяса опустились так низко, что мы все равно вряд ли сможем его спасти. Это сегодня наша главная печаль. К ней присоединяется горечь от тяжелого поражения англичан возле Андальснесса. Что будет с миром, если победит Германия?

⁴ Поживем увидим (итал.).

11 мая, суббота вечером

Вчера, 10 мая (день рождения Георга — 75 лет), в «предрассветных сумерках» началось наступление на Голландию и Бельгию⁵. Естественно, это «контрудар» для «предотвращения в последний момент вражеского прорыва». Все сенсационное «оформление», гитлеровское обращение с неслыханной фразой: «Это сражение решит судьбу Германии на тысячу лет», взятие им на себя руководства операцией (!) убедительно показывает, что отныне все решено и все поставлено на карту. Если он не победит (даже если сыграет вничью), он падет. Опираясь на историю и философию, этому вторит Монтескье: «Если бы даже Цезарь не перешел Рубикон, республика все равно бы пала». Конечно — но когда она бы пала в таком случае? Историческое развитие располагает большим временем, чем отдельный

⁵ Грубо нарушив нейтралитет Нидерландов, Бельгии и Люксембурга, использовав момент внезапности, Гитлер преследовал стратегическую цель: отыскать самое слабое место в обороне противника для вторжения своих танковых легионов во Францию.

человек. И я так боюсь гитлеровского нимба непобедимости.

16 мая, четверг вечером

Возможно, это самая печальная годовщина нашей свадьбы, которую мы когда-либо отмечали. Начался хаос переезда, девятьдесятых нашей мебели приходится запихивать на чердак, мы уничтожаем, как балласт, множество написанного и напечатанного, то, что мы так долго и бережно хранили. В саду Бергер выкладывает и закрепляет свои магазинные ступеньки, разрушая то, что годами выстраивала Ева. И при всем этом господствует безутешное чувство, что рассчитывать на благоприятную перемену нашего положения никоим образом не приходится. Успехи на Западе грандиозны, народ буквально опьянен. Захвачена вся Голландия, вся Бельгия, превосходство наших летчиков неоспоримо и т. д. Бергер сегодня: «В магазине на базарной площади говорят, что 26 мая Гитлер будет произносить речь в Лондоне. — И далее: — А затем падут Гибралтар и Суэц». Все моральные понятия также перепутались, люди основательно сбиты с толку: «Гитлер хочет за-

брать лишь то, что принадлежит Германии, а вообще-то он всегда обещал сохранять мир». А Польша? «Так ведь большую часть ее мы отдаем России, а сами берем лишь то, что было немецким, а кроме того, самое главное — Варшаву». А Чехословакия? «Она вообще не жизнеспособна как самостоятельное государство». Гитлеровский поворот от антибольшевизма к дружбе с русскими и все прочее забыто: «Он стремится лишь к миру, он всегда это обещал». Невероятно тяжело не поддаваться этому всеобщему внушению, не оперировать такими понятиями и словечками, что у всех на устах: «блицкриг», «блицзиг»⁶, «контрудар» (записать это для языка *tertii imperii!*), а также не верить в возможность этой фантастической высадки в Англии. И все же мы можем, должны и можем не верить иллюзии, что Англия и Франция позволят себя уничтожить. Сегодня — первый момент успокоения, первое небольшое приглушение триумфальных реляций с 10 мая: «Враг затаился и изготовился к борьбе между Намюром и Антверпеном». Гитлер как боксер, который хочет

⁶ «Молниеносная война», «молниеносная победа» (нем.).

и непременно должен победить в первом раунде, но на два следующих раунда его не хватит. Способны ли Англия и Франция достаточно жестко держать удар?

22 мая, среда вечером

Главная работа этого дня: сжигать, сжигать, сжигать часами письма, рукописи целыми кучами. Дым вреден для глаз; тяжелые стопки бумаги надо постоянно переворачивать, поскольку сложенные плотно они не горят, а лишь обгорают по краям.

**«Еврейский дом»,
Каспар-Давид-Фридрихштрассе, 156**

26 мая, воскресенье утром

Красивая вилла, построенная слишком тесно, слишком «модерново», до предела набитая людьми с одинаковой судьбой. Прелестно расположенная среди зелени. Разделенная на небольшие участки территории старой лесопарковой зоны; за кипами деревьев и полосками садов луга и полевые угодья. Если мы стоим на балконе, обращенном на сторону, противополож-

ную улице, наш взгляд слева упирается в насыпную каменную стену, справа — в здание клиники. Улица здесь довольно узкая, на другой ее стороне также виллы, сады, санатории и снова виллы.

Самая большая потеря времени проистекает от постоянного мельтешения и заглядывания к нам посторонних доброжелателей. Фрау Фосс, лет пятидесяти, — очень состоятельная неарийская вдова арийского директора ОСК⁷ (бывшего католического священника): немного ребячлива, не слишком образованна, немножечко мелкобуржуазна, добродушна, всегда готова помочь, постоянно жаждет общаться, чудовищно говорлива. Она появляется, когда Ева еще лежит в кровати, она завтракает на балконе. В день нашего приезда она дважды приглашала нас выпить с ней хорошо заваренного «настоящего» чаю, вчера она обработала выделенные нам полоски земли — мы в свою очередь должны были помочь ей мыть посуду. Таким образом, здесь царит большой промискуитет, который, хотелось бы

⁷ Общественная страховая комиссия Саксонских сберегательных касс.

надеяться, не приведет ни к каким осложнениям, но даже и в таком безоблачном виде действует на нервы. Лучшая черта фрау Фосс — ее искреннее дружелюбие по отношению к Мушелю, симпатия, сразу же сделавшаяся взаимной. Это многое нам облегчает. Бедному зверьку нелегко привыкнуть к тесному помещению, а для нас его ящик с песком — очень большая проблема. Фрау Фосс — не единственная, кто здесь мелькает, хотя ее присутствие ощущается постоянно. Дом — это действительно общность людей, спаянных одинаковой судьбой, и нам еще предстоит всем нанести визиты. Над нами живет владелец дома Крайдль, ему немногого за шестьдесят, бывший банковский прокуррист; под нами — его овдовевшая невестка, которую тоже выставили из собственного дома, вместе с ней еще какие-то люди. Пока все ограничивается разговорами на лестничной площадке. Тема, естественно, всегда одна: кто кем был прежде; и еще: каков будет исход войны?

Первое, что я здесь нашел, было письмо еврейской общины: требование сообщить персональные данные для «Трудовой повинности»; это обязаны сделать все евреи от шестнадцати до шестидесяти лет. Если меня

вдобавок пошлют на земляные работы — моему сердцу конец.

30 мая, четверг

Никакого просвета, хаос становится еще ужаснее. При этом все ухудшающееся положение стран Антанты и почти не вызывающая сомнений окончательная победа *tertii imperii*. Я уже целую неделю трачу на копание в грязи и на бездарные, бессмысленные хлопоты. Дважды безуспешно пытался продолжить работу над «*Curriculum*». Просто праздное стояние и слушанье каких-то разговоров, поездки за покупками «с пересадкой» — на Хемницерплац — здесь, поблизости, любая попытка купить хоть коробку спичек вызывает неизменный вопрос: «Вы у меня зарегистрированы как покупатель?» — и все снова и снова бесконечное мытье посуды, которой у нас недостаточно и которую тем не менее совершенно некуда ставить. И котик. Со своим ящиком, со своей жизнью в неволе. И фрау Фосс, с раннего утра и до полуночи — фрау Фосс. Она сидит возле кровати Евы, она тут как тут, как только мы садимся за еду, и она говорит, непрерывно говорит.

31 мая, пятница

«Еврейский дом»: над нами живет домовладелец Крайдль, он гражданин Протектората, поэтому чувствует себя немного свободнее, чем мы. У него жена, сорок с небольшим, моложе его не меньше чем лет на пятнадцать, арийка. Внизу, под нами, живет его овдовевшая невестка.

Муж невестки был владельцем большого спортивного магазина, которым затем стал руководить их сын (тридцать пять лет). Он занимался фехтованием, дома у него хранились рапиры, полученные им в качестве призов. За это он просидел три недели в концлагере, его мать — неделю в следственной тюрьме. У нее за печкой нашли рапиру без острия. Прокурор в конце концов решил, что это не оружие, а спортивный инвентарь. Permit⁸ в Англию. Фрау Крайдль-младшая успела выехать туда за пять дней до начала войны. Крайдль-младший был задержан и не смог выехать. Все в доме абсолютно убеждены в конечной победе Германии.

⁸ Разрешение (виза) на въезд (англ.).

Еще внизу проживает какой-то их родственник по линии жены, толстый, с грубым, даже зверским лицом, некий господин Кац, он торговец, во время прошлой войны был офицером, страстный обожатель немецкой армии и немецкого военного духа, по поведению и разговорам — больший националист, чем любой наци, радуется немецким победам и презирает страны Антанты. «Мы» возьмем англичан измором, «мы неотразимы и непобедимы». Английская блокада? «Чушь собачья, а не блокада!» Конечно, у других обитателей, при всем пессимизме, постоянно какие-то надежды, слухи, тайные сообщения. (Вмешательство Америки кажется наиболее вероятным; несколько дней назад на рынке ценных бумаг катастрофический обвал курса немецких биржевых акций.)

7 июля, воскресенье

Вчера около полудня нас посетила фрау Хезельбарт⁹, вся в черном; ее муж пал под Сан-Кантеном, ему было тридцать пять, ей тридцать три, они женаты пять

⁹ Бывшая студентка Клемперера, позже соседка по Дольцшену.

лет — «собственно, четыре с половиной, затем он был на фронте», — у них трое детей. Она принесла мне носки, рубашку, кальсоны. «Вам понадобится, а я не могу на это смотреть». Мы взяли принесенные вещи. Сочувствие? Конечно, она вызвала у нас огромное сочувствие. Но где-то под ним копошится ужасное: «Ура, мы живы!» Кроме того, наше сочувствие распространяется лишь на жену. Муж, которого я не знал, был сначала адвокатом, а затем юрисконсультом Земельного крестьянского союза, то есть состоял непосредственно на службе партии.

Ужасно: история с Хезельбартом оказалась для нас неким стимулом. После ухода вдовы мы обнялись: ведь я вернулся с фронта, ведь мы до сих пор как-то прошли через все наши беды и испытания и в настоящее время все еще имеем, *rebus sic stantibus*¹⁰, немало возможностей для счастья. Даже если это всего лишь вечерняя прогулка до девяти часов — нашей строгой временной границы. И котик все еще с нами. И то, что я читаю по вечерам вслух «Большой дождь» маленькими каплями,

¹⁰ При данных обстоятельствах (лат.).

и то, что мы уживаемся с нашей Фоссихой, и то, что я продолжаю писать «Curriculum».

18 июля, четверг

В то время как Крайдль-старший принес новость, полученную с Востока, — об этом все еще говорит весь Дрезден, но никто ничего толком не знает, а газета каждый день пытается представить дело так, будто высадки войск в безоружной и отчаявшейся Англии следует ожидать со дня на день, — внизу, на первом этаже, лежала умирающая от кровоизлияния в мозг старая женщина, мать фрау Кац, и вот теперь, пока мы бесконечно разговаривали и обсуждали новости, она умерла. Гестапо с большими трудностями дало разрешение еврейской сиделке наочные дежурства возле постели умирающей. У меня создалось впечатление, что для всех обитателей дома, включая и членов семьи, которым было что унаследовать, — для всех эта смерть кажется куда менее важной, чем политическая обстановка. Во вторник после обеда мы втроем поехали на похороны. Я в первый раз был на здешнем еврейском кладбище (Фидлерштрассе) и, пожалуй, в первый

раз в жизни присутствовал на ортодоксальной еврейской траурной церемонии. Учитель в талесе¹¹ сказал короткую речь. Затем гроб был вынесен из зала в прилегающее помещение, мужчины вышли вперед, ребе читал длинную еврейскую молитву, которую мужчины прерывали своими частыми дружными «омейн»¹². Женщины стояли отдельно между своими скамьями. Те, кто нес гроб, прежде вымыли руки. Не было никакой музыки. Покойница, кремация которой состоялась в Берлине, видимо, была очень богата. Тем не менее бросалось в глаза, как жалко и убого были одеты присутствовавшие на церемонии мужчины, которых было довольно много. Моя собственная нужда в одежде доходит до гротеска. «Хороший» костюм я должен беречь, а все остальное у меня чудовищно пообтрепалось; самое большее, что я могу, это попытаться купить поношенные вещи на одежном складе еврейской общины. Федер рассказывал недавно, что еще прежде, чем покойник остынет, представители еврейской

¹¹ Еврейская молитвенная накидка с кистями на четырех углах.

¹² Аминь (древнеевр.).

общины уже просят передать его вещи. Фрау Фосс вынашивает план добыть для меня костюм Мораля. Но ведь тот был гораздо худее меня. Носки с убитого на войне Хезельбарта, костюм, возможно, с самоубийцы Мораля — вот образчик одежды еврея в Третьем рейхе.

30 августа, суббота

Как благочестивая душа, я почти готов благодарить Бога даже за последнюю издевательскую меру Гитлера — я имею в виду последнюю по очередности, — а именно: сокращение времени, отведенного евреям на покупки; с тех пор как мне разрешено делать покупки только с трех до четырех (а по субботам с одиннадцати до двенадцати), я, хотя и бываю в этот час отвратительно загнан, все же выигрываю тем самым в большинстве случаев всю первую половину дня для «Curriculum». Но прелестная «Ойрицмюле», и кружка белого пшеничного пива по пути, и ежедневно новые полстраницы «Curriculum», и случайная минута надежды — все это слишком ничтожно перед все усиливающимся гнетом рабства и нищетой буден.

Два небольших листочка от Зусмана. Он описывает, как целый день корчует пни и валит деревья. Его зять купил небольшой летний домик под Стокгольмом, с участком, заросшим лесом; этот лес надо известить и превратить в пахотную землю. Лотта Зусман работает врачом в Швейцарии, в том самом сумасшедшем доме, где довольно долгое время сама была почти безнадежной пациенткой; туберкулезная Кети вылечилась и получила почетную должность у портних — во время примерки она закалывает булавки. Она приглашает отца, уверяет, что ее заработка хватит на двоих, — кажется, речь идет о Нью-Йорке. Георг, видимо, прервал все связи с Европой, Зусман тоже не получал от него никаких прямых вестей с января, Бетти Клемперер якобы писала Энни Клемперер, что он поправился после операции и чувствует себя лучше, чем когда-либо. О Марте ни слова. Я более безнадежно изолирован, чем все остальные обитатели «еврейского дома» и члены еврейской общины: у каждого есть какая-то опора, какая-то связь, какая-то надежда за границей, а мы одиноки, абсолютно одиноки.

Каждый день до нас доходят слухи о новых издевательских притеснениях, и до сих пор большая часть этих слухов оказывалась правдой. Теперь утверждают следующее: будто бы предусмотрено ввести обязательные желтые нагрудные нашивки, чтобы можно было опознать еврея (на заводах такие нашивки уже введены); далее, предполагается конфискация у евреев швейных и пишущих машинок. Но все время просачивается и другой слух, и очень многое убеждает в его вероятности: будто бы попытка десанта в Англию отбита и потоплено немецкое транспортное судно с большим контингентом солдат на борту. Несмотря на все налоги, я пока еще не испытываю особой нужды в деньгах: из резервов, хранящихся у Аннемари Кёлер, до сих пор взято совсем немного, лишь на вынужденный переезд. Но я ношу теперь старомодные узкие черные брюки от костюма, сшитого еще в 1922 году, мои войлочные туфли находятся при последнем издыхании, а с носками дело обстоит совсем плохо — несколько пар дала фрау Фосс из наследия своего усопшего, но за это она пользуется «арийской» одеждой и промтоварной карточкой, которую Еве наконец-то удалось выбрать, а что

касается моего одеяния, то невозможно даже представить, как я буду обходиться впредь. Но мы уже четко приучили себя не думать о завтрашнем дне. Мы сохраним хладнокровие и тогда, когда в «еврейском доме» все снова и снова предрекают, что в случае германского поражения нас всех непременно прикончат.

5 октября, суббота

Политический разговор с кёльнским директором школы Фоссом (сегодня уехавшим) обычно протекал так: я считаю необходимым, чтобы Германия вновь начала с малого и сперва прочно усвоила азы морали, культуры и гуманности. Он, хотя и ненавидит режим, подобно мне, верит, что тот падет в результате внутренних процессов, после выигранной войны; победу в этой войне он считает необходимой, потому что в противном случае Германия будет разрушена навсегда. (Тут играет роль и его давняя неприязнь к Англии со временем оккупации Рейнской области.) Найдутся миллионы думающих так же, как он, и это поддерживает Гитлера, только это.

14 октября, понедельник

Предложение Райхенбаха (адвоката из еврейской «Экономической помощи», с которым я несколько ближе познакомился у фрау Брайт) написать в Чили относительно рабочего места для меня стоило мне целого дня. Я никогда не получу этого места, мы оба не хотим его, и однако, я чувствую себя обязанным сделать все, что от меня зависит. Это все состояло в том, что я должен был написать автобиографию по-испански. При отсутствии достаточных знаний и каких-либо пособий, кроме большого испанско-немецкого словаря Тольхаузена, это оказалось настоящей мукой. В дополнение пришлось еще сходить сфотографироваться. Я все время говорю себе: либо я переживу эту войну, тогда мне не надо будет уезжать, либо я ее не переживу, тогда мне тем более не надо будет уезжать, а во время войны я все равно выехать не смогу. Тогда к чему эта мука? Но, с другой стороны, не есть ли это все же самовнушение, когда я вдалбливаю себе в голову: Гитлер эту партию проиграет?

Я никак не могу разделаться с «Curriculum», я не закончил свой «XVIII», и я все время делаю выписки для «Языка tertii imperii», для книги, которую я никогда не напишу. Меня день и ночь (буквально) преследуют мысли о смерти и собственной ничтожности, и я так всем этим поглощен, что практически растерял все свои языковые знания и навыки, буквально все. Только исход покажет, можно ли было считать, что я вел себя безответственно, пассивно и бессовестно или же, наоборот, проявлял упорство и самосознание или до этого просто никому не будет дела, и даже мне самому станет не так уж важно, как я провел не лучшие годы своей жизни. Последнее предположение имеет 99 процентов вероятности.

9-го я осознал не только свой возраст, но и свое ужающее одиночество. Формальные холодные строчки от Аннемари Кёлер, которая уже не приходит к нам по меньшей мере полтора года. Йоханнес Кёлер, фройляйн Карло, мои бывшие коллеги — где они? «Если все тебе неверны», хорошо бы научиться верить в «доброго Боженьку». Георг загадочно молчит с апреля 1939-го,

Грета психически нездорова. Только Зусман написал милое письмо. Он желает мне «свободы».

21 октября

Износ превосходной степени и всяческих преувеличений: Лондон каждый день подвергается все большему разрушению, лондонцы каждый день все больше времени проводят в бомбоубежище. Но нельзя же сидеть в бомбоубежище больше двадцати четырех часов в сутки; город не может быть разрушен больше, чем полностью. Три дня назад была «величайшая бомбардировка в мировой истории», два дня назад — «Варфоломеевская ночь Лондона». Теперь обратимся к слову «беспрерывный»: «беспрерывные атаки возмездия» фигурируют в сводках *secundo loco*¹³, успехи подлодок снова выдвигаются на первое место. Между тем англичане каждый день оказываются над Германией, каждый второй или третий день — над Берлином. Вчера — в половине одиннадцатого — у нас здесь была уже третья воздушная тревога, раздались несколько зал-

¹³ На втором месте (лат.).

пов зенитной артиллерией, но прежде чем мы отыскали бомбоубежище, прозвучал отбой. До Дрездена Англии (пока еще) нет дела.

Новые ограничительные мероприятия для иудеев: запрещено пользоваться не только публичными библиотеками, но и частными абонементами, выдающими книги на дом. Со времени запрета пользования публичными библиотеками прошло два года. Почему, собственно, они прибегают к таким мерам? Думаю, от страха, они хотят пресечь всякое соприкосновение народа с критически настроенными умами. Отныне Ева, арийка, должна будет ходить к Начеву за книгами.

26 декабря, четверг, ближе к вечеру

Рождество, по крайней мере канун — 24-е, прошло более сносно, чем мы опасались. Рождественская елочка за 60 пфеннигов из Лейбница (Евино любимое местечко), общительная фрау Фосс, более чем достаточное количество алкоголя; перед этим в вокзальном ресторане настоящий олений гуляш, без всяких мясных талонов (для меня вообще первые кусочки мяса за долгие месяцы). Посылка с неожиданными и невероятны-

ми сокровищами от Лисси Майерхоф: кофе, чай, какао. (На следующий день еще одна маленькая скромная посылочка от фрау Хезельбарт: пара пряников и яблок, два пакетика с перловкой и один с порошком для пудинга. Приложена открытка: «Рождественский привет с Киршберга», без подписи!) У Фогеля я получил без талонов фунт творога, у Яника¹⁴ выпросил по случаю еще немножко колбасы — и мы стали богачами. Я радуюсь также, что «Зайдель & Науман» еще до обеда забрали в ремонт мою пишущую машинку. «Все дело в машине для перевозки, не хватает бензина, с 1 января его будет еще меньше. Если случайно не получится 24-го, то тогда это вообще нереально — мы ничего не обещаем». К счастью, все получилось, и это было тем удачнее, что недавно молодой Крайдль, благонравный, но любящий прихвастинуть — «Я это умею!» — неумело пытался ее починить и окончательно вывел из строя. 24-е, следовательно, прошло сносно. Но 25-го настроение резко упало. Ева переутомилась по дороге в кабачок «Отдых в пути» — мороз ослабел, но выпало много снега и бы-

¹⁴ Мясник из Дольцшена.

ла жуткая гололедица, а дома мы постоянно мерзли и ничем не могли согреться — в результате она совсем расклеилась и обессилела. И сегодня, на коротком пути на кладбище возле Лёйбницкой церкви, силы также вдруг отказали ей. Со здоровьем Евы дело обстоит катастрофически. В сложившейся ситуации она долго не выдержит.

31 декабря, вторник, вторая половина дня

Резюме 1940-го, коротко: 24 мая нас насильственно переселили в «еврейский дом». У этого события была и хорошая сторона: Ева снова, после многих лет, научилась ходить пешком и даже рискует совершать довольно длительные пешеходные прогулки. Летом после крушения Франции все выглядело безнадежно. Затем постепенно мы вновь немного приободрились. Каждый день я понемногу работал над «Curriculum». Второй том доведен почти до 15 июля, до поступления в армию; ровно 175 печатных страниц того же формата, что и в моей истории литературы. Немного, но *rebus sic stantibus*, все-таки кое-что сделано. Год летних пеших прогулок.

Язык *tertii imperii*: в новогоднем приказе Гитлера войскам — вновь «победы непреходящего, неслыханного величия», вновь типично американский «суперлатив»¹⁵: «1941 год явит миру величайшую победу нашей истории».

¹⁵ Превосходная степень (грамматич. термин; лат.).

1941

12 февраля, среда после обеда

День смерти отца¹, и как раз в этот же день два года назад я начал писать «Curriculum». Вчера ночью окончил чтение материала к фронтовой главе, сегодня написал первую строчку.

Со вчерашнего дня погода предвесенняя. Я благодарен за каждую минуту прироста дня, за каждый дополнительный градус тепла, за каждый метр земли, по которой можно ходить (последнее – главным образом из-за Евы). Ева так сильно сдала, похудела, постарела – и при том, что мои физические силы слабеют, я люблю ее все более страстно, *d'amour*, как говорят

¹ Доктор Вильгельм Клемперер (1839–1912), раввин в Лансбергем Бромберге; с 1890 года проповедник еврейской реформированной общины в Берлине.

французы. Вчера, после долгого перерыва, первая, относительно далекая прогулка: южная возвышенность, «Домик сборщика податей», оттуда автобусом «Е» до «вокзальной жратвы». Сегодня мы хотим пойти в Локвиц.

Я полон надежд, хотя мне угрожает катастрофа. Донос из-за незатемненной комнаты. Это может стоить нам нескольких сотен марок штрафа, так что мне придется продать дом; а может, все обойдется уплатой 20 марок. Имеются прецеденты того и другого: один день я терзался, предполагая худшее, теперь немного успокоился.

Это был действительно несчастный случай, собственная промашка, как это может ненароком случиться с водителем автомобиля. Обычно мы оба чрезвычайно осторожны и пунктуальны в этом вопросе, часто, гуляя вечером, браним ярко освещенные окна, говорим, что полиция должна однажды принять решительные меры. И вот теперь мы сами допустили подобный грех. Так получилось, что в понедельник (10.2) совпало множество разных причин и обстоятельств, и все это вывело меня из обычного равновесия. Я при-

вык через день около половины пятого возвращаться с покупками. Распаковать сумки, притащить уголь, заглянуть в газету, затемнить окна, после чего можно идти ужинать. В понедельник, войдя в дом, я обнаружил у нас посетительницу — малосимпатичную фрау Эрнст Крайдль. Она жаждала утешения: оказывается, сегодня весь дом осматривали гестаповцы. Что это означает: новые жильцы? конфискация дома? (У нас тоже были распахнуты шкафы — сказали, что в доме слишком много табака! При этом они видели только пять пачек, еще четыре, предосторожности ради, лежат у фрау Фосс.) Тем временем стемнело. Затемнение решили немного отложить, сначала еда. В «Монополе» стали кормить так плохо, что Ева его отставила. Я пытался раздобыть замену на вокзале. Но и там ничего не было. Из-за этого я вернулся очень расстроенным и несколько рассеянным и сразу поспешил на кухню, чтобы приготовить чай. На фоне черного ночного неба, при включенном свете, трудно различить, закрыты ли ставни. Когда в девять позвонил полицейский, мы ничего не подозревали, подвели его к окну, чтобы он сам убедился, что все в порядке. Полицейский был вежлив,

даже сочувствовал нам, но он обязан подать рапорт, поскольку соседи видели свет и уже донесли. Я должен представить сведения о своем доходе и имуществе: после этого «полицай-президент» определит величину штрафа. До вчерашнего вечера я рассчитывал на самый худший вариант, но вчера фрау Фосс рассказала мне об одном случае, когда кто-то заплатил всего двенадцать марок. Правда, этот кто-то была арийка и вдова генерала, а у меня паспорт с буквой «J». Теперь приходится ждать, и мое настроение все время меняется.

20 февраля, воскресенье

С утра пятницы был расстроен и озабочен посланием из общины Дольцшен, в котором говорится, что в течение восьми дней я обязан продать машину. Я побывал в еврейской общине, им такое распоряжение неизвестно; в транспортной полиции на Заксенплац: «Это не в нашей компетенции»; два раза — в окружном управлении на Шисгассе, где в 1938 году отдавал свои водительские права. Мне сказали, что постановление о принудительной продаже действует уже в те-

чение года, показывать эту бумагу мне никто не обязан. С трудом, после многих отговорок, нашли сданный мной тогда технический паспорт автомобиля. С ним я, к счастью, обратился к здешнему представителю фирмы «Опель» на Прагерштрассе. Хорошо выглядящий, внушающий доверие мужчина, немного за сорок; выяснилось, что он племянник моего бывшего коллеги Баркхаузена (человек несильный, *gíá* демократ — теперь при должности). Думаю, его совет был хорош, но я слишком пал духом, чтобы предпринимать какие-нибудь дальнейшие шаги. Результат: автомобиль, к тому же отягощенный налоговым бременем, вряд ли найдет покупателя, который предложит за него больше, чем автомобильный старьевщик. У Баркхаузена есть друг, покупающий такие старые автомобили, человек якобы надежный и приличный, который не воспользуется моим бедственным положением и тем обстоятельством, что я неариец. Переговоры по телефону: торговец Майнке, Шандауэрштрассе, возьмет нашего «конягу» на материал для ремонта и запасные части за 170 марок. Завтра утром мы с ним вместе доедем в Дольцшен, и оттуда он его отбуксирует. Но сколь-

ко беготни, стояния и ожидания в приемных, столько неумеренной горечи содержится в этой записи, какой грабеж и какая невосполнимая утрата. Разве я смогу когда-нибудь снова приобрести машину? Все было еще дополнительно отравлено будоражащим, обращенным в прошлое разговором с Евой. Ее старые жалобы: что я не послушал ее и начал строиться слишком поздно, что это я уготовил ей «истерзавшие ее годы», что я не сообразил своевременно записать дом на ее имя и этим защитить нас. Меня мучительно ранят ее упреки. И все же наполовину я должен признать ее правоту. Строительство дома было противно моей натуре, воспитанию, давлению семьи, советам всего нашего окружения, я чувствовал себя для этого абсолютно непригодным. Возможно, все эти годы доставили мне ничуть не меньше страданий, чем Еве. Я всегда верил, что ставлю ее интересы выше своих и делаю для нее все, что в человеческих силах. Оказывается, она другого мнения. Дискуссии — увы! — ничему не помогают, они лишь делают Еву еще несчастнее, равно как и меня. Я часто говорю себе сейчас: к чему эти оскорблении и обиды из-за прошлого? Ведь конец так близок. Из-за

всего этого, а также из-за наших вечных утренних и послеполуденных походов и из-за огромного количества хозяйственных дел моя, уже перед тем застопорившаяся, глава из «Curriculum» полностью остановилась.

Следующий удар, которого мы ожидаем, — конфискация пишущей машинки. Имеется некий предохранительный ход: машинка должна считаться не моей, а одолженной мне каким-либо арийским владельцем. Обратились к фрау Пауль, весьма достопримечательной подруге фрау Фосс. Фрау Пауль была очень счастлива во втором браке с крупным коммерсантом-евреем. Сейчас у нее проходит в суде очень неприятный бракоразводный процесс с ее третьим мужем, учителем-арийцем. Она бы, конечно, охотно помогла, но боится из-за процесса. Все на свете боятся, что на них падет даже малейшее подозрение в симпатии к евреям, и этот страх, как мне кажется, все время возрастает.

Случайно подслушанные обрывки разговора во время еды в «Монополе». Девушка, уже год работающая в какой-то администрации в Польше и приехавшая сюда в отпуск, говорит своим подружкам: расстреливают

беспрерывно, в газеты это попадает редко. Затемнения не делают из-за постоянных уличных нападений. Еще одна девушка о какой-то другой: «Она была в слишком хороших отношениях с евреями».

Вчера Райхенбахи пришли к нам на чай. Он (62 года) дал мне пощупать рубец на своем черепе. Это след от удара деревянной дубинкой по голове, «когда мы вылезали из машин в Бухенвальде». Через некоторое время санитар дал ему грязный платок. Он провел там шесть недель. Туда битком набили десять тысяч человек. Никакого занятия. Условия для сна лагерные: деревянные нары без всякого одеяла помещены так тесно одни над другими, что сидеть на них невозможно, остается только лежать. Нехватка питьевой воды, полное отсутствие воды для умывания. Позднее появилась сельтерская, одна марка за бутылку. Людям приходилось собирать для питья дождевую воду. Никакой врачебной помощи. Некоторым необходимо было поставить катетер — этого не сделали.

14 марта, вечер

Из-за незатемненных окон 10.2 я долго опасался наложения на меня высокого штрафа. Так как ничего не происходило, я стал думать, что рапорт не был подан. Сегодня утром пришла повестка: в качестве наказания мне определили лишение свободы сроком на восемь дней; я обязан явиться в полицай-президиум в течение четырнадцати дней. Это решение наводит на меня ужас, на душе очень тяжело, и я панически боюсь оставить Еву одну. Однако я должен заставить себя сохранять спокойствие, хотя бы ради нее.

Я не так боюсь тесноты, грязи, плохой кормежки и т. д. в течение этих восьми дней, как предполагаемой незанятости и пустоты этих 192 часов.

27 мая, вторник

Сейчас я прорабатываю в первом чтении дневниковые записи: Вильно, ноябрь 1918-го. Сколько многое я упустил, как необыкновенно важны именно детали такой эпохи! Ради моего «Curriculum» я должен все записывать сейчас; должен, как бы это ни было опас-

но. В этом мое профессиональное мужество. Конечно, я подвергаю опасности многих людей. Но я ничем не могу им помочь.

14 июня, суббота

Позавчера, почти после трех месяцев молчания, мое ходатайство от 18.3, против всякого ожидания, было отклонено, и наказание остается прежним — содержание под арестом на полные восемь дней, которые я должен отбыть, начиная с 23.6. Чтение и писание карандашом вроде бы разрешены. Keep smiling² — я стараюсь.

22 июня, воскресенье после полудня

Самое худшее — ожидание моего заключения — почти закончилось. Завтра.

Сегодня сильнейшее отвлечение от моих тягостных обстоятельств. Россия. Утром пришел Крайдль-старший: «Начинается, мы идем на Россию! Фройляйн Людвиг (экономка доктора Фридхайма) слушала по радио речь Геббельса, „измена еврейско-

² Букв: держи улыбку (англ.).

большевистской России“». Я спустился к доктору Фридхайму, который одолжил мне, для моей отсидки, «Поэзию и правду»³, а также подарил в утешение пачку дорогого трубочного табака. Этот человек очень болтлив и тщеславен. Директор банка, гордится своими успехами, едва перешагнул шестидесятилетний рубеж. «На 90 процентов национал-социалист», но, как известно, 10 процентов дурной примеси все портят; антидемократ, монархист — тем не менее очень славный. Верит в крушение Гитлера. Между тем в соседней клинике зазвучало радио. Ева сумела расслышать: в половине первого будет повторение геббельсовской речи. Мы поехали в город, если у «Пшорра» его фирменную «овощную похлебку» и слушали радио, насколько это было возможно при всеобщем шуме. Речь была уже напечатана в экстренном выпуске; сгорбленная, полуслепая старая дама протянула нам газету с речью и сказала: «Наш фюрер! Всю эту ношу он должен был нести один, чтобы не обеспокоить свой народ!» Наш очень хороший, порядочный кельнер сказал: «Во вре-

³ Автобиографическое произведение И.-В. Гёте.

мя первой мировой войны я был пленным в Сибири». — «Что вы думаете теперь?» Уверенный ответ: «Эта война закончится быстрее». Каково настроение народа? Этот вопрос всегда мучит меня. Сколько многие думают так же, как старуха и кельнер? Сколько многие понимают, что это крах, начало конца? Сколько многие скажут: как теперь, после двухлетней паузы, перед нами снова вздигся этот еврейско-большевистский вал? В таком случае и заключенный три или четыре дня назад дружественный договор с Турцией может оказаться ненадежным?

Камера 89, 23 июня — 1 июля 1941 года

В июне пришел срок исполнения моего столь долго блуждавшего в неизвестности полицейского приговора: я-то уже стал надеяться, что срок скостят, что он уполовинится, как большая часть моих переживаний, но он настиг меня как нечто цельное и ужасное.

В первое мгновение я подумал: «Кино». Огромное прямоугольное пространство, ангар, зал; стеклянная крыша, шесть галерей со стеклянными перекрытиями, перила из стальных брусьев, между отдельными эта-

жами проволочные сетки, как в цирке, для того, чтобы поймать сорвавшегося с трапеции гимнаста; но за всей этой светлой прозрачностью однообразные ряды темных дверей без ручек, за которыми прячутся камеры. Я сидел на скамье, рядом со мной еще несколько человек в тюремной одежде; один шепнул мне что-то на непонятном мне языке. (Позднее я узнал, что среди здешних заключенных много поляков.) В центре зала располагалась отгороженная стойка с раздвижными окошками, находившийся там чиновник что-то усердно писал среди неумолкающих выкриков и оскорблений. Сверху отовсюду доносились громкие возгласы, по коридорам двигались, иногда бежали заключенные и надзиратели, они спускались и поднимались по лестницам, повсюду стоял невообразимый шум. Напротив меня оказалась дверь с надписью «Полицейский врач», рядом с этой дверью сидели три прилично выглядящие молодые женщины; за моей спиной было помещение, показавшееся мне чем-то вроде гардеробной. Все это я воспринял в первые же секунды, несколько оглушенный грохотом, с которым захлопнулись и были заперты мощные входные двери, и гулким разноголо-

сым шумом, хлынувшим на меня изнутри, но я не был по-настоящему испуган: у меня было ощущение, что я нахожусь здесь в качестве зрителя, а что касается наполнявшего помещение грубого шума, то он мало чем отличался от знакомого, не забытого мной шума казармы. Затем я стоял в гардеробной перед молодым полицейским. Требуется ли отвести меня в баню? Спасибо, не требуется. «Пожалуйста, развязите и снимите галстук, освободитесь от подтяжек! Да поживее! Пока вы снимаете галстук, я успею раздеться догола». Все это звучало не так уж свирепо, как может показаться, но достаточно резко, в форме категорического приказа. Только теперь я наконец осознал, что присутствую здесь вовсе не в роли зрителя кинофильма. «Но как же мне поддерживать брюки?» — «Руками. Потом в камере как-нибудь затянете. Ваш портфель! Ночную сорочку и зубную щетку можно взять с собой. Щетка для волос вам не положена. Очки и книги оставьте здесь!» — «Но мне было сказано...» — «Здесь решаем мы». — «Но...» — «Нужно написать заявление. Спросите у окошка». Человек у окошка, почти не глядя, сделал такое движение локтем, будто хотел меня оттолкнуть, и громко закри-

чал: «Убирайся!» Кто-то вложил мне в руку бумажный квиток, на котором значилось: «Камера 89», и сказал: «Три лестничных марша — вперед!» Наверху была открыта одна из темных дверей, я вошел, за мной два раза со скрежетом повернули ключ в замке и еще дополнительно заперли на тяжелый крюк. И я оказался в одиночестве, громкие голоса снаружи слились воедино, и их уже нельзя было разделить. Во мне еще раз возникло ощущение «кино» — и к этому добавились воспоминания о бесчисленных кинокадрах, комических и трагических, представляющих узника в его камере. Затем меня одолела печальная новизна всего этого; тривиальная мысль — все глубочайшие мысли и прозрения тривиальны, самое большое, кто-то один найдет для них более оригинальное выражение, чем другой, — ничего-то мы толком не знаем, кроме непосредственно пережитого нами самими. Сострадание — это такая жалкая, ненадежная штука. Я могу всячески терзаться, желая непременно сострадать, и мне это не удастся. Что было бы, Ева, если бы ты лежала больная, если бы я знал, что ты рядом на операционном столе! Я хотел бы разделить твоё страдание, а мои мыс-

ли, независимо от моей воли, уходили бы в сторону, я готов был бы сам избить себя за бесчувствие, но мои мысли отвлекались бы на что-то второстепенное, эгоистическое — в действительности, я не страдал бы вместе с тобой, я бы не сострадал. Как мог я прежде знать, что такое заключение, что такое камера? Только в ту секунду, когда захлопнулась дверь, когда набросили крюк, я это узнал с неописуемым мучительным страхом. В этот миг восемь дней превратились в 192 часа, в 192 пустых часа сидения в клетке. И с того момента чувство давящих часов уже не покидало меня, и именно это стало подлинной мукой этих дней.

Над столом на картонном листе был подвешен «Распорядок дня полицейской тюрьмы» — без очков я не мог его прочитать. Или, наверное, все-таки мог — листок можно было снять, поднести к глазам, куда мне торопиться; если такое положение продлится долго, тем лучше, глаза у меня переутомлены, в них началось неприятное мерцание, мелькают мушки — теперь я смогу дать глазам длительный отдых. Расшифровка распорядка дня должна занять у меня несколько часов, я двигался с картонкой туда и сюда, все время делая

перерывы, определяя место, где свет падает самым благоприятным образом, отводя после расшифровки каждого предложения время для его точного усвоения и в какой-то мере для его дальнейшего обдумывания. Первая фраза гласила: «Заключенным запрещено отдавать нацистское приветствие». Затем следовал распорядок дня. В шесть часов утра — побудка. Утренняя кормежка. В 11.30 — раздача обеда, в 17.30 — раздача ужина. На кровать можно ложиться только между девятнадцатью и шестью часами утра. Далее: во время прогулки и передвижения в тюремном дворе все разговоры запрещены. Утешительно: значит, я буду гулять и передвигаться под открытым небом — некоторая перемена обстановки и возможность глотнуть более чистого воздуха. Затем: ходатайства старшему тюремному инспектору следует подавать через надзирателей. Утешительно: я буду ходатайствовать, чтобы мне вернули очки и книгу, я ведь нахожусь под временным дисциплинарным арестом, а не в тюрьме, младшие чиновники были неверно информированы. Обе эти надежды впоследствии меня разочаровали, но некоторое время они сохранялись и помогли мне миновать на-

чальный этап заключения. На воздух меня не выводили в течение всех 192 часов, а составить ходатайство и передать его через надзирателя оказалось невозможно. «Надзиратели» — дважды или трижды сменявшиеся полицейские вахмистры, старые или молодые, ворчливые, грубые, равнодушные или почти вежливые, но при этом каждый всегда и в основном *надзиратель*. Ни один из них не был жестоким или тем более бесчеловечным, но любой стремился продемонстрировать неприступность и как можно меньше вступать в контакт с заключенным: никакой ценой не дать уговорить себя отступить от правил, не сделать что-то сверх того минимума, который ему предписано исполнять. Дверь открывается на узкую щель и тотчас снова захлопывается. Лишь несколько раз мне удалось успеть произнести: «Господин вахмистр!» — и тем привлечь его внимание. Ответы на мою просьбу были таковы. В первый раз: «Ходатайства подаются в письменном виде, спросите чиновника завтра утром, сегодня слишком поздно». Во второй раз: «День написания заявлений — понедельник». В третий раз: «Если внизу у вас все отобрали, я вам это вернуть не могу». В четвертый раз

(человек с очень добродушным и интеллигентным лицом): «Я подумаю». Через некоторое время он пришел вновь, протянул мне журнальный листок «Борьба за свободу» и спросил: «Будете это читать?» — «Я же не могу читать без очков, господин вахмистр». Тогда он забрал журнальчик обратно и запер дверь. В пятый раз (особенно ворчливый вахмистр): «Вместо того чтобы вымести камеру, вы высказываете желания; в тюрьме не положено высказывать желания». — «Но, господин вахмистр, я не в тюрьме, я лишь под временным арестом». — «Неважно, вы находитесь в тюрьме, здесь вам очки без надобности».

Я проснулся в гораздо более скверном настроении, чем накануне, и ощутил, как душа моя сжимается под невыносимым гнетом. Я не буду больше сопротивляться, передо мной — пустота, ничто. Я буду рад, если хотя бы удастся погрузиться в полную апатию и ни о чем не думать. Но затем, совершенно неожиданно, пришло утешение, поворот всей моей ситуации и настроения в лучшую сторону. Позади человека, принесшего лохань с кофе, стоял тюремщик с ключами, и это оказался тот самый чиновник, который сидел

внизу за окошком и недавно, в первый день, так бесцеремонно крикнул мне «Убирайся!», единственный, кто за это время обошелся со мной так грубо. «Вы хотите, чтобы вас побрили?» — спросил он меня. «Да, конечно», — ответил я, и уже одна только перспектива освободиться от выросшей у меня безобразной бороды была приятным сюрпризом. Но, удивительным образом, новый вахмистр не захлопнул за собой дверь, но пару секунд смотрел на меня задумчивым взглядом. «Вы ведь профессор... вы были профессором в Высшем техническом училище — по какой причине вы, собственно, здесь оказались?» — «Затемнение». — «Но как рассеянному профессору вам, верно, пришлось сначала пяток раз заплатить штраф?» — «Нет, ни единого раза, это была моя первая оплошность после полутора лет». — «Невозможно. — Пауза. — Ах, вот в чем дело, вы, наверное, неариец?» Он казался почти огорченным. Я интуитивно использовал подвернувшийся мне шанс: «Господин вахмистр, для профессора особенно чудовищное наказание томиться здесь без всякого дела. Я мучаюсь так уже четыре дня. У меня отобрали очки. Если бы я мог иметь хоть один-единственный

карандаш и листок бумаги». — «Вы должны здесь думать о своих грехах, — засмеялся он. Затем вытащил из кармана маленький карандашик и осмотрел его. — Я должен его еще заточить и раздобыть лист бумаги». И действительно, почти сразу он принес мне то и другое. И в тот же момент мой мир так сильно переменился, как тогда, когда за мной захлопнулась дверь тюрьмы. Снова все воспринималось не в таких мрачных тонах, можно даже сказать: все стало почти светлым. Вдруг я осознал, что сегодня — пятница и в полдень вся первая половина моей отсидки будет позади. Осталось всего четыре дня, и что уж в них такого ужасного теперь, когда я почти могу заняться привычным делом. Пару ключевых слов я сумел изобразить на бумаге даже без помощи очков, эти слова смогут многое удержать в памяти. И если мне больше ничего не придет в голову — есть же еще и замечательные игры лейпцигского периода моей жизни: образование новых слов из букв основного слова, игра в города. Все время до обеда я даже не брал в руки карандаша, я строил планы, одно сознание того, что у меня есть карандаш, переполняло меня. Конфликт совести, мучивший меня накануне,

стал восприниматься гораздо легче; в сущности, он совсем исчез; подумать только, через четыре дня мы снова будем вместе — сколь многое можно улучшить, смягчающие обстоятельства и просьбы о прощении тоже небесполезны, и, возможно, я все рисовал себе вчера в слишком черном свете. Даже и после обеда карандашик долгое время оставался невостребованым, бритье — это большое дело, способное наполнить жизнь. Радовало не только освобождение от раздражавшей меня колючей щетины, весь процесс был радостью и обогащением. Я должен был спуститься в нижний зал, в приемное отделение, где мне выдали из моего сданного портмоне пятнадцать пфеннигов на парикмахера; затем я должен был подняться на четвертый этаж, где на галерее работали сам мастер и его подмастерье. Я давно уже так много не ходил, я еще ни разу не имел возможности так подробно наблюдать жизнь тюрьмы. Мы, клиенты и заключенные (немногие в тюремной одежде, все — без подтяжек и воротничков, только я сохранил свой воротничок и упорно за него держался), стояли прислонившись к стене в проемах между камерами, с интервалом между нами

в два метра; разговаривать друг с другом было запрещено, подходить к перилам было запрещено, но можно было следить за непрерывным движением внутри тюрьмы, большинство взглядов привлекал при этом самый верхний женский этаж с могучими надзирательницами, можно было также разглядывать соседей справа и слева (я не обнаружил ни одного типа, похожего на преступника, судя по всему, я оказался не в худшем обществе); все это было отвлечение от тюремных будней, все это была жизнь. Я охотно постоял бы подольше в той очереди. Снова, как в первый день, возникла мысль: «Кино». Но теперь мне вспомнилась теория Аддисона⁴: особое наслаждение, получаемое от драмы, состоит в том, что зритель переживает все представляемые ужасы и при этом знает, что сам находится в безопасности. Я отвергал это прежде как

⁴ Джозеф Аддисон (1672–1719), английский государственный деятель и писатель, его сочинение о силе воображения значительно повлияло на формирование эстетики немецкого философа Иммануила Канта.

комически-плоскую недооценку катарсиса⁵, суть которого в действительном, идентифицирующем себя с происходящим на сцене сопереживании зрителя; теперь же я обнаружил, что Аддисон был не так уж не прав. Лишь с приближением вечера я вытащил свой карандашик — моя первая запись, более патетическая и длинная, чем все последующие, гласила: на моем карандашике я выбираюсь из ада последних четырех дней обратно на землю. После этого я ограничивался отдельными словами. Подаренного вахмистром белого листа хватило только на пятницу. Затем я оторвал кусок от имевшегося в камере рулона туалетной бумаги: бумага была тонкая, желтая, она вбирала в себя карандаш до полной неразборчивости написанного (по крайней мере временной). Это сильно уменьшало приятность моего времяпрепровождения. Но, вне зависимости от этого, я вскоре сам не был так уж уверен,

⁵ Термин, введенный Аристотелем в его учение о трагедии. Катарсис (очищение; греч.) — это благостное потрясение, душевная разрядка, испытываемая зрителем в процессе сопереживания героям трагедии.

что карандаш действительно заставляет мое время бежать быстрее и приближает меня к окончанию срока. И даже сегодня, оглядываясь назад, я не могу сказать с полной определенностью, миновала ли вторая половина моего заключения быстрее, чем первая. Конечно, в пятницу и еще несколько часов в субботу сохранялось приятное чувство, что половина пути уже позади. Я делал заметки, как можно более точные и краткие, постоянно вел тщательный поиск самых выразительных и емких ключевых слов, прежде чем пустить в дело свой драгоценный карандашный огрызок, так как не было уверенности, что кто-либо из надзирателей согласится подточить его затупившийся кончик, более того, эту запретную письменную принадлежность могли запросто отобрать. Я записывал содержание прошедших дней, ибо уже сейчас не в состоянии за все отчитаться и все припомнить, многое уже стерлось, ушло в небытие; нерасчлененная, однообразная, мучительная вечность простирается за моей спиной.

27 июля, воскресенье

Продвижение в России, кажется, приостановилось; все знают или судачат о тяжелых потерях с немецкой стороны, официальная сводка вермахта (LTI) экономит слова и ни в коей мере не триумфальна.

Новые предписания касательно эмиграции в США⁶. Наш аффидевит⁷ (дважды нами поданный!) теперь не имеет значения — новые правила означают фактическую невозможность выехать из Германии в сколько-нибудь обозримый срок. Так нам и надо. Теперь бесконечным колебаниям пришел конец. Судьба решит нашу участь, нам остается лишь покориться. Во время войны мы уже не сможем выехать; после войны нам это уже не понадобится, все равно будем ли мы живы или мертвые.

⁶ За постоянными ограничениями возможностей эмиграции для евреев 23 августа 1941 года последовал приказ имперского управления службы безопасности, гласивший: «Рейхсфюрер и шеф немецкой полиции приказывают, чтобы эмиграция евреев после немедленного введения этого приказа в действие была приостановлена».

⁷ В ангlosаксонском праве — письменное показание под присягой (англ.).

Обнародование постановления о конфискации пишущих машинок. Кажется, это в первую очередь касается предприятий, а не частных лиц. Но что касается частных лиц — евреев... Тут будет так же, как с нашим блаженной памяти автомобилем. Кто-то увидит ее у меня — и на следующий день ее отберут. Если так случится, это будет означать тяжелую потерю. Кто сможет разобрать мой почерк?

15 августа, пятница

Уже несколько недель ситуация не меняется. Согласно официальным военным сводкам, на Востоке невероятные успехи, миллион захваченных в плен etc., выигранная битва под Смоленском, теперь Украина, Одесса — полное уничтожение русских. Но, согласно тому, что слышишь из других источников, от евреев, а также и от арийцев (к примеру, зубной врач Айхлер), положение Германии достаточно сомнительно и окончательная победа над Россией до наступления зимы практически невозможна. Кто прав? Я со своей стороны принуждаю себя не питать слишком уж больших надежд. Возможно, в этом виновато главным образом

мое крайне неудовлетворительное самочувствие. Усталость и сердечные приступы. И мои старческие недуги, неприятности с мочевым пузырем. И денежные заботы. Медленно-медленно занимаюсь правкой, больше не делаю ничего.

22 августа, пятница

LTI: «блицкриг», «битва на уничтожение» — суперлативные слова; просто «война», «битва» — уже не производят достаточного впечатления. Вдобавок мания величия больших чисел.

Фрау Пауль, чей второй или третий муж был евреем и которая сейчас в разводе с третьим или четвертым мужем, рассказывает в отчаянии, что у ее матери, которой восемьдесят девять лет, появились признаки старческого слабоумия. «Я же не могу отдать ее ни в какую больницу, они ее попросту убьют». Повсюду говорят об убийствах душевнобольных в лечебных учреждениях.

2 сентября, вторник, первая половина дня

Наше собственное положение весьма безутешно: абсолютно необходимые нам дотации до нижней гра-

ницы дохода будут выдаваться только до 1 сентября. А что будет дальше? С этой заботой я живу постоянно, день заднем. Еда в ресторанах становится все более скучной и дорогой; затевать готовку дома едва ли возможно чаще, чем раз или два в неделю. Пытаюсь подавить охватывающий меня страх. Настроение — как мое, так и общее, в «еврейском доме» — меняется ежедневно, чуть ли не ежечасно. Англия оккупировала Иран: хорошо. Турция встанет на сторону Германии? Плохо. Ведется подсчет: сколько людей, здороваясь в магазине, говорят: «Хайль Гитлер» и сколько «Добрый день». Желательно, чтобы «Добрый день» преобладал. У булочника Шайслера пять женщин сказали «Добрый день» и только две — «Хайль Гитлер». Хорошо. У Эльснера все сказали «Хайль Гитлер». Плохо. Вчера Кетхен

Сара⁸ пришла счастливая. Одна из медсестер НСБ⁹ сказала ей на трамвайной остановке: «Русские взорвали гидростанцию на Днепре, и вся Украина оказалась под водой, тысячи немцев утонули. Этого не пишут в газетах, там сообщают только о русских пленных... Я знаю настроения, я бываю у разных людей. До свидания, сударыня». «До свидания», а не «Хайль Гитлер», хотя она сестра НСБ! Хорошо. Но затем приходит газета: прорыв «на Ленинградском направлении». Плохо. И т. д. и т. д.

⁸ Фрау Фосс, соседка Клемпереров по квартире в «еврейском доме» на Каспар-Давид-Фридрихштрассе, 156.

⁹ «Национал-социалистическая благотворительность». На основании идеологии национал-социализма, «только достойные в политическом, расовом и генетическом отношении» могли рассчитывать на социальную помощь и медицинский уход на дому. Благодаря работе НСБ такие традиционные благотворительные организации, как Красный Крест, «Каритас», «Внутренняя миссия», постепенно теряли свою самостоятельность.

15 сентября, понедельник

Слухи о еврейской нашивке со звездой Давида оказались правдивыми, постановление об этом вступает в силу 19.9. К этому добавляется запрет покидать черту города. Фрау Крайдль-старшая рыдала, у фрау Фосс был сердечный приступ. Фридхайм сказал, что это самый чувствительный удар за все предшествующее время, даже хуже, чем налог на имущество. Я сам чувствую себя разбитым и никак не могу сохранять самообладание. Ева, теперь она снова ходит хорошо, хочет освободить меня от всех покупок, я буду выходить из дома только в темноте и на пару минут. (А если сильный снег или гололедица? Возможно, к тому времени публика привыкнет и перестанет обращать внимание, или *che so io?*) Газета обосновывает: после того как войска узнали жестокость и т. д. еврея на примере большевизма, необходимо лишить здешнего еврея какой-либо возможности маскироваться, дабы избавить соотечественника от всякого с ним соприкосновения. Истинная причина: страх перед европейской критикой, поскольку дела на Востоке обстоят не лучшим

образом и по меньшей мере буксуют. И верховенство сторонников террора, Гиммлера, потому что дела на Востоке обстоят плохо.

18 сентября, четверг вечером

«Еврейскую звезду» — величиной с ладонь, образованную двумя черными пересекающимися треугольниками на желтой ткани, внутри буквами, стилизованными под древнееврейский, слово «еврей» — следует носить на левой стороне груди; нам вручили ее вчера за 10 пфеннигов; с завтрашнего дня, с 19.9, мы обязаны пришить ее на одежду и носить повсюду. На автобусе нам отныне ездить запрещено, на трамвае — можно только стоять на передней площадке. Ева, по крайней мере пока, возьмет на себя все покупки; я хочу выходить только под покровом темноты, чтобы хоть немного глотнуть свежего воздуха.

Сегодня — наше последнее совместное пребывание вне дома при свете дня. Сначала поиски сигарет, затем трамваем (сидячие места!) в Лошвиц через висячий мост, оттуда по правому берегу вниз, все время вдоль

реки, по направлению к городу до «Вальдшлёсхен»¹⁰. По этой дороге, в течение двадцати одного года нашей жизни здесь, мы не ходили ни разу. Эльба в этом месте очень полноводная, широкая, спокойно и мощно стремит она свои воды, над ней много туманных испарений, за высокими каменными оградами парки и сады с падающими осенними листьями и множеством неотцветших цветов. Лопаясь, упал к нашим ногам первый каштан. Это был как бы наш последний выход, наш последний глоток свободы перед долгим (кто знает, насколько долгим) пленом. То же чувство, как тогда, когда мы в последний раз зашли поесть в «Лёвенброй» на Морицштрассе.

Если один житель нашего дома приходит к другому, он звонит три раза. Так установлено, чтобы никто не пугался. Один или два раза может звонить полиция.

¹⁰ Пивоваренный завод «Вальдшлёсхен» (букв.: «Маленький лесной замок», нем.), памятник архитектуры середины XIX века, одно из первых нарядных промышленных зданий Дрездена, построенных в стиле классицизма.

20 сентября, суббота

Вчера, когда Ева пришивала мне на одежду «еврейскую звезду», меня охватило отчаянье. Ева тоже держалась с трудом. Она очень бледна, щеки впали. (Позавчера, после нескольких лет перерыва мы решили наконец взвеситься. Ева в легком платье весит 56 килограммов, то есть на три килограмма меньше, чем зимой 1917 года, когда ели одну брюкву, — ее оптимальный вес был всегда 70 килограммов. Я все еще вешу 67 килограммов — раньше было 75.) Я сказал себе, что должен вести себя, как после автомобильной аварии: сразу же снова за руль! Вчера после ужина, дождавшись полной темноты, я вышел с Евой, и мы прошли несколько шагов. Сегодня около полудня я взял и отправился к лавочнику Эльснеру на Вазаплац, откуда принес бутылку сельтерской. Это стоило мне больших усилий. Между тем Ева теперь постоянно в бегах, она делает все закупки и вдобавок стряпает. Вся наша жизнь перевернулась, и все теперь лежит на Еве. Как долго смогут это выдерживать ее ноги? Ева была у фрау Кронхайм. Та ездила вчера на трамвае — на

передней площадке. Водитель спросил, почему она не проходит в вагон и не садится. Фрау Кронхайм — низенькая, тощая, сгорбленная, совершенно седая — ответила, что это ей запрещено как еврейке. Водитель стукнул кулаком по распределительному устройству: «Какая низость!» Слабое утешение.

9 октября, четверг, ближе к вечеру

60 лет. Vieillard¹¹. Я никогда всерьез не верил, что доживу до этого дня, с тех пор как Бертолльд и Валли умерли в 59. Я проживаю этот день в очень скверном настроении. В нормальные времена меня бы сегодня чествовали, состоялся бы юбилей, мне оказали бы всякие почести, теперь я ношу «звезду Давида». И как раз сегодня в газете сплошные триумфальные крики: прорыв на Центральном фронте к Москве, как утверждает газета, есть действительное и полное уничтожение советской России.

¹¹Старик (франц.).

13 октября

Сапожник, занимающийся мелким ремонтом, на Габсбургер... нет, на Планетташтрассе: «Пожалуйста, пусть отныне приходит ваша супруга. Начальство строго запрещает, чтобы мы на вас работали, — вы должны обращаться к сапожнику-еврею. Но вы ведь мой старый клиент...»

Холодают руки, так было у меня уже прошлой зимой, но сейчас это возобновилось в гораздо более мучительной форме.

25 октября, суббота

Все более потрясающие сведения об отправке евреев в Польшу. Они должны туда уезжать буквально без ничего, голые и босые. Тысячи вывозятся из Берлина в Лодзь («Лицманштадт»).

Дойдет ли очередь до Дрездена и когда именно? Мы постоянно находимся под угрозой. Несмотря на то что в России уже началась зима, там продолжается немецкое наступление.

Самая новая версия: после окончательной победы над Советами, примерно весной, у нас произойдет военный переворот, переворот правых сил; новое правительство сумеет заключить хороший компромиссный мир с Англией. Я не могу в это поверить, это мало правдоподобно, как с немецкой, так и с английской стороны. (С немецкой стороны: из-за коммунистов, с английской стороны: какова гарантия против сильной и авторитарно управляемой Германии?) Один из тех, кто придерживается того же мнения — оно соответствует его искреннему желанию, — это вновь оказавшийся внутри страны деверь Кетхен, рейнский католический обер-штудиендиректор в отставке Людвиг Фосс. Он ненавидит Гитлера, но так же сильно ненавидит и англичан. «Они хлыстом сгоняли нас в 1919-м с тротуара. Оказаться в кабале у Черчилля, возможно, еще хуже, чем пресмыкаться перед Гитлером». Однако и господина Людвига Фосса нельзя считать вполне безупречным. Он с великой радостью составил свою родословную — свидетельство о чисто арийском происхож-

дении («Арийский паспорт»¹². LTI). Я постоянно задаю себе вопрос: кто из «арийских» немцев действительно ничуть не затронут идеологией национал-социализма? Эта зараза сидит во всех; впрочем, возможно, это вовсе не зараза, а истинная немецкая натура.

27 октября, понедельник

Самые новые удары: карточки на табачные изделия, только для мужчин, но не для евреев. Этим нас совсем прижали к ногтю. По Еве это ударяет дажельнее, чем по мне. Я уже несколько недель привык делать курево из ежевичного чая, выкуриТЬ сигарку для меня было редким исключением. Ева же до сих пор все еще набивает свои сигареты наполовину табаком и лишь наполовину — ежевичным чаем. Даже последние пачки трубочного табака я отдал ей. Затем вчера, в воскре-

¹² Так называемый «Аненпасс» (Ahnen — предки; Pass — паспорт, нем.). Документ, удостоверяющий чистоту арийского происхождения, который каждый немец обязан был иметь при себе. Целью этой акции было выявление лиц, среди предков которых имелись евреи. Была широко распространена практика нелегальной торговли поддельными удостоверениями.

сенье, как раз после того, как Ева меня подстригла, пришло официальное письмо из еврейской общины: пишущие машинки необходимо сдать в понедельник или в четверг. Взволнованные дебаты у нас в доме, насколько машинку можно считать собственностью Евы, вправе ли она иметь личные, только ей принадлежащие вещи, предусматривал ли наш брак раздельное или общее владение имуществом.

31 октября, пятница

Пишущую машинку забрали уже во вторник. Это для меня тяжелейшая, невосполнимая потеря, ее едва ли можно будет чем-либо заменить. Я собираюсь теперь закончить второй том «Curriculum» от руки, en brouillon¹³, — возможно, мне удастся это сделать к Новому году; возможно, к 12 февраля 1942 года (12.2.1939 я начал эту работу), — а затем попробую взять у кого-нибудь машинку взаймы. Меня задело также, что Ева вновь не поверила в мои деловые способности и сама еще раз пошла в общину, чтобы заявить претен-

¹³ Вчерне, в виде наброска (франц.).

зию на машинку как на свою личную и, следовательно, арийскую собственность.

1 ноября

Позавчера ко мне впервые пристали на улице. На Хемницерплац команда пимпфов из «юнгфолька»¹⁴ подняла крик: «Еврей, еврей!» Они бежали за мной и вопили до дверей молочного магазина, в который я вошел; изнутри я слышал их крики и смех. Когда я вышел, они уже стояли строем плечом к плечу. Я спокойно посмотрел в лицо их вожатого, не было произнесено ни слова. Когда я прошел мимо, за моей спиной два или три голоса, не очень громко, вновь выкрикнули: «Еврей!» Несколько часов спустя я был у садовника Ланге — я беру у него песок для Мушеля; типичный пожилой рабочий. «Послушай, камрад, ты знаешь Хершмана? Нет? Он тоже еврей, он — садовник, как и я, — я только хотел тебе сказать: не вешай уж так голову

¹⁴ Младшая возрастная группа Гитлерюгенда (от 10 до 14 лет), молодежной организации в нацистской Германии. Пимпфы — члены «юнгфолька».

из-за этой звезды, все мы люди, я знаю столько хороших евреев». Подобные утешения звучат не слишком радостно. Каков же он в самом деле — истинный vox populi?

Сегодня срочная, категоричная по тону открытка от Зусмана: должно быть, он прочел нечто тревожное об отправке эшелонов; я должен снова немедленно добиваться положительного ответа в посольстве США, он сам будет действовать, чтобы я мог получить право на временное пребывание в Швеции, «если все формальности для США будут выполнены». Я тотчас написал ответ, что теперь все усилия напрасны и все пути отрезаны. Мы действительно слышали из очень многих источников, что теперь с немецкой стороны поставлен глухой барьер, ибо существует приказ об абсолютном запрещении всякой эмиграции. Помимо того, пройдет немало времени, прежде чем удастся выполнить новые условия и требования американского посольства. Нет уж, видно, нам придется остаться здесь и положиться на судьбу.

24 ноября, понедельник вечером

Фрау Райхенбах рассказала — Райхенбахи были вчера в гостях у нас и у Кетхен, — что один господин вдруг поздоровался с ней у входа в магазин. «Вы не ошиблись? — спросила она. — Разве мы знакомы?» — «Нет, я вас не знаю, но теперь с вами будут здороваться чаще. Мы — группа, которая приветствует звезду Давида».

28 ноября, пятница

Лисси Майерхоф неожиданно включена в число тех людей, которые подлежат эвакуации. Мебель ее конфискована для продажи с аукциона. Отъезд (в Польшу или в Россию) был назначен на 27 ноября, но в последний момент отложен, говорят, что перенесен на январь.

Никто ничего не знает точно: кого это касается, когда и куда их повезут. Ежедневно приходят известия из самых разных городов. Отправляются огромные эшелоны, затем делаются перерывы, затем вновь отправки; берут ли шестидесятилетних, не берут шестидесятилетних — впечатление такое, что во всем царит про-

извол. Мюнхен, Берлин, Ганновер, Рейнская область... Армии так необходимы поезда, но армия освобождает поезда... Все колеблется, все меняется день ото дня. Люди в любой день могут ждать приказа об отъезде. Сегодня спешный запрос из Имперского армейского союза: сообщить, кто имеет военные награды. Должно ли это помочь в освобождении от вывоза?

Я должен посетить «вещевой склад» еврейской общины, мне, согласно моему ходатайству, выделены «три пары бывших в употреблении носков».

Ева тратит полдня на обход рынка и магазинов. Нужны всякие продукты, не хватает картошки. Кроме того, в продаже вообще нет кастрюль (нигде не достать), огнеупорных баков для кипячения белья, хромированных ножей, фаянсовых кофейников, глубоких тарелок. Крайний дефицит туалетной бумаги.

Обеспокоенность заграницы в связи с депортациями, должно быть, очень велика. Лисси Майерхоф и Карола Штерн, без всяких просьб с их стороны, получили телеграфом от родственников из США кубинские визы и оплаченные проездные документы, но это им не поможет: немецкая сторона не выдает зарубежных пас-

портов. (Другое сообщение: их выдают только людям старше шестидесяти лет. Все — неопределенно, все ежедневно меняется.) Смотри также открытку, присланную мне Зусманом. Мы снова все взвешиваем. Результат тот же: мы остаемся. Если мы уедем, мы спасем наши жизни, но будем до конца своих дней зависимыми и нищими. Если мы останемся, наша жизнь будет под угрозой, но мы сохраним шанс на достойное существование после всего, если, конечно, выживем. При всем том утешение: отъезд все равно невозможен и от нас тут ничего не зависит. Все решит судьба, можно, не подозревая об этом, самому ринуться навстречу собственной погибели. Если бы мы, например, весной переехали жить в Берлин, я был бы уже сегодня, вероятно, где-нибудь в Польше.

4 декабря, четверг утром

Нужно срочно убрать из дома дневник. Вчера Пауль Крайдль принес известие о том, что на подходе циркулярное письмо: предстоит инвентарная опись домашней утвари. Это означает конфискацию; возможно, и депортацию. Сразу же после подачи инвентарной

декларации можно ожидать объявленного «домашнего обыска». Следовательно, Еве придется переправить мои дневники и рукописи к Аннемари. Пожалуй, в связи с этим дневниковые записи придется на время прекратить.

12 декабря, пятница, первая половина дня

Вчера, 11.12.1941, Германия объявила войну США. Мы узнали об этом только сегодня утром (в подвале для угля, от фрау Людвиг, арийско-католической экономки д-ра Фридхайма). Именно это мы вчера и предполагали, поскольку Гитлер созвал рейхстаг «для заслушивания правительственного заявления» и поскольку в вечерней газете сообщалось о взаимосвязанных арестах немцев в США и американцев в Германии.

31 декабря, среда

Резюме года. Работа: закончена вчерне военная часть «Curriculi» – от учения в школе Альфонса до конца войны, половина только в рукописи, кусок, который я написал во время пребывания в тюрьме. Весь год провел как в заключении: были невозможны летние прогулки

даже средней продолжительности; наше положение делалось все более стесненным и опасным. 3000 марок — подарок Георга — большей частью пропали зря (200 марок — долговые взносы в рассрочку, 1400 марок оказались под арестом — как счет подавшего бумаги на эмиграцию; из этих 1400 марок по меньшей мере 600 вычли в виде налогов).

Удар, случившийся с сестрой, был для меня тяжелее, чем даже неделя, проведенная летом в тюрьме; с 19.9.1941 — обязательное ношение нашивки со звездой Давида. С тех пор я в полной изоляции, Ева делает все покупки, нередко обедает одна в городе, каждый вечер стряпает для нас обоих. На мою долю остается много работы внутри дома: мытье посуды, чистка кастрюль и т. п. Доступны также ограниченные, минимальные пути хождения за покупками, только в районе Хемницерплац. И многочасовое сидение дома. Однако за последний месяц произошел заметный перелом в положении на фронтах и, в связи с этим, возросли надежды.

Поскольку это был доселе наш самый ужасный год — ужасный по причине наших собственных реальных

переживаний, но еще ужаснее из-за постоянно висящей над нами угрозы, а всего ужаснее из-за того, что мы видели, как страдают и гибнут другие (депортации, убийства); поскольку под конец этот год все же принес нам радостную надежду, — я цитировал достаточно часто: *nil unultum remanebit*¹⁵. А напоследок добавлял, в качестве *adhortatio*¹⁶: наступают последние тяжелые пять минут, выше нос и не хныкать!

¹⁵ Здесь: ничто не останется безнаказанным (лат.).

¹⁶ Ободрение (лат.).

1942

12 января, понедельник

(Новейшая разновидность «абонементного почтового ящика», enveloppe¹ для книги: В. Гюго «Лирика».)

Я испытал такой шок, что только сегодня вновь обрел способность писать; до того я лишь пытался вернуть себе равновесие работой над «Curriculum».

В четверг, в четыре часа пополудни, я возвращался после покупок на Хемницерплац и ехал на передней площадке шестнадцатого трамвая. У Окружного суда, как всегда, толкотня, входит много пассажиров.

¹Здесь: футляр (франц.). Речь идет о специальном футляре, в который вкладывается книга и на котором напечатано ее название. В книге «Лирика» В. Гюго, вложенной в такой футляр, Клемперер хранил новые страницы дневника, пока его жена не переправит их в безопасное место в Пирне.

Где-то, немного не доехая до вокзала, ко мне оборачивается молодой человек, красивое лицо с тонкими чертами, холодные серые глаза; тихонько говорит мне: «На следующей остановке выйдите!» Я совершенно механически, поскольку пересаживаюсь там на другой трамвай, отвечаю: «Конечно». Только во время выхода я замечаю некоторую странность. Я стою на остановке и жду четырнадцатого трамвая. Он становится возле меня и начинает задавать мне вопросы: «Откуда вы едете? Какова цель вашей поездки? Вы пойдете со мной!» Сначала мне даже в голову не пришло спросить у него удостоверение. После того как мы пошли, он говорит: «Государственная полиция. Хотите взглянуть на мое удостоверение?» Я отвечаю: «Не здесь». Напротив вокзала, со стороны Хоештрассе, там, где я раньше обычно парковался, между двумя отелями, — большое административное здание. Это, значит, и есть дом гестапо, о котором рассказывают такие невероятные ужасы. Мой «собаколов» обращается к товарищу, идущему нам навстречу: «Этот тип шаркает себе в трамвае в самые часы пик; хочу его немного пощупать». Обращаясь ко мне, совсем не повышая голоса:

«Вы подождете здесь, у входа». Я стоял там несколько минут, страдая от одышки. С одной мыслью: «Когда я отсюда выйду?» Кто-то проходивший мимо заорал на меня: «Кругом! Кругом!» (Об этом: «Лицом к стене!» — я уже слышал.) Через некоторое время появился мой «собачник» и кивнул мне, чтобы я поднялся по лестнице. Наверху очень просторная комната, вроде канцелярии; через открытую дверь видна другая комната, обставленная как гостиная, с накрытым столом. Мой бумажник, мой портфель подвергаются тщательному досмотру. «Чем вы занимаетесь?» — «Я пишу книгу». — «Вы же никогда не сможете ее опубликовать. Завтра же выйдете на работу! Завод Гёле (концерн «Цейс-Икон»)². У вас что, большое сердце?» Видимо, я был очень бледен и говорил с трудом, жадно хватая ртом воздух. До сих пор обращение было почти приличным. Тут по-

² Дрезденские заводы Гёле, принадлежащие крупнейшему производителю вооружения, концерну «Цейс-Икон» (АО), выпускали дистанционные взрыватели для гранат и поэтому постоянно получали от гестапо принудительно направленных к ним евреев, в качестве пополнения рабочей силы.

явился другой полицейский, возможно стоящий ступенькой выше на служебной лестнице, среднего роста, с полными презрения карими глазами. Он сразу стал мне тыкать: «Убери свою мерзость со стола (речь шла о моей папке и шляпе). Надень свою шляпу! У вас ведь так принято. Это правда, что где ты стоишь, — святая земля?» — «Я — протестант». — «Кто ты? Крещеный? Ну, это ведь у вас только маскировка. Ты — профессор, должен знать книгу... некоего Левизона, там обо всем сказано. Ты обрезан? Это вранье, что обрезание делается в чисто гигиенических целях. Обо всем этом говорится в той книге. Сколько тебе лет? Как, всего шестьдесят? Парень, да ты плохо обращался со своим здоровьем! Чего ты дергаешься? Наверняка что-то стянул. Ну-ка, вываливай все из своего портфеля!» Я должен был вновь все вытащить и развернуть. Буханка хлеба, поллитровая бутылка молока. «Хорошее молоко». — «Не особенно, это снятое молоко». — «Хорошее молоко!» — «Но ведь это обрат». Три кусочка торта. «Выглядит аппетитно!» Полфунта ежевичного чая (для курения). «К чему тебе покупать такую прорву, ведь ты можешь это купить в любой день. Кто, по-твоему,

выиграет войну? Мы или вы?» — «Я не совсем понимаю». — «Ну, вы же молитесь ежедневно... о нашем поражении... своему Яхве, так, кажется, его зовут. Это ведь ваша иудейская война. Адольф Гитлер так сказал». Переходя на патетический крик: «А что говорит Адольф Гитлер, то так и есть! Почему ты делаешь покупки на Хемницерплац?» — «Мы раньше жили в этом районе, я привык». — «Ага, так ты покупаешь здесь, потому что тебе здесь больше дают. Этому будет положен конец! Завтра же станешь на учет у ближайшего лавочника! Чтоб мы тебя больше в трамваях не видели! Можешь ходить пешком, не развалившись! И если хоть раз попадешься нам здесь на глаза, вылетишь из города в два счета! Сам знаешь — куда. Понял?» Я сказал только: «Да». Тот, который мне тыкал, ушел. «Собачник» молча и угрюмо стоял в углу. «Можно мне теперь уйти?» — спросил я. Он прошел со мной вместе до лестницы и в заключение сказал: «Если бы вы не были таким дряхлым доходягой, вас бы послали работать». Лишь когда я очутился на свежем воздухе, на улице, я заметил, как сильно болят у меня грудь и левая рука. И все же я был свободен (так это здесь называют, а мог бы

надолго исчезнуть, ведь сидит же Эрнст Крайдль уже семь с половиной недель; мог бы исчезнуть и навсегда, с помощью шприца). Медленно, очень медленно я побрел домой. Полностью я все еще не отошел, не пришел в себя. Мои «еврейские» талоны я прикрепил в магазинах на Вазаплац и с тех пор лишь немногие минуты бываю на воздухе, вовсе не покидаю здешнего района и, очевидно, никогда уже его не покину. Этот инцидент, с его невероятным хамством, жестокостью, издевательскими оскорблениями, слишком сильно на меня подействовал. С тех пор меня не оставляют мысли о смерти.

Согласно тому, что я слышу от Крайдлей и Кетхен Сары, случаи, подобные моему, нынче вовсе не редкость и происходят постоянно то там, то тут. Все якобы направлено на то, чтобы подловить как можно больше людей и заставить их отбывать трудовую повинность. Однако это делается и через общины. Думаю, нас просто хотят запугать и прогнать с улицы, а также выявить «сочувствующих евреям» лавочников. Единственное утешение: неудачи в России им уже не удастся скрыть. Пауль Крайдль прочел нам вслух очень

серьезную статью из «Рейха» — в один миг русские, о которых недавно утверждалось, что они «уничтожены», превратились в ужасных противников, силы которых поистине неистощимы. Кетхен Сара рассказывает, как по утрам в трамвае один вагоновожатый открывает ей свою душу. Ей-де нужно запастись мужеством, говорит он, этим кровопийцам скоро придет конец, он-то хорошо знает настроение солдат, большое количество отпускников едут по утрам на его передней площадке; они все, все без исключения, сыты этой войной по горло etc. etc.

Но кто может определить, насколько усилилась внутренняя напряженность в стране и насколько приблизилась внешняя капитуляция. Очень долго я уже ждать не смогу. И таково определяющее настроение всех носящих звезду.

Сильно похолодало, и наше отопление вновь, как и в прошлую зиму, не может тягаться с морозом; при этом мы сами гораздо хуже питаемся, и нервы у нас в гораздо худшем состоянии, чем прошлой зимой.

13 января, вторник

Пауль Крайдль рассказывает — это лишь слух, но его сообщают многие люди и клянутся, что это правда, — будто бы эвакуированные евреи где-то возле Риги были высажены из вагонов и, шеренга за шеренгой, в том порядке, как они покидали поезд, тут же на месте были расстреляны. Пауль дрожит от страха за свою замужнюю сестру, живущую в Праге, которая стоит в списке на эвакуацию. *D'altra parte*, он настроен оптимистически: русское наступление в центре якобы продвинулось до Польши. Думаю, что это не совсем верно: сегодня в сводке снова сообщалось о боях под Ленинградом и восточнее Харькова, так что центр просто не может быть оттеснен так далеко назад.

Повсюду разводят невероятную шумиху, хвалясь успехами сбора меховых вещей. У евреев меховые и шерстяные вещи просто конфисковывали, арийцы должны были отдавать их «добровольно»; в результате собрали пятьдесят с лишним миллионов штук. Это-де равносильно всенародному опросу, доказывает нерас-

торжимую связь народа и армии, народа и фюрера etc.
etc.

17 января, суббота

С позавчерашней середины дня (четверг, 15.1) у меня не проходит тягостное волнение или даже некоторое отупение, смешанное с чувством: «Ура, я живу!», что в свою очередь сменяется хиазмом³: «Я живу, ура!» – и вопросом, кто же выбирает лучшую долю. Объявлена эвакуация здешних евреев в ближайшую среду, за исключением: 1) тех, кому больше шестидесяти пяти лет; 2) тех, кто награжден Железным крестом 1-й степени⁴; 3) тех, кто живет в смешанном браке, даже если и не имеет детей. Пункт третий меня спасает – надолго ли?

«Curriculum» продвигается медленно. Но я упорно держусь за эту работу. Я очень хотел бы также описать и современную катастрофу с точки зрения историка культуры. Наблюдать все до последней детали, записывать, не спрашивая, удастся ли когда-нибудь

³ В лингвистике перестановка главных частей предложения.

⁴ Особо почетный германский военный орден.

использовать эти записи, посчастливится ли им выйти в свет.

6 февраля, пятница вечером

В новых карточках на мыло (выдаваемых всегда на четыре месяца) впервые для евреев отменено мыло для бритья. Превалирует ли тут нехватка средств, скопость или они хотят в принудительном порядке вернуть нам средневековую еврейскую бороду? У меня припрятан небольшой запас. Надеюсь, его не найдут при домашнем обыске. Надеюсь также, что бритье не привлечет ко мне повышенного внимания.

Писал ли я уже, что Лисси Майерхоф сообщала в своем последнем письме из Берлина, что в больницах гетто отсутствует противотифозная вакцина?

8 февраля, воскресенье

Все те же внутренние подъемы и спады. Страх, что моя писанина однажды может довести меня до концлагеря, и в то же время чувство, что делать эти записи — мой долг, моя жизненная задача, моя профессия. И снова ощущение, что все это — *vanitas vanitatum*

и моя писанина не представляет никакой особой ценности. Но затем я сажусь и продолжаю писать и дневник, и «Curriculum».

Со вчерашнего дня я особенно удручен. Ева была до предела измотана утренним хождением по морозу, по глубокому снегу и гололеду, так что у Нойманов я был один. Все время шел разговор о произведенном недавно у них (как и у многих других) беспрецедентном домашнем обыске. Группа полицейских, приехавших на автомашине, состояла из восьми человек. «Садитесь-ка пока на сундук!» — и затем самые гнусные оскорбления, тычки, удары; фрау Нойман схлопотала семь оплеух. Перерыли все, грабили без разбора: свечи, мыло, рефлектор, чемодан, книги, полфунта маргарина (законно купленного по талонам), писчую бумагу, табак любого сорта, зонтик, военные ордена («Они тебе больше не понадобятся!»). «Где вы стираете?» — «Дома». — «Чтобы и думать не смели отдавать свое белье куда-нибудь на сторону! Почему вы все доживаете до такой старости? Повесьтесь же наконец, откройте газовый кран!» К сожалению, забрали также и все письма, адреса, вообще все написанное от руки. Под

конец нужно было расписаться, что все взятое отдано добровольно в распоряжение германского Красного Креста. Для ареста достаточно, если будет выявлена связь с каким-либо посторонним арийцем. Арестована одна дама семидесяти с лишним лет.

13 февраля, пятница вечером

В шесть часов пришел посыльный от еврейской общины: завтра рано утром, в восемь часов, я должен прийти в Рэкниц для уборки снега. Это как раз та работа, при которой мое сердце через пять минут начнет бастовать. Нас якобы отпустят достаточно рано — в час-два. У меня нет, к несчастью, никаких подходящих сапог с толстыми подошвами. Для протеста или попытки раздобыть сапоги уже слишком поздно. Мне остается только подчиниться. Больше, чем подохнуть, я не смогу.

15 февраля, воскресенье, первая половина дня

Вчера, 14.2, с восьми до двух, был первый день на уборке снега, но на следующей неделе мы должны будем работать с восьми или с половины девятого до

пяти; вдобавок к этому путь туда и обратно, каждый — по часу. Вчера после семи, в утренних сумерках, почти в темноте, мы отправились туда с доктором Фридхаймом. Неузнаваемость заснеженных улиц. Мимо старого кирпичного завода на Черниц, затем прямо по Моро до «Элизиума», большой гостиницы в самом начале Лангмарктрассе, прежде Бергстрассе, в Рэннице. Доктор Фридхайм по пути два раза падал, один раз очень сильно; затем, по приходе, он предъявил врачебное заключение от доктора Ростоски: болезнь желчного пузыря, печени, грыжа, диабет... — и пошел домой.

В воротах дома собралась довольно жалкая слабосильная команда. Обладатель грыжи, без специального бандажа; один хромой, один горбатый... Семнадцать «престарелых» мужчин были назначены на работу, двое отсутствовали, троих отослали; из двенадцати оставшихся большую часть составляли те, кому за семьдесят, я со своими шестьюдесятью годами был самым молодым. Я взвешивал в уме, не обратиться ли мне сразу к врачу — эксперту больничной кассы. Мужчина в форме («городская очистка улиц») привез

на машине наши орудия труда и устроил нечто вроде переклички. Очень вежливый. Мне он посоветовал: «Попробуйте сначала поработать, иначе у вас могут быть неприятности». Мы взяли на плечи лопаты и кирки и зашагали сначала к «Домику сборщика податей». Там как раз на подъеме на южную возвышенность барахтался и буксовал пикап с грузом. Мы освободили его из снежного плена и расчистили проезд. Начав работать лопатой, я сразу же стал ощущать сердце. Затем мы прошли колонной по Инсбрукерштрассе до дворянского поместья Нотниц близ Банневица (усадьба с посадками грибов на каменной парковой стене), на другой стороне стоял сарай, где у нас был устроен перерыв на завтрак, примерно в двухстах метрах по направлению к Дрездену, в точности над Кайцем, местом вчерашней работы. Как часто я там проезжал, сидя за рулем собственного автомобиля. А теперь... Расчищаем дорогу, на одной стороне которой, противоположной Кайцу, уже образовалась высокая снежная насыпь. Ее нужно отодвинуть, чтобы освободить достаточно пространства для разъезда машин. Когда закидывать снег наверх стало слишком высоко и для

меня непосильно, я стал таскать полные лопаты снега на свободную часть дороги и скатывать его вниз по склону. Было ужасно ветreno, временами поднималась настоящая выюга. Мои боли довольно скоро прекратились, и я на удивление хорошо все выдержал. Работали мы в довольно умеренном темпе, часто стояли группами и болтали — и все же это было очень утомительно. Сомневаюсь, выдержу ли я завтра до пяти часов.

1 марта, воскресенье

Дикая усталость, мускульная боль в икрах, стертыe до крови ноги, рука уже не в силах держать перо. Совершенно не способен к умственной работе. При этом я орудовал лопатой очень медленно и осторожно. Но в то же время с половины восьмого до половины шестого — на свежем воздухе, в состоянии физического напряжения. Слишком мало сна. Если я сегодня, в воскресенье, хорошенко намылюсь и смою с себя всю грязь, если немного послушаю, как играет Ева, и сделаю хотя бы одну скучную запись в дневнике, и прочи-

таю несколько страниц вслух (Майсингер⁵), это будет уже очень много. Все время борюсь с одолевающей меня сонливостью.

Две недели назад стало известно, что владелец сигаретной фабрики Мюллер, семидесяти двух лет, вместе с Эстрайхером брошены в концлагерь. Три дня назад общине сообщили, что Мюллер умер. Положение таково, что заключение в концлагерь практически равносильно смертному приговору. О смерти помещенных в концлагерь сообщают буквально через несколько дней. Профессор Вольф Юлиус Фердинанд, из «Дрезденер НН», мой друг, после нескольких домашних обысков вместе со своей женой покончили жизнь самоубийством. Правда, говорят, что он был на грани слепоты.

Запрос валютно-контрольного органа «с целью нового определения Вашего месячного дохода, не облагаемого налогом». Речь, видимо, идет об очень серьезном его сокращении. Постоянный страх перед до-

⁵ Речь идет о романе «Приключение бога» (1935) немецкого писателя Карла Августа Майсингера.

машним обыском. Гестаповцы, как говорят очевидцы, бесчинствуют при этом невероятно.

На Востоке день за днем атаки русских.

6 марта, пятница

Самое худшее за последнее время — это постоянное ожидание домашнего обыска. Об этих выездных полицейских бригадах рассказывают страшные вещи.

Сегодня оглашен запрет на пользование трамваем, «принимая во внимание повторные случаи недисциплинированного поведения евреев в трамваях».

В последние месяцы все шло в одном направлении: ограничение права пользования передней площадкой трамвая, запрет находиться в вагонах для курящих, запрет проезда на автобусе. Если послушаешь, что́ Кетхен Сара рассказывает об откровениях своего вагоновожатого, то за этим запретом, за этим желанием нас изолировать ощущается страх. Но поездки на работу и с работы домой пока разрешены. Вчера было распространено циркулярное письмо «для строжайшего и немедленного исполнения»: никакой «излишней переписки», «ограничить покупку и содержание в до-

ме запаса медикаментов... до минимума», «предельно ограничить пользование электроприборами», запрещается покупать и подписываться на иллюстрированные и еженедельные журналы. Запрещается предъявлять продуктовые талоны, не помеченные буквой «J».

16 марта, понедельник

Фройляйн Людвиг прислала для Мушеля рыбью голову — она как арийка получила рыбу от друзей. Рыба стала необыкновенной редкостью, и на потребление ее евреями наложен строжайший запрет. Нам дано указание: голову сразу же сварить, а все кости немедленно сжечь! Все тот же страх перед гестапо. 90 процентов всех европейских разговоров крутится вокруг одного: домашние обыски. Каждый может привести примеры все новых жестокостей и беззастенчивого грабежа. Недавно арестованный Фридман — у него якобы нашли большое количество вина и фруктовых консервов — брошен в концлагерь.

Большую роль играет пятница. В пятницу в полдень родственники приносят чистое белье для заключенных в тюрьму дрезденского полицай-президиума. По-

ка грязное белье меняют на чистое, известно, что человек по крайней мере еще находится здесь. Если белье отдают назад, значит, заключенный переведен в концлагерь. Эльза Крайдль возвращается домой почти что утешенная: «Он еще сидит здесь». (Сидит уже четыре месяца — никто не знает за что.) В качестве примера самого ужасного лагеря мне назвали Аушвиц⁶ (или что-то в этом роде), возле Кёнигсхютте в Верхней Силезии. Работа на руднике, что означает смерть через несколько дней. Там находится Корнблюм — отец фрау Зеликзон, а также там уже умерли мне неизвестные Штерн и Мюллер, у которых нашли запрещенное пасторское послание. Говорят также о Бухенвальде близ Веймара, в котором не обязательно умирают так безусловно и скоро, но который хуже, чем «каторжная тюрьма».

⁶ Клемперер впервые слышит название «Аушвиц». Между тем лагерь этот действовал с 20 мая 1940 года; 7 марта 1941 года заключенных Аушвица впервые в массовом порядке стали использовать в качестве бесплатной рабочей силы на некоторых промышленных предприятиях на самых вредных и трудных работах.

Туда попал Эстрайхер. «Двенадцать часов работы под охраной **НН**⁷», — говорит Зеликзон.

Чисто еврейское утешение: траурные объявления со свастикой. Каждый считает, суммирует: сколько? Каждый считает также павших «на поле брани за фюрера».

Все больше мучит недостаток еды. Я не удерживаюсь порой и таскаю крохи у лучше снабжаемой Кэтхен Сары (она ест меньше и многое получает от своей матери), если только что-нибудь стоит открытое и начатое. Ложку меда, ложку джема, кусочек сахара или хлеба. Вчера на столе лежала толстая нарезанная колбаска. Я откромсал малюсенький кусочек. Вскоре я услышал, как Ева прогоняет с кухни Мушеля: он тоже хотел украсть кусочек колбаски.

Несколько дней назад в газете: семь тысяч (7000) дрезденских садовых хозяйств отныне переводят половину своих производственных площадей под овощи, отдайте им свои цветочные горшки для выращивания саженцев и покупайте меньше цветов! А теперь вышел запрет для евреев на покупку цветов. Ни дня без какого-

⁷ **НН** — стилизованное обозначение СС.

либо нового постановления, направленного против евреев.

У нас очень большая нехватка хлеба, картофеля и угля.

20 марта, пятница вечером

Сегодня в газете объявлено о сокращении норм на хлеб, мясо и жиры ($\frac{1}{2}$ фунта хлеба, 100 граммов мяса — на неделю, 250 граммов жира — на месяц). И это в момент величайшей нужды в овощах и картофеле! Кроме того, после нескольких погожих дней снова начал сыпать снег. Мы не знаем, радоваться ли нам или отчаиваться. Мы в большой нужде: хлеб на ближайшие десять дней не обеспечен, картофеля осталось раза на четыре, угля едва ли хватит на неделю. На народ это, должно быть, производит самое гнетущее впечатление. Ева со своими нервами и слабой способностью к передвижению уже исчерпала все свои резервы.

Я постепенно дочитываю «Возникновение республики» Розенберга⁸. Необычайно интересно, однако мои глаза смыкаются от усталости и недоедания. Теперь мне редко выпадает случай наесться досыта.

У меня нет больше нормальных условий для чтения. Мне так хотелось бы продолжить работу над «Curriculum». Но я должен был отдать на сторону все исходные материалы. Кроме того, мне необходимо собрать немного больше документов. И каждый день можно ожидать нового требования «выйти на работу».

24 марта, вторник

Тем временем Аннемари бросила нас на произвол судьбы с хлебными талонами; Ева выменяла четырехфунтовый хлеб, отдав талоны на маргарин, но как мы протянем полторы недели до следующей выдачи талонов — для меня загадка. К тому же полное отсутствие картофеля. Сегодня Ева учила меня, как приготовить

⁸ Речь идет о книге немецкого историка Артура Розенберга «Возникновение немецкой республики в 1871—1918 годах». «Ровольт», 1928.

брюкву. Все получилось. Тяжелее всего для меня первая половина дня. Обычно я мерзну (в нетопленой комнатае), страдаю от голода и засыпаю от усталости, сидя за письменным столом. Затем пытаюсь сташить из кухни у Кетхен Сары ложку повидла или кусочек хлеба, но это возможно лишь тогда, когда там этого много и она наверняка ничего не заметит. Я постоянно тревожусь, что однажды она что-то заподозрит и насторожится. Свою постыдную тайну я скрываю даже от Евы, которая возвращается домой после похода за покупками часам к двум, припадая на ноющую ногу, тяжело нагруженная, но ничего толком не достав.

5 апреля, пасхальное воскресенье, вечером

В первый раз настоящая весенняя погода. Во второй половине дня мы у Нойманов; там присутствует также Глязер со своей неблагозвучной скрипкой (фрау Глязер не смогла прийти, так как их душевнобольная дочь нуждается в постоянном уходе). «Если кто-нибудь придет, скажем, что это фрау профессор (арийка!) принесла пирог».

Итог праздничных дней: пока что четыре самоубийства среди евреев. Одна супружеская пара, после домашнего обыска вызванная в гестапо, приняла веронал. Один портной и один лавочник повесились в тюрьме перед отправкой в концлагерь. Все новые эшелоны с «эвакуированными» отправляются из Берлина и нескольких других городов. Этому противостоит: с 15 апреля амтсвалтеры⁹ получили револьверы — симптом изменения настроения. Чем напряженнее ситуация, тем больше беспощадной жестокости по отношению к евреям. Самое новое постановление: европейской звездой должны быть помечены квартиры евреев.

Несколько недель назад Ида Крайдль принесла мне мощную стопку писчей бумаги, которую нашла среди вещей Пауля. Бумага была спрятана в подвале. Теперь я использую небольшую часть этого запаса — осталвшееся снова отправилось в темное укрытие. Ничто, буквально ничего сейчас не безопасно. Все может быть отобрано, все может послужить поводом для невероятных мучений. Уже несколько недель у нас нет зуб-

⁹ Самый низкий чин в нацистской партии.

ной пасты. Ее нигде невозможно достать. То же с туалетной бумагой. До сих пор нам удавалось покупать в небольших количествах бумажные салфетки. С декабря мы не могли отдать в стирку белье. Скоро дойдет очередь до моей самой последней чистой рубашки и самого последнего носового платка. Ева подстригла мне волосы — парикмахеры этого не делают (или в порядке вымоловенного исключения). Последние известия из еврейской жизни расходятся мгновенно. Когда мы пришли домой, Кетхен Сара все уже знала. От Иды Крайдль, к которой приходила родственница.

12 апреля, воскресенье

О чем мы уже месяцы говорим с Идой Крайдль и фрау Пик по воскресеньям? (Вчера, кстати, опять говорили внизу, а не у нас: там натоплено, к тому же всегда имеется немного свежей выпечки. Мы стали нищими этого дома, а Кетхен — на работе.) Мы говорим о домашних обысках и самоубийствах. Когда и как пройдет у нас домашний обыск? Говорим об эвакуированных. Прошли долгие месяцы, но никаких известий от них нет. Вывезут ли куда-нибудь нас? Как долго

мы еще будем здесь? Может быть, нас прежде убьют? Вчера — новость. После пяти месяцев признаки жизни подал Эрнст Крайдль: *открытка из Бухенвальда*. Радость была потрясающей. Он жив, он не в Аушвице, он может писать раз в две недели и получать почту, ему разрешено иметь 15 марок в месяц — можно надеяться, что он выйдет живым!

Характерно и утешительно то, что рассказывает Кетхен об одном из своих коллег на заводе. Он сидел три недели в тюрьме дрезденского полицай-президиума, потому что, подписывая письмо, не прибавил к своему имени «Израиль». Условия были хорошие. Совместная работа с арийцами, добрые надзиратели, сносная пища. Надзиратель его ободрял, говорил, что долго все это уже не продлится. На прощанье дал следующий наказ: если они будут очень уж сильно мучить тебя или если ты будешь голодать, «снова подпишись без всякого Израиля!». У нас тебе будет хорошо!

19 апреля, воскресенье

Одной из медсестер в больнице Аннемари понадобилась заколка для закрепления чепца. Вес примерно

один грамм. Чтобы купить ее, она должна была раздобыть специальный талон на покупку железа.

Ненавистный мне с давних пор ковер в столовой, доставшийся по наследству, полон грязи; уже две недели, как наш тяжелый пылесос сломался. Я, ради Евы, потащил его перед Пасхой в ремонтную мастерскую, но должен был забрать эту тяжесть назад: мастерская переполнена заказами. «Может быть, после Пасхи». Между тем вышел запрет для евреев загружать ремесленников работой ради «удовлетворения своих личных потребностей». Я обсуждал этот случай с подобным же в семействе Штайницев.

Аналогичная ситуация: они отдали в починку электрическую лампу. Возможные обоснования (в крайнем случае): 1) хотя хозяйство еврейское, но лампа принадлежит лично жене-арийке; 2) еврей обязан содержать свои домашние вещи (которые он не имеет права продать!) «в исправном и опрятном виде», и для выполнения этого требования необходим пылесос. Вся моя обувь прохудилась. Еврейский сапожник при вещевом складе общины «эвакуирован». Имеется еще один еврейский сапожник на Хольбайнштрассе: к нему я дол-

жен в ближайшие дни тащиться пешком. Наше белье с декабря не было в стирке. Немногие необходимые вещи Ева стирает в ванной комнате в тазике. Каждый день (теперь уже не только по ночам) над Германией летают английские бомбардировщики. Но Дрезден всю эту зиму оставляли в покое. В Берлине тоже спокойно. В эти дни мне было безумно жаль красот Любека. (Наше большое автомобильное путешествие с Гретой!) Налицо, видимо, акт мести со стороны Англии — ничего, кроме уничтожения произведений искусства. Вчера, правда, я слышал от Нойманов, что в Любеке находится огромный доменный завод для переплавки шведского железа. Ланге рассказывал Еве, что он слышал от своего товарища: в Любеке сотни и даже тысячи остались лежать под развалинами, а сорок тысяч жителей лишились крова. Во всем этом, может быть, не так уж много правды, но кое-что, безусловно, правда, и люди (неисчислимое множество людей) верят слухам и сплетням намного больше, чем изолгавшейся и все скрывающей газете. Каждые несколько дней оглашается список смертных приговоров и приговоров

к каторге — за торговлю на черном рынке и за спекуляцию продовольствием.

3 мая, воскресенье, вторая половина дня

На заводах концерна «Цейс-Икон» в еврейских цехах имеется «детский сад». Там выполняются работы, для которых требуются совсем молодые глаза, использующие лупу. Трудятся девочки пятнадцатишестнадцати лет. Закон о защите подростков для евреев решительно упразднен. Последнюю неделю этих детей заставили работать и в дневную, и в ночную смену, так что на каждые 48 часов приходилось 24 рабочих; за это им платят 27 пфеннигов в час.

8 мая, пятница, середина дня

«Ты, еврейская свинья, рожаешь только мальчишек, чтобы воспитывать из них злопыхателей!» Эти слова были обращены к «вызванной» в гестапо семидесятилетней фрау Кронхайм, о чем рассказала нам ее дочь. («Вызвать» означает обречь на часовые прогулки, заставлять приходить все снова и снова для получения

все новых оскорблений и ударов — это обычная пытка, следующая за домашним обыском.)

А вчера случилось вот что. На Вазаплац останавливаются две седовласые дамы, две типичные шестидесятилетние учительницы, подобных которым я много встречал на своих лекциях и докладах, одна идет ко мне с протянутой рукой, я думаю: «Старая слушательница моих лекций» — и слегка приподнимаю шляпу. Но я ее не знаю, и она мне не представляется. Она только, улыбаясь, трясет мою руку и говорит: «Вы понимаете почему!» — и уходит, прежде чем я нахожу нужные слова. Какой контраст со сказанным мне на днях: «Ты еще живешь, сволочь?» И то и другое в Германии, в середине XX века.

Часто повторяющаяся редакция траурных объявлений о погибших на войне традиционно гласит: «Глубоко потрясенные и еще не постигшие горечь своей утраты, мы получили прискорбное известие...», «Его самому горячему желанию вновь свидеться со своими любимыми не суждено было осуществиться». Позавчера в газете появилось письмо фронтового офицера «с передовой»: эти слова о «самом горячем желании»,

пишет он, извращают и принижают жертву солдата, который здесь, на фронте, думает прежде всего о своем героическом долге. Родина должна также найти более возвышенные слова, сообщая о его кончине. Письмо, безусловно, заказное; появится, безусловно, во всех немецких газетах и произведет нужное действие. Отныне в траурных текстах будут преобладать формулировки типа: «за фюрера и Отечество», «скорбим и гордимся».

Я борюсь с постоянным переутомлением; особенно в первую половину дня (как, например, сегодня, когда я все время засыпаю за письменным столом).

Какие желания проносятся в моей голове? Не испытывать страха перед звонком в дверь! Вновь иметь пишущую машинку! Хранить свои рукописи и дневники у себя дома! Пользоваться библиотекой! Досыта есть! Кино! Автомобиль!

Прошлая война была, оказывается, таким приличным делом.

11 мая, понедельник

Я веду сейчас тяжелейшую внутреннюю борьбу за свою немецкую самобытность. Я должен придерживаться убеждения: я — немец, те, другие, — не немцы; я должен придерживаться убеждения: решает дух, а не кровь. Я должен придерживаться убеждения: сионизм для меня был бы комедией, мое крещение не было комедией.

14 мая, четверг (Вознесение, не праздничный день)

Два мальчика, примерно двенадцати и шести лет, не пролетарского вида, шли мне навстречу на узком тротуаре. Старший, проходя мимо, толкает маленького брата и, тыча в меня, кричит: «Еврей!» Мне становится все тяжелее выносить это бесчестие и позор. И постоянный страх перед гестапо, постоянное прятанье и вынос из дома рукописей, неисписанной бумаги, спешное уничтожение всякой корреспонденции... Сила сопротивления понемногу слабеет, боли в сердце ежедневно усиливаются.

15 мая, пятница, ближе к вечеру

Вчерашний и, естественно, сегодняшний день прошли под моральным воздействием факта немецкой победы под Керчью. Война — таково также и мнение доктора Ноймарка¹⁰ — может продолжаться еще очень долго; немецкая сторона проиграла, бесспорно, но так же бесспорно, что она сможет продержаться еще длительное время. А мы между тем... — все вчерашние оскорблении кажутся мне сегодня очень мелкими, и все это от меня уже далеко. Фрау Ида Крайдль, которую я встретил по дороге в магазин, сообщила мне самое новое постановление, а потом дала его нам прочитать в газете еврейской общины: евреям, носящим звезду, и всем, кто проживает вместе с ними, запрещается держать домашних животных (собак, кошек и птиц), этих животных нельзя также передать никому другому; постановление действительно с момента публикации. Это смертный приговор для нашего Мушеля, который живет у нас уже больше одиннадцати

¹⁰ Доктор юриспруденции Ноймарк, адвокат, доверенное лицо Имперского союза немецких евреев.

лет и к которому так привязана Ева. Завтра его придется отнести к ветеринару, чтобы избавить от страха быть забранным чужими людьми и спасти от коллективного умерщвления. Какая низость, какая подлая жестокость по отношению к ничтожной кучке оставшихся евреев. У меня на душе такая горечь и такая тревога за Еву. Мы часто говорили себе: задранный кошачий хвост — это наш флаг, ни за что не спустим его, по-прежнему будем держать нос морковкой, несмотря ни на что сумеем сберечь нашего котика и на праздник победы Мушель получит «шницель от Камма» (лучшего здешнего мясника, продавца отборной телятины). Я становлюсь почти суеверным, ведь мы спускаем наш флаг. Котишко, которому больше одиннадцати лет, был в последнее время особенно веселым и игривым. Для Евы он всегда служил опорой и утешением. Теперь у нее будет меньше сил для сопротивления.

19 мая, вторник, ближе к вечеру

Мушель †. Уже на прошлой неделе Ева навела справки. На Грунаерштрассе кто-то перенял практику доброго доктора Гросса, который кастрировал наших котов

и усыпал Никельхена. (В прошлом году, хотя Гроссу было не более пятидесяти, он внезапно умер от инфаркта.) Мы несколько дней колебались. Сегодня пришло известие, что приказ общины о сдаче животных в пути, и после его получения я уже не буду иметь права сам распоряжаться судьбой своего зверька. Мы колебались до четырех часов — в пять заканчиваются приемные часы ветеринарного врача. Если до завтра не придет конец нынешнему режиму, мы должны будем обречь нашего кота на более жестокую смерть или же подвергнуться опасности я сам. (Для меня не совсем безопасно даже сегодняшнее его усыпление.) Я предоставил решение Еве. Она сама понесла котика в уже привычной коробке, сама присутствовала при процедуре, которая была осуществлена с помощью быстродействующего наркоза — зверек не испытал страданий. Но она страдает.

Несмотря на сильные боли в горле, я притащил 30 фунтов картофеля от нашего знакомого торговца, что стоит со своей телегой возле Вазаплац. Когда продавец уже взял в руки мою карточку, из-за моей спины появилась молодая бабенка, крашеная блондинка, лицо —

опасно ограниченное, тип жены мелочного торговца: «Я стояла впереди, еврей пусть подождет!» Продавец Йенч послушно обслужил ее первой, а еврей ждал. Сейчас около семи, в ближайшие два часа еврей снова будет ждать возможного (они бывают большей частью по вечерам) домашнего обыска.

22 мая, пятница, около полудня

Наше первое предположение оказалось верным: телеграмма оберштурмбанфюрера¹¹, адресованная Эльзе Крайдль, гласит: «Эрнст Крайдль умер сегодня 22.5 утром, письмо следует». Вероятно, мы никогда не узнаем, почему и как умер этот бедняга. Полгода назад ему было велено прийти в гестапо, и оттуда он уже не вернулся. Пять месяцев сидел он в тюрьме полицай-президиума. Его жена не имела с ним связи. Адвокату Ноймарку было сказано, что речь идет о совсем пустяковом деле и Крайдля скоро освободят. Его ждали здесь сначала к Рождеству, затем — к Новому году. Я предположил позже, что он, вероятно, был обвинен

¹¹ Подполковник войск СС в гитлеровской Германии.

в связи с чешскими делами. Его жена это страстно отрицает. Месяц тому назад у нее больше не приняли еженедельно сдаваемого чистого белья. Две недели назад она получила от Эрнста Крайдля открытку из Бухенвальда: условия сносные, ему разрешено писать раз в две недели и получать ответы, он имеет право получать ежемесячно по 15 марок. Затем ничего больше не было, и сегодня — эта телеграмма. Такая судьба ежечасно угрожает и мне. Каждый невольно думает о себе.

23 мая, суббота, после обеда

Вчера утром — известие о смерти Эрнста Крайдля, во второй половине дня — давно ожидаемый домашний обыск. По существу, я опять свалил дурака. Без четверти пять я пошел (очень неохотно) к Штайницу — обычные разговоры, в Торгау якобы ежедневно безжалостно расстреливают рядовых и офицеров, которых доставляют туда по обвинению в бунтарстве и выражении недовольства; его неуравновешенная жена вела себя терпимо. В половине восьмого я вернулся назад: выездная команда, оказывается, появилась здесь

в пять и уехала незадолго до моего прихода. Первое, что я увидел через открытую дверь, был хаос на первом этаже. Фридхайм показал мне следы ударов: запекшаяся кровь на шее и подбородке; он жаловался также на пинок в низ живота, угодивший прямо в рубец на месте оперированной грыжи. Фрау Крайдль и фрау Пик также жаловались на побои. Ева же, казалось, в полном порядке, хотя на ее долю выпало немало. Все шло по заданной программе: «Ты арийка? Ты — еврейская шлюха, вот ты кто! Почему ты вышла замуж за еврея? В Талмуде ведь сказано: „Каждая нееврейская жена для нас блудница...“» Ей приказали сойти вниз. Там ей влепили пару оплеух — «не серьезные, больше похожи на театральные», — сказала она, в то время как Ида Крайдль горько жаловалась на полученные ею вполне реальные оплеухи. Зато Еве несколько раз плевали в лицо и на голову. В нашей квартире — также и у фрау Фосс, которая, как и я, пришла только *post festum*¹², — я нашел все тот же хаос, то же скотское опустошение, произведенные жестокими пьяными обезьянами, опи-

¹² После всего, слишком поздно (*лат.*).

сание которых я уже не раз слышал и которые в реальности действовали куда более чудовищно. Еще и сейчас мы сидим в этом почти непроходимом хаосе. Содержимое шкафов, комодов, книжных полок, письменного стола вывалено на пол. Разорванные игральные карты, просыпанная пудра, куски сахара, отдельные лекарства, открытые и перевернутые коробочки, шкатулки со швейными и прочими принадлежностями; повсюду разбросанные, примятые каблуками иголки, булавки, шпильки, пуговицы, осколки разбитых елочных украшений, таблетки, пилюли, сигаретные гильзы, Евина одежда, чистое белье, шляпы, клочки бумаги — *inextrikabel*¹³. В спальне всем этим был усеян проход между кроватями и шкафами и сами кровати. Из медикаментов и химикалий полностью исчез пирамидон и большая часть сахарина; коричневый танналбин и какие-то розовые пастилки от кашля были рассыпаны повсюду. Из продуктов взяли все, что продается по талонам: масло, сало, сахар (в той мере, в какой он не рассыпан и не хрустит под ногами, особенно на ков-

¹³ Здесь: неразделимо, перемешано (*лат.*).

ре, и там же валяется мой курительный ежевичный чай), затем та же участь постигла наш скучный запас пряностей для приготовления соусов. Удивительное дело, но несколько яиц остались нетронутыми, однако ферментированный ежевичный чай украден. Мою писчую бумагу частично оставили, частично не нашли; *d'altra parta* — исчезли все конверты, все мои визитные карточки, которых у меня оставалось еще около сотни: приват-доцент — профессор — профессор и его супруга. Евины визитные карточки лежали в спальне. Там ходил другой, он просто разбросал их по полу. Бутылка шампанского, принесенная фрау Шапс в 1934 году на праздник освящения нашего дома, которую мы приберегали на день освобождения, украдена. Исчезли мой крест «За отличие», несколько иностранных монет (например, гульден). Из моих книг, кажется, не пропала ни одна, хотя словари, как утверждают, пользуются большой популярностью. Мои рукописи едва ли вынимали из папок, только в письмах военного времени покопались, и они основательно перепутаны. Несколько книг были сняты с полки и лежали на столе. Но к греческому словарю с вложенными в него послед-

ними страницами дневника, слава Богу, не прикоснулись. Евин шкаф с нотами, где находились некоторые мои рукописи и большой пакет писчей бумаги, также не тронули. Рукопись дневника, попади она к ним в руки, без сомнения, стоила бы мне головы. Сверху на Евином шкафу лежала нотная тетрадь Мендельсона. Титульный лист был оторван и разорван в длину. Кроме ежевичного чая, сахара, сигаретных гильз, на ковре валяется множество маленьких обрывков клейкой бумаги от марок; я всегда собирал эти клейкие полоски в коробке от сигарет и использовал их для прикрепления замечаний и правки к корректурным листам. Счастье, что наш пылесос починен и находится в рабочем состоянии. Так что, в общем и целом, мы на этот раз еще сравнительно легко отделались. Мы снова поклялись друг другу сохранять самообладание. Но какой немыслимый позор для Германии!

27 мая, среда, середина дня

С нервами и с самообладанием Евы дела обстоят очень плохо. Это оказывает обратное воздействие на меня: я должен читать ей вслух в невероятно поздние

ночные и невероятно ранние утренние часы и потому чувствую себя в течение дня еще более усталым, чем обычно. Вторую часть книги Чемберлена¹⁴ я пролистал, таким образом, в мучительном полусне. Возможно, конечно, что и при более хорошем самочувствии я бы все равно проглядывал ее в полусонном состоянии. Философия меня усыпляет, я буду делать лишь немногие выписки, касающиеся самой сути. В упадке сил (Евы и моем) виноваты не только смерть котика и несчастье в виде домашнего обыска, но и обыкновенный голод. Мы едим хлеб и картошку — больше ничего нет, да и картошка заканчивается. Только что у нас наверху был Штайнигер¹⁵, он вновь подарил мне хлебных талонов на шесть фунтов.

¹⁴ Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855–1927), английский писатель, автор книг по истории философии; с 1916 года гражданин Германии. В своем произведении «Основы XIX века» (1899) пропагандирует народно-мистическую идеологию, оказавшую сильное влияние на расовую теорию нацистов.

¹⁵ Старый знакомый фрау Пик, ариец, подружившийся с Клемперерами.

Сегодня после обеда Ева едет в Пирну взять немного денег. Я даю ей листы дневника последних недель (те, что хранились в словаре от А до К). После домашнего обыска я обнаружил, что несколько книг сняты с полки и лежат на столе: если бы среди этих книг оказался греческий словарь, то находящиеся в нем исписанные листы выпали бы и вызвали подозрение, что, безусловно, означало бы мою смерть. Убивают за куда меньшие прегрешения. Записка с буквами, на письменном столе, содержала шифр «СВР»: но это не означало обычного: «Сила в радости», а «Сила в руках» («Школа беглости»), В этой нотной тетради лежат последние листы моего дневника. Сегодня их увезут. Но я продолжаю писать. Это — мое геройство. Я хочу свидетельствовать, хочу оставить точные свидетельственные показания!

29 мая, пятница, первая половина дня

После чая занялся чисткой картошки, как вдруг увидел, что перед домом остановился очень большой и очень элегантный автомобиль. Меня сразу же обнял страх. Примерно час спустя у нас раздался оглушительный звонок. Я открыл и тотчас же получил звон-

кую оплеуху за то, что открыл недостаточно проворно. Двое молодых людей. Это была в точности, как недавно рассказывала Ева, «театральная оплеуха»; и точно так же затем на лестнице был лишь обозначен пинок в зад, но мое сердце на миг остановилось, я стал задыхаться и ощутил невыносимую боль в груди. У меня вновь возникло чувство, что я близок к смерти. Я увидел, как один из двух парней в гостиной плонул в направлении Евы, но она при этом сохранила полное спокойствие.

«Нам нужен маленький чемодан». — «В подвале, я сейчас спущусь вместе с вами». Ева сказала, что она это сделает, но я захотел избавить ее от этого, а внизу сообразил, что в одном из наших чемоданов она спрятала какие-то вещи и я не знаю в каком. Мне все-таки пришлось позвать ее. Через некоторое время она вышла с маленьким плетеным чемоданом; человек, спустившийся с ней вниз, больше ее не трогал. Скоты вскоре исчезли, на этот раз задев нас лишь мимоходом. Кроме чемодана, они украли только — правда, во второй раз в течение нескольких дней! — уже нарезанное масло с тарелок. (До понедельника у нас не будет ни грамма жира.) Через некоторое время к нам поднялись

Эльза и Ида Крайдль и фрейляйн Людвиг. Оказывается, этот налет имел в виду доктора Фридхайма. Ида Крайдль и фрау Пик на сей раз не подвергались столь зверскому обращению (тем не менее фрау Пик должна была два часа провести на ногах и под конец упала в обморок, а из портмоне Иды Крайдль украли несколько марок, забрали все ее запасы масла и хлеба — хлеба! — а молоко вылили). Эти люди, опять-таки при содействии Кёлера¹⁶, закрылись на два часа с Фридхаймом в его комнатах, и что там происходило, никому не ведомо. Затем Фридхайма арестовали, из его кабинета забрали разные бумаги, комнаты опечатали. Мы, все в доме, убеждены, что доктор Фридхайм — конченый человек. Он еще сохранил значительное состояние, следовательно, ему предстоит через несколько недель умереть в концлагере. Моя особая тревога: среди его

¹⁶ Кёлер, уполномоченный крайсяйтера НСДАП по делам евреев Вагнера, имел рабочий кабинет в здании еврейской общины; обычно присутствовал при «домашних обысках» и арестах евреев. Получил прозвище «еврейский папа».

бумаг найдут следы валютной операции: Фосс – Клемперер – Фридхайм.

С понедельника, с начала следующей партии карточек, евреи больше не будут получать молока. Хлеб такой сырой и кислый (что в него добавляют: брюкву? картофель?), я лишь с трудом его глотаю. Но зато под Харьковом «мы» уничтожили три русские армии и «до сего момента» взяли в плен 165 000 человек.

30 мая, воскресенье, первая половина дня

Сегодня за завтраком говорили о непостижимой человеческой способности все выносить и ко всему привыкать. Фантастическая чудовищность нашего существования: страх перед каждым звонком, издевательство и рукоприкладство, позор и бесчестие, постоянная угроза для жизни, голод (реальный голод!), все новые запреты, все более ужасное порабощение, ежедневное приближение смертельной угрозы, ежедневные новые жертвы вокруг нас, наша абсолютная беспомощность – и при этом все еще выдаются часы, когда мы получаем удовольствие: при чтении вслух, во время работы, при более хорошей, чем обычный убогий ради-

он, еде; мы все еще продолжаем влакить свое жалкое существование, и мы все еще надеемся.

Вчера после обеда — у Марквальда. Огромное несчастье парализованного. В то время как мы болтали, ему сделали укол морфия. Он рассказывал, что его отец, фермер, в 1873 году крестился, «этого требовала профессия», его самого крестили при рождении, к началу войны он был оберлейтенантом запаса (но уже больным, не способным к фронтовой службе). Я спросил его о берлинских «Прогулках» его кузена. Он сказал, что этой книги у него, кажется, уже нет; это была, по его словам, «дерзкая книга фельетонов». Этому человеку сейчас лет семьдесят пять. *Mutatis mutandis*¹⁷ его проблема — это проблема Артура Эллессера¹⁸, а также и моя. Поворот ассимилированного поколения — но поворот куда? Возвращение назад невозможно, переход к сионизму невозможен. Может быть, нам вообще никуда не нужно идти, нам нужно просто ждать. Я —

¹⁷ С необходимыми изменениями (лат.).

¹⁸ Артур Эллессер (1870–1938), немецкий писатель, театральный и литературный критик, автор книги «Из гетто в Европу».

немец, и я жду возвращения немцев; они куда-то скрылись — ушли в подполье.

2 июня, вторник, ближе к вечеру

Новые постановления касательно евреев. Удавка затягивается, изматывание сопровождается все новыми издевательствами. Каких только подлых постановлений о большом и малом не обрушилось на нас в последние годы! Иной булавочный укол мучительнее удара топором. Я наконец сведу постановления вместе и составлю единый список: 1) После восьми или девяти часов вечера не выходить из дома. Контроль! 2) Изгнание из собственного дома. 3) Запрет слушать радио, пользоваться телефоном. 4) Запрет на посещение кино, театров, концертных залов, музеев. 5) Запрет выписывать или покупать газеты. 6) Запрет на пользование транспортом, три этапа: а) запрещены автобусы, разрешено ездить только на передних площадках трамваев; б) запрещен проезд на всех видах транспорта, исключение — езда на работу; в) на работу также следует ходить пешком, если расстояние до нее не превышает семи километров и если человек не болен (но офи-

циальную справку о болезни выбить очень сложно). 7) Запрет на покупку «дефицитных» товаров. 8) Запрет покупать сигары, сигареты и все виды курева. 9) Запрет покупать цветы. 10) Невыдача молочных карточек. 11) Запрет посещать парикмахера. 12) Приглашение мастера для какой-либо работы только по ходатайству общины. 13) Принудительная сдача: пишущих машинок, 14) мехов и шерстяных одеял, 15) велосипедов — правда, на работу на них можно ездить (запрещены лишь воскресные прогулки и поездки в гости), 16) шезлонгов, 17) собак, кошек и птиц. 18) Запрет пересекать городскую черту и покидать пределы города, 19) входить в здание вокзала, 20) ходить по Министерской набережной, посещать парки, 21) Бюргерскую поляну и все улицы, граничащие с Большим садом (Парк- и Ленне-штрассе, Кархераллее). Это последнее ужесточение запретов действует только со вчерашнего дня. С по- завчерашнего дня запрещено также посещать рынки. 22) С 19 сентября обязательное ношение звезды Давида, или «еврейской звезды», как ее теперь называют. 23) Запрет иметь дома запас продуктов. (Гестапо отбирает и то, что законно куплено по талонам.) 24) За-

прет брать книги из библиотек. 25) Из-за звезды для нас закрыты все рестораны. А в ресторанах все еще можно что-то поесть, что-нибудь «фирменное», если дома уже ничего нет. Ева говорит, что рестораны переполнены. 26) Никакой карточки на получение одежды. 27) Никакой рыбной карточки. 28) Никаких товаров специального распределения, таких, как кофе, шоколад, фрукты, сгущенное молоко. 29) Особые налоги. 30) Постоянное сокращение максимального размера дохода, не облагаемого налогом. Для меня он сначала был 600 марок, затем — 320, теперь — 185 марок. 31) Ограничение времени покупок одним часом (с трех до четырех; в субботу: с двенадцати до часу). Думаю, что эти тридцать один пункт все исчерпывают. Но все вместе они — ничто по сравнению с постоянной угрозой домашнего обыска, издевательств, рукоприкладства, тюрьмы, концлагеря и насилиственной смерти.

Теперь мы с Евой живем буквально подаяниями добрых людей. Вчера Ида Крайдль подарила нам два фунта картошки, сегодня она принесла мне тарелку старых вареных картофелин и еще полную сумку картошки, которую нам пожертвовала фрау Людвиг. После хож-

дения за покупками Ева приходит почти или совсем пустая. Купить можно один только шпинат, да и то в ничтожных количествах, а шпинат Ева терпеть не может; кроме того, для его приготовления требуется специальный нож-качалка, которого у нас нет. (В любом случае, мне неприятно есть то, что готовится и становится на стол только для меня.) Хлеба и картофеля здесь, дома, я съедаю по меньшей мере пять шестых; тарелка овощей, которую Ева проглатывает в каком-нибудь ресторане во время беготни по магазинам, — недостаточная компенсация. К тому же она гораздо больше истощена, чем я.

11 июня, четверг, вторая половина дня

После начавшегося неимоверно ужасного дня непрерывное дальнейшее ухудшение ситуации. Вчера около половины второго — у меня как раз картошка стояла на огне — снова пришли люди из гестапо, четвертый раз за две недели. Сначала казалось, что здесь, наверху, все удары посыплются на Кетхен, которая сидела в ванне

и появилась в шлафроке, как Монна Ванна¹⁹. Утром она получила от своего деверя Фосса длинное письмо на машинке о бомбовом налете на Кёльн и огромных разрушениях. Само по себе это не было никакой крамолой, так как этот налет был описан в газетах и Людвиг Фосс писал в очень патриотических тонах. Но применительно к еврейке: «Вы радуетесь этому? Вы этим бравируете?» На столе Кетхен лежал конверт, рядом с открыткой от ее матери, которая обещала дочери прислать полученное по карточке растительное масло (а это тоже преступление). Скомканное письмо Фосса было найдено в кресле («спрятано!»). Все было перерыто, Кетхен должна была свернуть ковер, она получала при этом пинки, плакала, ей стали угрожать, потребовали, чтобы она написала адрес деверя. В ее комнатах вскоре возник такой же хаос, как и при первом налете. Набор грязных ругательств был, в сущности, весьма ограничен. Все те же: «свинья», «еврейская свинья»,

¹⁹ Героиня одноименной пьесы бельгийского драматурга и поэта Мориса Метерлинка (1862–1949); в одном из эпизодов она появляется в пальто, накинутом на голое тело.

«еврейская шлюха», «мерзавка», «негодяйка» — больше они ничего не могли придумать. Меня заставили сесть на стул в прихожей, и я был вынужден на все смотреть, все слушать и одновременно дрожать от страха за свой дневник. Вместе с ними я должен был снимать тяжелые картины со стены. Пока что со мной ничего дурного не случилось. «Почему у твоей старухи валяется столько шерстяных вещей и всяких тряпок? Она что, не знает, что проводится сбор прядильного сырья?» — «Знает, она как раз и отбирает вещи для этого сбора». Я уже воображал, что опасность позади, но «Миф XX столетия»²⁰ и лежащий рядом мой листок с выписками привели к катастрофе. В прошлый раз, в присут-

²⁰ Наряду с книгой Гитлера «Моя борьба» это важнейшее программное сочинение национал-социализма вышло в 1930 году. Его автором был Альфред Розенберг (1893–1946), с 1923 года — главный редактор партийной газеты «Фёлькишер беобахтер», с 1934 года — «доверенное лицо фюрера по надзору за духовной и идеологической подготовкой членов НСДАП»; в 1941–1945 годах — рейхсминистр оккупированных восточных земель. Во время Нюрнбергского процесса приговорен к смертной казни, казнен 16 октября 1946 года.

ствии более высокого чина, эта книга и мои заметки не вызвали никакого возражения. На этот раз такое чтение было сочтено ужасающим преступлением. Меня сильно стукнули книгой по голове, затем посыпались пощечины, на меня напялили смешную соломенную шляпку Кетхен: «Ты выглядишь в ней прекрасно!» Когда в ответ на вопросы я сообщил, что до 1935 года состоял на службе, оба уже известных мне парня из СС²¹ начали бешено плеваться, силясь попасть мне между глазами. В это время появилась Ева, ходившая за покупками. У нее тотчас отобрали хозяйственную сумку и также стали бранить за книгу. Я хотел было заступиться за нее, но мне тут же добавили пару оплеух и пинками прогнали в кухню. (Оплеухи и пинки были и на этот раз переносимы, если бы не мое бедное сердце и страх перед дальнейшим развитием событий!) Ева защищалась очень спокойно. «Книгу в библиотеке взяла я, меня интересует ваш метод, я напишу об этом моему кузену, обер-бургомистру Потсдама Арно

²¹ Эсэсовцы: Йоханнес Клеменс, по прозвищу Бита, и Везер, по прозвищу Плевака.

Раушеру». Один из парней заорал на нее: «Вы пытаетесь нам угрожать, вы об этом еще пожалеете!» («Ты» превратилось в «вы», и в этот раз ее не били, а только «разочек, совсем немножечко» оплевали.) Она ответила, опять-таки очень спокойно, что об угрозе нет и речи, она даже не знает, состоит ли еще на службе ее кузен или уже вышел в отставку, она должна была обратиться к нему некоторое время назад в связи с оформлением своей «арийской родословной», а назвала она его затем, чтобы объяснить свой интерес к этой знаменитой книге Третьего рейха. «Если бы я имел родственницу, которая связалась с евреем, я бы ее глубочайшим образом презирал; вы расовая отщепенка!» Так продолжалось еще некоторое время, но оскорблений действием в отношении Евы больше не было. Теперь они, угрожая нам самыми грозными карими, настаивали на том, чтобы книгу мы немедленно сдали, а библиотекой больше никогда не пользовались. (Позже я сказал Еве, что ее защита была рискованным шагом и могла иметь плохие последствия. «Эти беспартийные трусливы», — возразила Ева. Несколько лет тому назад в «Иллюстритер беобахтер» она увидела имя

и фото своего кузена, с которым девочкой много общалась. Сегодня по потсдамской адресной книге она установила, что он уже в отставке, но все еще проживает в Потсдаме, в замке Сан-Суси. А что если, в самом крайнем случае, он действительно сможет оказать нам помошь?) Итог вчерашнего обыска был для нас следующим: забрали весь хлеб — неначатый двухфунтовый, пакет со спичками, все мыло из ванной комнаты, почти весь сахар и бумажные пять марок из бювара. Жалкий результат! Но настоящий непоправимый ущерб состоит в том, что отныне Ева лишена права брать книги в библиотеке. Теперь мои возможности заниматься наукой и следить за литературой еще более сузены. Я буду просить и клянчить книги во всех знакомых европейских семьях и у Аннемари; но, безусловно, меня загнали в угол, и мое положение сильно ухудшится по сравнению с тем, что было. К этому добавляется страх, все больший страх иметь дома какие-либо рукописи. Мой «XVIII век», «Curriculum», «LTI» — все прервется. Я больше не имею возможности работать, я могу только чем-то себя занять. И вновь усиливающееся чувство

неуверенности. Настоящая катастрофа, однако, разыгралась вовсе не у Кетхен и не у меня.

(Забыл написать, что на полу всё было разбросано, как и в предыдущий раз, но теперь это казалось не так ужасно, как при первой нашей расчистке. Однако листок с выписками из «Мифа», работа двух моих дней, был разорван на мелкие клочки, а Евины сигаретные гильзы растоптаны и рассыпаны, как и ее пасьянсные карты.) Катастрофа же обрушилась на бедную фрау Пик, семидесятисемилетнюю старую женщину. Ее во второй раз ужасающие били и пинали ногами. «Твой муж имел солодовенный завод? Кровопийца! Твой выводок улизнул за границу и злобно клевещет на нас, а тебя оставили здесь, и мы никак не можем от тебя отделаться. Чтобы завтра же утром, ровно в семь, ты была в гестапо! Придешь одна — если кто-то посмеет тебя сопровождать, вмиг окажется в концлагере!» Фрау Пик рассказала нам это, когда мы, после их ухода, спустились вниз и зашли к ней. Она добавила к сказанному нечто странное. Три парня всячески ее мучили, а четвертый, оставшись в какой-то момент с ней наедине, самым дружеским образом прошептал: «Послушай-

те хороший совет, не ходите туда завтра утром». (Мы слышали недавно похожий случай от Кетхен: одна ее коллега по работе пришла домой, хотела подняться, а шофер гестаповской машины перед входной дверью окликнул ее: «Фройлянхен, пойдите еще погуляйте — они там, наверху!» Значит, даже среди этих людей есть «предатели».) Фрау Пик сказала, что у нее нет физических сил проделать не очень близкий путь и позволить дальше над собой измываться, она прожила прекрасную жизнь и теперь этой жизни пришел конец. Фрау Пик, в противоположность Иде Крайдль, совсем не сентиментальна и не мягкотела, до этого она всегда демонстрировала нам свою жизнерадостность и волю к жизни. Мы были серьезно обеспокоены ее словами. В девять часов вечера она поднялась к нам, принесла пятьдесят пять марок, какие-то украшения и несколько мелочей и сказала, что, если ее завтра арестуют, мы можем всем этим распоряжаться, как хотим. Около десяти я еще раз спустился к ней, она спокойно сидела в кресле, накинув на себя одеяло, очень спокойно, но лицо у нее было бледным и под глазами непрестанно что-то подрагивало. Я сказал ей: «Не бу-

дем обманывать друг друга: вы собираетесь покончить с собой. Подумайте о своих детях, подумайте, что, пока человек жив, он может надеяться; дело нацистов безнадежно проиграно, останьтесь такой же смелой...» и т. д. и т. д. Я всеми способами пытался подбодрить ее, я ее умолял. Я сказал ей: «Дайте мне слово, что вы ничего с собой не сделаете». — «Я не могу вам этого обещать, — ответила она, — я хочу все еще раз хорошо обдумать». — «Отдайте мне хотя бы свой веронал». (Интересно, где все эти люди достают веронал?) «Это вовсе не поможет, милый господин профессор, у меня есть и другие средства. Я сейчас очень устала и так плохо себя чувствую». Я пошел к себе наверх, мы все были убеждены, что она покончит с собой. В шесть часов утра, мы лежали еще в кровати, Кетхен — она убегала на завод — открыла дверь нашей спальни, за ней стояла перепуганная Ида Крайдль. Фрау Пик, сказала она, спит очень глубоким сном, дыхание у нее совсем тихое, неглубокое и учащенное, она не пошевелилась, хотя говорили возле ее кровати, открывали и закрывали дверь. Мы все колебались примерно до восьми часов, затем из садоводства напротив, где жили очень лю-

безные, сочувствующие и антинацистски настроенные люди, я позвонил доктору Кацу. Я не врач, но у меня сложилось впечатление, что это отравление верона-лом. Кац сказал, что он лишен свободы передвижения, поездки на машине разрешены ему только ночью в самых тяжелых случаях, но он сейчас же пошлет к нам медицинскую сестру, а в течение первой половины дня придет сам. Когда появилась сестра, спокойная женщина зрелого возраста, фрау Пик все еще была без сознания, но дышать стала лучше и временами даже шевелилась. Складывалось впечатление, что тяжелого отравления нет. Мы предполагали, что в восемь к нам явятся гестаповцы, но, оказывается, они были предупреждены доктором Кацем. Мы еще много раз спускались к фрау Пик, переговаривались у дверей, пугливо прислушивались к звуку каждой подъезжающей машины. (Все усиливающийся страх и неопределенность — самое худшее.) Кац прибыл около полудня и некоторым образом пришел в ужас, обнаружив легкий случай вместо смертельного. В результате просмотра ее медикаментов можно было заключить, что фрау Пик приняла всего лишь довольно безобидный адалин —

впоследствии она сама это подтвердила, а гестапо рассматривает такие поступки как «притворство» и «саботаж», когда люди симулируют самоубийство, желая уклониться от явки по вызову. Он, Кац, представит этот случай несколько серьезнее, чем он есть; хотя бы для того, чтобы вывести из-под удара самого себя и меня. Но фрау Пик, по его словам, через два дня вполне оправится, а через три-четыре, без сомнения, получит новый приказ явиться в гестапо, где за нее на этот раз возьмутся всерьез. Таким образом, я предвижу новые несчастья. Попытка самоубийства повторится, внимание гестапо будет надолго привлечено к нашему дому. (Кстати, вчера рылись и грабили также и в запечатанных комнатах Фридхайма, после чего их запечатали снова.) Я слышал и наблюдал лично, как фрау Пик постепенно приходила в себя. На это было больно смотреть. Вообще-то она была изысканной, еще кажущейся по-своему красивой, сохранившей стройность старой дамой, из тех, что зовутся «истинной дамой»! Теперь же ее, беспомощную и одурманенную, сажали на горшок, ее голые ляжки выглядели настолько худыми, что сквозь прозрачную желтую кожу виднелись кости; по

чье-то неловкости горшок упал и разбился... Потом, через пару дней, она начала говорить, но ее обычно такой живой, одухотворенный голос исчез, теперь это были лишь плаксивые, неясные звуки, жалобные стоны. У меня это вызывало не столько сострадание, сколько ужас. Вчера и сегодня в течение всего дня я чувствовал себя невероятно разбитым, на меня давило усилившееся ощущение смертельной опасности, дальнейшее сокращение жизненного пространства, ужасная неуверенность. Сейчас, с наступлением вечера, я немного успокоился. Так все и будет идти, не надо воображать иного. Какое-нибудь обогащающее душу чтение непременно отыщется, а дневник, несмотря на любой риск, я буду продолжать. Я хочу свидетельствовать до конца. Один трагикомический случай. У лавочника Хене на Вазаплац ко мне обратилась «звездоносная» дама с двумя славными маленькими мальчиками. «Господин профессор Клемперер, я не ошиблась?» Она хотела узнать, как дела у фрау Пик. Сама она — фрау Хиршель, ее муж, глава еврейской общины, уже обо всем оповещен. Я рассказывал ей подробности, она меня сопровождала до дома, мальчики бежали впереди и позвонили

в дверь, прежде чем я успел сообщить им наш условный домашний сигнал (три коротких звонка); к несчастью, кнопка звонка застряла, и они нажали другую, среднюю кнопку, то есть позвонили непосредственно к нам. Естественно, Ева подумала, что у дверей гестапо. Она была занята тем, что пыталась нарисовать замену для двух разорванных вчера пасьянсных карт; на столе рядом с ней лежали все карты и коробка с табаком и сигаретными гильзами, то есть все вещи, находящиеся под особой угрозой. Прежде чем подбежать к окну, она вынесла все в кухню и побросала под печку. В любой ситуации всегда найдется немного комизма. Фрау Ида плачет о своем ночном горшке... Интересно буквально все, что происходит, но — увы! — преодолеть невообразимый ужас нашего положения нам ничто не поможет; каждый день мы чувствуем себя все более затравленными и знаем, что смерть придвигается к нам все ближе. Мы думали позавчера, что хуже нашего положения уже быть не может, но со вчерашнего дня оно сделалось в сто раз хуже. И завтра оно будет гораздо хуже, чем сегодня.

19 июня, пятница, первая половина дня

В «Святой Иоанне»²² Шоу есть персонаж — дикий охотник за еретиками, который впадает в отчаяние, глядя на костер, в котором сгорает Иоанна. «Я же не знал!..» Он просто не мог себе представить, что такой ужас возможен.

Так и я буквально не мог себе раньше представить нашу теперешнюю жизнь. Мне все время рассказывали о том, как людей бьют и оплевывают, как многих охватывает дрожь от каждого шума машины, от каждого звонка, как парализует панический страх перед исчезновением и невозвращением, но я еще не мог, не был способен все это осознать. Теперь я это знаю, теперь этот ужас все время сидит внутри меня, его можно на несколько часов усыпить, ослабить, сделать привычным или приглушить мыслью: «Ведь до сих пор все сходило благополучно», но затем он вновь оживает и начинает душить. Это постоянная тема для спора между Евой и мной. Она говорит, что для нее

²² Драма английского писателя Бернарда Шоу (1923).

тут нет ничего нового и поражающего, она обо всем этом сотни раз слышала. Я: но ведь теперь это происходит с нами, моя фантазия или мой альтруизм не были достаточно сильны, чтобы переживать это в той же мере, когда это случалось с другими. Я сравниваю этот смертельный ужас с тем, что я испытал когда-то на фронте. Но теперешний – в тысячу раз страшнее. Тогда, в худшем случае, это была «почетная смерть на поле брани», тогда, если бы тебя ранили, ты мог быть уверен, что тебе окажут всяческую помощь. Теперь – это ужасное, безвестное исчезновение. Что случилось с Фридхаймом? Что с ним произошло после того, как его отсюда утащили? Что с ним творили в тюрьме? Каков был его конец? Стерт с лица земли; после невообразимых мук утоплен в грязи. Это в тысячу, в тысячу раз страшнее, чем весь страх 1915 года. И постоянная нервная тряска, постоянное беганье к окну, не идет ли машина... Дальнейшая дневная программа: снача-

ла немного поработать над выписками из Дубнова²³, затем — очистить от ростков наш скучный остаток картофеля. Мы все больше страдаем от недостатка еды. Еве приходится довольствоваться бесталонным «фирменным» блюдом, которое она иногда перехватывает по дороге в ресторане, так как пока мы можем покупать только один хлеб, а новые талоны выдадут лишь через неделю. Мне постоянно стыдно, что я слишком много ем.

23 июня, вторник, раннее утро

Новейшее распоряжение: с 30 июня закрываются все еврейские школы, давать еврейским детям частные уроки также запрещено. Духовный смертный приговор, вынужденная неграмотность. Это у них не пройдет.

²³ Семен (Шимон) Маркович Дубнов (1860–1941), еврейский историк, автор 10-томной «Всемирной истории еврейского народа» (на немецком языке вышла в Берлине в 1925–1929 годах). После прихода Гитлера к власти эмигрировал в Ригу, где во время немецкой оккупации был убит вместе с рижскими евреями в гетто. Клемперер читал его автобиографическую книгу воспоминаний «Моя жизнь», вышедшую в 1937 году.

Грузовик, доверху груженный чемоданами и свертками, подъехал к дому: отовсюду вывозится конфискованное прядильное сырье. (Арийцы добровольно отдают некоторое количество старых вещей; у евреев в принудительном порядке забирают всё. Оставлять разрешено лишь то, что необходимо «для скромного повседневного употребления». Как это будет истолковано гестапо?) Несмешанные еврейские семьи должны сдать также все электрические приборы и граммофоны. От этого мы — пока что — освобождены.

12 июля, воскресенье, первая половина дня

Еве — шестьдесят. Ни один из ее дней рождения, даже во время прошлой войны, мы не отмечали, находясь в столь ужасном положении. У нас ничего нет, мы вечно голодны, наша жизнь находится под постоянной угрозой. Я даже не могу сказать: мы это наверстаем, праздник еще будет, так как кто знает, как велик наш шанс дожить до времени, когда это можно будет наверстать?

14 июля, вторник, к вечеру

Кетхен оформила в полиции отпуск, чтобы провести последнюю ночь с матерью. Пожилые люди были перевезены вчера после обеда из приюта Святой Генриетты в находящийся неподалеку от нас дом общины (Цойгхаусштрассе) и провели там ночь в общем зале на шезлонгах. Затем в пять их посадят на грузовик (с поставленными в кузов скамейками и опускающимся брезентовым навесом), а на прицеп погрузят их вещи. Кетхен рассказывает, что за погрузкой наблюдали несколько человек, арийцев, которые вслух выражали свое недовольство: «Как они обращаются с евреями! Их грусят и везут, словно скот!» Доктор Кац вновь сопровождал этот транспорт. Его повсюду не любят. Напротив, о безвозмездно выполняющем обязанности главы общины Хиршеле все говорят с любовью и восхищением. Этот человек буквально изнуряет себя. Сегодня в три часа ночи он попрощался с теми, кого эшелоном увозят в Польшу, затем поспешил сюда, к старухам из приюта; после их отъезда он сразу же вернется в свою прием-

ную. Вся работа и все несчастья, как всегда, свалятся на него.

19 июля, воскресенье вечером

Первый день действительно ужасного, непереносимого голода. Крошечный остаток картошки, такой черной и вонючей, что желудок выворачивает наизнанку, и крошечный кусочек хлеба. Ничего нельзя раздобыть и для Евы, у нее не осталось талонов. Завтра она будет вынуждена просить милостыню у хозяйки мясной лавки. Во второй половине дня навестили Кронхаймов, которые живут сейчас на Альтенцеллерштрассе и с которыми мы недавно, после долгого перерыва, встретились на захоронении урны Фридхайма; они письменно поздравили Еву с шестидесятилетием и настойчиво просили к ним зайти. От фрау Кронхайм почти ничего не осталось; после тяжелых истязаний и под угрозой отправки в Терезиенштадт²⁴ она постоянно думает

²⁴ Концентрационный лагерь, расположенный в Северной Богемии. Со временем стал транзитной станцией на пути к лагерям уничтожения.

о веронале (я сказал, что веронал сейчас – это «еврейское лакомство»), Склонная к тяжелой истерии дочь, работающая на заводе «Цейс-Икон», хотела бы выдать мать замуж за одного своего пожилого коллегу (если один из супругов работает на оборонном предприятии, вопрос об «эвакуации» не стоит). Настроение было мрачное. Но появилось несколько маленьких печеньиц к сладкому эрзац-кофе, они помогли нам продержаться пару часов.

Самое новое ограничение для евреев: запрет покупать или выписывать газеты; арийская жена, если муж носит звезду, также не вправе выписать на свое имя или купить хоть какую-нибудь газетенку.

20 июля, понедельник

Вчера у Евы был очередной срыв; она возлагает вину за это на меня, но виноваты только наше теперешнее положение и ужасающий голод. Первая вспышка была, когда я посоветовал ей во время обеда взять к супу последний кусочек хлеба. Затем наступило успокоение, мы были у Кронхаймов. После этого я посоветовал ей, так как время уже довольно позднее, постараться-

ся раздобыть в городе еще что-нибудь из съестного; воспользовавшись трамваем, она будет дома едва ли позже меня. Ева вернулась только в половине девято-го, совершенно измотанная; она напрасно заходила в восемь ресторанов, лишь в девятом ей удалось полу-чить одну тарелку супа. Я почистил и отварил остаток черных картофелин, Ева сделала к ним капельку соуса, а затем у нее началась судорожная икота и тяжелый кашель, который и сегодня, несмотря на кодеин, еще не прошел. У Евы сложилось абсурдное впечатление, что я прогонял ее в город.

Сегодня мы вновь лишены возможности что-либо купить и продолжаем страдать от невыносимого го-лода. Вечером Ида Крайдль обещала дать нам миску старых картофелин. Хлеб кончился: вчера еще один кусочек подарила нам Эльза Крайдль. Ничего подобно-го я в своей жизни не испытывал, включая и прошлую войну. Впервые голод буквально причиняет мне ощути-мую боль. Я таскаю у Кетхен из ящика кухонного стола кусочки сахара. Ева принесла несколько карамелек, сама она смогла немного поесть в ресторане.

21 июля, вторник, середина дня, ближе к вечеру

Владелица дома Ида Крайдль показала нам письмо из НСДАП, в котором говорится и про наш этаж: «еврейскую квартиру Фосс» к 1 сентября предписано освободить. Ева относится к новому переезду с холодным безразличием. С тех пор как не стало нашего котика, ей, в сущности, абсолютно безразлично, где мы будем жить. Когда мы въезжали сюда в мае 1940 года, мы говорили себе, что это временное пристанище. Теперь, по прошествии двух с четвертью лет, у нас будет новое «временное пристанище», но в каких неизмеримо худших условиях. Возьмем, к примеру, лето. Летом 1940 года нам были доступны далекие экскурсии, летом 1941 года — хотя бы пешие прогулки и еда досыта, летом 1942 года — Ева бегает по городу, чтобы хоть что-нибудь купить, а я живу как пленник и мы оба жутко голодаем. Я ежедневно задаю себе вопрос, переживу ли я грядущее лето 1943 года. Остальных мужчин нашего «еврейского дома» уже нет в живых; если верен вчерашний слух, то нет и Пауля Крайдля.

25 июля, суббота, ближе к вечеру

Уже можно констатировать новое убийство. Полчаса назад в дверь позвонили, я открыл и увидел внизу женщину, которую не узнал, она хотела видеть фрау Фосс и быстро устремилась наверх. Затем мы услышали, что в комнате Кетхен громко и надрывно в два голоса плачут. Это невестка Кетхен, она принесла ей известие о смерти ее брата Иоахимстяля, арестованного примерно две недели назад. Арест, все равно из-за какой малости, — брат Иоахимсталь, по одной версии, «прикрыл звезду», по другой — сидел после закрытия в ресторане, в котором работает его жена, — теперь стал идентичен умерщвлению, прямо здесь, на месте; для этого не требуется даже послать человека в концлагерь.

26 июля, воскресенье утром

Я холоден, позорно холоден по отношению ко всем этим событиям и сценам, я веду себя не как альтруист. Но я лишь пытаюсь уйти от этой дрожи, от этих приступов смертельного страха. Но дрожь все снова сотряса-

ет меня, и я думаю: они непременно скоро придут и за мной. Речь идет уже не об имуществе — каждый из нас обречен на смерть. Этот Иоахимсталь жил в смешанном браке, не имел никакого состояния, был участником войны, работал на оборонном предприятии, стоял в списке на вывоз последним (отправляющимся в этот понедельник) транспортом (как же так?) и тем не менее был убит. (Как же так?) Если они убьют меня, то сэкономят пенсию. Каждый раз, подходя к почтовому ящику, я думаю: там может лежать повестка с вызовом в гестапо. Вчера вечером при прощании у двери в коридор фрау Ида Крайдль, словно подводя итоги, бормочет себе под нос: «Эрнста, профессора, брата фрау Фосс... Всех они убивают». Профессора? Она имела в виду «доктора» (Фридхайма), она всегда называла нас «доктор» и «профессор», она просто перепутала титулы. Обычное дело, но меня словно обдало волной ужаса. Я так безумно хочу прожить еще пару лет, я испытываю панический ужас именно перед такой смертью, перед тем, что, возможно, потянутся долгие дни ожидания, когда уже будет доподлинно известно, что ты умрешь; перед пытками, перед угасанием в аб-

сolutном одиночестве. Я каждый раз спасаюсь тем, что стало теперь моей работой: я погружаюсь в эти записи, углубляюсь в чтение. Я не только остаюсь холден к сообщениям обо всех этих ужасах и зверствах, я испытываю даже некое удовлетворение: «И об этом ты можешь оставить личное свидетельство, и это тебе довелось пережить; как это обогатит “Curriculum” или “LTI”!» И я кажусь себе мужественным оттого, что осмеливаюсь все это писать. В самой глубине души, конечно, таится спрятанная ото всех мысль: мне так часто удавалось уцелеть и уйти от опасности — почему мне должно не посчастливиться на этот раз? Но моменты невыносимого страха делаются все длиннее и наступают все чаще.

6 августа, четверг, первая половина дня

У меня мерзнут руки. Это лето отмечено холодом и дождями. Урожай не может быть хорошим, у него не было возможности подняться и наверстать упущенное после долгой зимы. Но будут ли голодать многочисленные арийцы, как немногие оставшиеся евреи? J'en

doute²⁵. Уже две недели повсюду избыток капусты — кто при этом будет думать о предстоящих голодных неделях? А между тем немецкое наступление подбирается все ближе к Кавказу, в то время как англичане и американцы пассивно за этим наблюдают. Я уже не верю больше в близкое окончание войны. Я не считаю даже вполне исключенной конечную победу Германии — возможно, в форме какого-нибудь благоприятного для нее компромисса. Конечно, «1000 лет» гитлеровская империя, безусловно, не протянет, но даже 1000 дней могут означать для меня вечность.

Привыкание: прошло около двух недель со времени убийства Иоахимстала, около двух месяцев с тех пор, как у нас прошли домашние обыски. И я уже живу в состоянии некоего тупого спокойствия. Привыкание: в четверг вновь уходит эшелон в Терезиенштадт, и мне уже кажется, и всем здешним евреям тоже кажется, что это является заурядным, само собой разумеющимся событием.

²⁵ Я в этом сомневаюсь (франц.).

16 августа, воскресенье, вторая половина дня

Примерно двадцать лет назад, когда у нас жил Вальтер Йельски²⁶, Ева видела выступление одного молодого танцора, которым интересовался Вальтер: Харальда Кройцберга²⁷. Теперь этот человек снова выступает здесь, как объявлено в афишах, — как раз сегодня, во второй половине дня, в «Народном театре» (прежде: «Театре Альберта», где мы с Евой видели английских актеров). Ева заговорила об этом, и я уговорил ее пойти; таким образом, у нее как раз сейчас, как она это называет, «арийский выход». Действительно выдающееся событие, которое вызывает у меня, у нас глубокое душевное волнение. Мне пришлось долго ее уговаривать. Скоро четыре года, как мы совершенно отрезаны от всех общественных мероприятий, от театра, от кино и т. п. Беспредельная бедность нашего существования! Ева должна держать свой поход ото всех втайне, иначе он вызовет слишком сильную зависть. Завидую ли я? Определенно нет. Меня бы огорчило, если бы она

²⁶ Племянник В. Клемперера, сын его сестры Марты.

²⁷ Танцор и хореограф (1902–1968).

не пошла. Тем не менее... Мне живо представляется все, чего я лишен и, возможно, никогда уже не обрету вновь. Воздержанность грязнит человека. Распространяется ли она на сахар или на кино, на табак или на женщин, на хлеб или автомобиль. От лишений человек нередко делается одержимым грязной жадностью или похотью.

20 августа, четверг, середина дня

Фрау Пик совершила вторую попытку покончить с собой, на этот раз успешную. Страх перед истязаниями гестаповцев, перед отправкой в лагерь, возможно также, не меньший страх, который внушал ей неизвестный Терезиенштадт. В последние дни она была вполне бодрой и жизнестойкой, по вечерам говорила больше всех и часто повторяла: «Об этом не нужно думать» или «Об этом не стоит говорить». То, что она дарила подарки «на память»: запонки своего мужа из лунного камня — племяннице Геде, черную кофточку — Еве (Ева уже брала эту кофточку на похороны Иоахимстала, теперь она наденет ее при прощании с самой фрау Пик), никого не настораживало, ведь ей предстоял отъезд. Снова Ида

Крайдль ранним утром поднялась к нам. Ева сошла вниз первой, в семь часов, а потом сказала мне: в этот раз все серьезней, она уже хрипит. Через пятнадцать минут я тоже был внизу, но теперь уже не было слышно ни звука, рот фрау Пик был открыт, глаза тоже открыты, видимо, уже наступила смерть. Я вновь звонил по телефону от садовника Миклея, которому рассказал про все наши несчастья. Сообщил Кацу, что фрау Пик, по всей видимости, умерла; он ответил, что будет у нас около одиннадцати. Затем я вдруг почувствовал сомнение и укоры совести: я же не мог с уверенностью определить смерть; что если еще есть возможность ее спасти — к счастью ли для фрау Пик? Я позвонил Кацу еще раз: он мне возразил, что если ей не поможет сама природа, то и он ей помочь не в силах, для промывания желудка уже слишком поздно. Когда спустя несколько часов Кац пришел к нам, уже началось трупное окоченение. Я снова с ужасом констатировал у себя совершенное безразличие и полное отупение. Моя первая мысль была: мы сможем теперь унаследовать ее картошку. Мы знали фрау Пик с февраля. Она была, в хорошем смысле этого слова, настоящая

дама (*mutatis mutandis – duchesse*²⁸ в тюрьме времен Французской революции), личность глубоко духовная, характер стоический. Фрау Пик была также необыкновенно жизнеспособной. И умственно, и физически она казалась значительно моложе своих семидесяти семи лет.

Для каждого транспорта, увозящего евреев, заранее намечаются запасные кандидаты: гестапо не сомневается, что обязательно будет совершено некоторое количество самоубийств. О, немецкая организованность и предусмотрительность!

В течение этих последних месяцев я многое изучил и теперь знаю: начиная с Ездры²⁹, собственно, и появляется подлинная еврейская религия, «Закон», много сотен различных предписаний, которые накрепко привязывают еврея, проводят его через все дневные часы, служат ему руководством при совершении самого незначительного действия, постоянно держат на привязи, напоминая о Боге. Гестапо — в точности как

²⁸ Герцогиня (франц.).

²⁹ Имеется в виду «Книга пророка Ездры» из Ветхого Завета.

Ездра. О гестапо нельзя забыть. Я хотел бы однажды зафиксировать почасовой график нашего обычного дня (без таких чрезвычайных событий, как убийство, самоубийство или домашний обыск). Первая, естественная мысль при пробуждении: придут ли «они» сегодня? (Существуют опасные и неопасные дни — пятница, например, особенно опасна, так как «они» предполагают, что уже сделаны закупки на воскресенье.) Мысль при умывании, утреннем душе, бритье: куда бы спрятать мыло, если «они» придут? Затем завтрак: все приносится из потайных мест и туда же убирается. Затем — отсутствие сигары; страх при курении трубки, набитой ежевичным чаем; в тюрьму за это, скорее всего, не посадят, но основательно поколотят. Отсутствие газеты. Звонок почтальонши, разносящей письма. Страх и сомнение: действительно ли это почтальонша или это «они»? И что она принесет нам на этот раз? Затем — часы работы. Дневник: это смертельно опасно, я рисую жизнью; книга из библиотеки: за это непременно поколотят; рукописи: если их найдут, то обязательно порвут. Каждые несколько минут внизу проезжает машина. Не «они» ли это? Каждый раз — рывок к окну, на

улицу смотрит только окно кухни, а окно рабочей комнаты выходит во двор. Кто-то обязательно позвонит в дверь; по меньшей мере один звонок в первую половину дня, один звонок после обеда. Не «они» ли это? Затем — покупки. В каждом автомобиле, на каждом велосипеде могут оказаться «они»; в каждом пешеходе можно предположить одного из «них». (Я достаточно часто подвергался на улице браны и оскорблений.) Вдруг мне приходит в голову, что я зажал портфель под мышкой с левой стороны — может быть, я случайно закрыл звезду? Может быть, на меня уже донесли? Как мужу, состоящему в смешанном браке, мне все же не приходится опасаться столь многих подвохов, как остальным. Если фрау Крайдль, отдавая большой талон с пометкой «J», получает в качестве сдачи несколько маленьких талонов без такой пометки (избежать этого невозможно), она тут же засовывает «арийские» талоны под подкладку сумки, так как иметь их при себе строго запрещено. И всегда у фрау Крайдль спрятан какой-нибудь запретный, «дефицитный» товар. В этом отношении я немного более защищен: Ева может иметь это легально. Затем я отправляюсь кого-нибудь на-

вестить. Вопрос по дороге туда: не застану ли я там домашний обыск? Вопрос по дороге обратно: не побывали ли «они» тем временем у нас, не там ли «они» сейчас? Какая мука; если поблизости затормозит машина. Не «они» ли это? А после возвращения снова рискованная игра в тайники и прятки, как утром и в обед. (При приходе или посещении знакомых, естественно, говорят только и исключительно о последних несчастьях и бедах.) С девяти часов вечера обстановка спокойнее. Теперь в дверь может позвонить, в самом крайнем случае, только дежурный полицейский. Он вежлив, это не гестапо. При отходе ко сну последняя мысль: я сплю обычно без снов, теперь до раннего утра — полный покой. Но недавно мне все же приснился сон: меня будто бы готовились повесить в тюремной камере. Сны о том, как меня казнят, снились мне, когда я был совсем молодым. Потом они исчезли. Тогда причиной могло быть половое созревание, теперь — гестапо.

Должно быть, фрау Пик покончила с собой, сохраняя полное спокойствие. Прощальная записка на ее столе написана обычным ровным почерком — совсем иначе, чем порой мои дрожащие каракули, — и прекрасно

оформлена стилистически: «Я благодарю всех, всех, кто так скрасил мне своей сердечной вежливостью эти два с половиной года в Штрелене». (Она имеет в виду семью Хиршелей, нас и Марквальдов.) Сердечная вежливость: все взвешено и обдумано!

Вечером

Все прошло быстро и без задержки. Около двенадцати прибыл Кац и констатировал трупное окоченение и *exitus*³⁰, примерно пять часов назад; он распорядился относительно всего остального: через полчаса у нас была полиция, еще через полчаса — катафалк со знакомыми мне уже людьми с кладбища и со знакомым, служащим для перевозки, торжественным гробом, который явно существует у них в единственном экземпляре. Бог знает, куда деваются трупы, которые не подвергаются кремации. Ближе к вечеру я принес печальное известие пришедшем в ужас Марквальдам.

³⁰ Смерть (лат.).

21 августа, пятница, первая половина дня

Вчера вечером Ева в основном урегулировала наш квартирный вопрос и решила принять предложение Райхенбаха (преемника покойного Эстрайхера), согласившись на две комнаты на Лотрингервег (Блазевиц), которые, говорят, имеют как некоторые преимущества, так и недостатки.

23 августа, воскресенье, первая половина дня

Мне так редко снятся сны. А сегодня утром я опять проснулся в холодном поту. Мне приснилось, что из-за жары на улице я снял на трамвайной остановке плащ, положил на землю (плащ со звездой) и стоял в жакете, без звезды. Со мной заговорили два господина: «Мы часто видели вас с еврейской звездой. Почему же?..» — и тут я проснулся с леденящим чувством страха. Недавно я был во сне повешен, сегодня оказался без звезды, все ведет к одному.

24 августа, понедельник, первая половина дня

Вчера состоялся прощальный визит к Кронхаймам, впечатление очень тяжелое. Дочь с ее истерическими рыданиями держится хуже, чем мать, которая на прощанье обняла меня и поцеловала. В комнате упакованные вещи и белье для стирки; подлежащий сокрытию пакетик с сахарином срочно зашивается в розовый корсет; между тем мать и дочь периодически кричат друг на друга и взывают о помощи. Слава Богу, пришел Глазер, который давно знает эту семью; уйти с ним вместе было настоящим освобождением.

Вечером у нас дома мы вновь попали в атмосферу предстоящей эвакуации. Но Ида Крайдль казалась очень спокойной, почти радостно взволнованной: она рассчитывает встретить в Терезиенштадте сестру из Праги и едет туда вместе с одной из невесток. Ее хорошее настроение (естественно, в сочетании с чрезвычайной взволнованностью) сохранялось всю первую половину дня и сегодня. Начиная с раннего утра она часто поднималась к нам наверх. Мы получили от нее «в наследство» очень многое: картошку, муку, набор

инструментов etc. Затем в одиннадцать появился комиссар гестапо; я открыл ему дверь, и он обратился ко мне на «вы», гуманист, да и только. После его визита я увидел слезы на глазах фрау Крайдль. «Я теперь как бездомная собака», — сказала она. Над замочной скважиной ее квартиры в первом этаже налеплены четыре красные сургучные печати гестапо: отныне все внутри квартиры принадлежит государству, владелица остается абсолютно голой и босой. (При том, конечно, что она, по собственному признанию, надела на себя пять платьев, одно на другое, а также шесть трусиков и шесть пар чулок. И еще ей принадлежит то, что вместилось в небольшой чемоданчик и дамскую сумку.) Когда комиссар позвонил — а он затрезвонил во все наши звонки, — она, прервав свою деятельность, оказалась в одном коричневом чулке на правой ноге и в одном сером на левой. Еще час она провела наверху у своей невестки. Прощаясь с нами, она продолжала держаться мужественно, во второй раз за этот день меня обняли и поцеловали. В два часа дня пятьдесят человек должны собраться в доме общины. Переночуют там же на шезлонгах, отправление завтра, рано

утром; следующая группа — через две недели. Вчера поздно вечером заходил еще глава общины — Хиршель; после того как он посетил Иду Крайдль, он ненадолго поднялся к нам и пригласил нас в субботу к себе на чай.

Новые постановления (которые по порядку?): а) евреям запрещено покупать мороженое. (Вообще-то, по моим наблюдениям, в кондитерской Крамера мороженым лакомятся только стайки ребятишек. Но как-то недавно усталая и замученная фрау Марквальд сказала мне: а теперь пойду и куплю мороженое у Крамера. Отныне она это сделать уже не сможет.) б) Следует немедленно сдать все ненужные ключи, «в особенности ключи от чемоданов».

Второй «еврейский дом»: Дрезден-Блазевиц, Лотрингервег, 2. 3 сентября 1942 года

8 сентября, вторник, первая половина дня

В этом заколдованным доме возникают все новые фигуры и партии. Отношения со всеми — любезные, близости пока еще нет ни с кем, даже с фрау Циглер, которая вообще-то дома бывает редко, но всегда готова прийти на помощь в случае нужды; она совсем не навязчива и не утомительна.

Сегодня рано утром фрау Циглер пришла из общины, где она ночью опекала паству, намеченную к транспортировке³¹. Она сказала, что самый страшный момент — это когда людей сажают в кузов грузовика и тут же со всех четырех сторон опускаются и закрепляются

³¹ Из пятидесяти жителей Дрездена, высланных в Терезиенштадт в тот день, то есть 8 сентября 1942 года (транспорт V/6), и прибывших туда 11 сентября, тридцать девять человек умерли в самом Терезиенштадте (среди них уже 14 сентября — Фриц Марквардт). Остальные одиннадцать из этой группы были отправлены дальше, в Аушвиц, и погибли там.

стены из брезента. «Везут, как скот, в полной темноте». Она рассказывала также, что одной пожилой даме передали письмо как раз в тот момент, когда вошел комиссар гестапо. Письмо было совершенно безобидным: от дочери. Но вложенная в конверт фотография внучки была разорвана. «Вам не разрешается брать с собой никаких фотографий». Одна фраза в письме звучала так: «Возможно, мамочка, мы еще увидимся, бывают же на свете чудеса». Комиссар, читавший письмо вслух, откомментировал: «Никаких чудес для вас не запланировано, не воображайте».

19 сентября, суббота, вторая половина дня

В этот день, ровно год назад, мне была нашита еврейская звезда. Какие неописуемые бедствия обрушились на нас в этом году! По сравнению с ними все, что было прежде, кажется таким безобидным и легким. И Стат-

линград падет со дня на день³², и в октябре будет больше хлеба — это значит, что правительство сумеет продержаться еще и эту зиму; это значит, что у него будет достаточно времени для полного истребления евреев. Я в полном отчаянии. К тому же эта постоянная усталость. Сейчас мне предстоит отправиться в довольно далекий пеший поход — до самой Винерштрассе. Прощальный визит к Пинковицу, оттуда к Хиршелям — поклянчить картошки.

³² В сентябре 1942 года 6-я немецкая армия прорвалась в окраинные районы Сталинграда и сумела занять до 90 процентов городской территории, но Сталинград, как известно, не пал, гитлеровские части попали здесь в окружение, и 6-я армия, во главе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом, потеряв огромное количество людей и боевой техники, сдалась в плен. Победа Советской Армии в Сталинградской битве имела важное стратегическое и международное значение и явилась началом коренного перелома в Великой Отечественной и второй мировой войне.

Дневник Герцля³³.

23 октября, пятница вечером

Все разговоры между евреями заканчиваются одним соображением: «Если у них хватит времени, они прежде своего конца убьют нас». Один человек сказал вчера фрау Циглер, что чувствует себя в точности как теленок на скотобойне: он глядит, как убивают других телят, стоящих впереди, и ждет, когда придет его очередь. Этот человек прав.

Завтра Ева собирается вновь поехать в Пирну. Нужно привезти оттуда еще денег (они подходят к концу) и отвезти кое-что в безопасное место (недавно при сдаче металла нам удачно помогла Эльза Крайдль); прежде всего речь, конечно, идет о моих рукописях.

³³ Теодор Герцль (1860–1904), австрийский писатель и политик, основатель политического сионизма, цели которого он изложил в своем сочинении «Еврейское государство» (1896); созвал в 1897 году всемирный сионистский конгресс в Базеле и был избран первым президентом Всемирной сионистской организации, ставившей своей целью создание самостоятельного еврейского национального государства в Палестине.

Правильно ли, что я нагружаю этим Еву? В случае беды это, без сомнения, будет стоить ей жизни так же, как и мне. Сейчас умирают за куда менее значительные дела. Я спрашиваю себя снова и снова, вправе ли я так поступать. Я спрашиваю себя все чаще, действительно ли у Аннемари так безопасно. Она ведь уже неоднократно привлекала к себе внимание своими антинацистскими взглядами. Достаточно одного домашнего обыска — и мы погибнем, все трое. Но, в конце концов, говорю я себе, надо быть фаталистом, и, помимо того, я ведь исполняю свой долг. Но действительно ли это мой долг и имею ли я право подвергать такой опасности Еву?

27 октября, вторник, первая половина дня

В воскресенье фрау Циглер принесла из обчины обнадеживающие слухи. Якобы уже идут мирные переговоры между США и Италией; русские будто бы запросили перемирия... Об Италии мы и раньше слышали, что она сыта войной и Америка пытается ее переманить, обещая освободить интернированных во время войны итальянцев. Ближе к вечеру к нам зашли Хирше-

ли, они тоже знали об Италии и тоже возлагали на это некоторые надежды. Однако прежнего различия между евреем-оптимистом и евреем-пессимистом уже не существует. Каждый, буквально каждый, скажет одно и то же, и даже чаще всего в одной и той же формулировке: «Они проиграли, их конец уже близок, их положение безнадежно, но если события не будут развиваться достаточно быстро — а на это пока что не похоже, — они просто успеют всех нас добить». В самом деле, смерть уже бродит вокруг так близко и так страшно, как никогда прежде. Восемь женщин — за одну только неделю; восемь еврейских женщин из малочисленной дрезденской общины «умерли» за одну последнюю неделю. Число это мы узнали от Хиршеля. Но еще отвратительнее этих убийств доведение до голодного истощения еврейских детей. Фрау Хиршель дала нам точные данные об уменьшении норм выдачи продовольствия для еврейских детей: ужасающие сокращения коснулись мяса, хлеба, сахара, какао, фруктов... Она говорит, что для нее самое ужасное — постоянные жалобы на голод ее маленьких сыновей: «Мама, посмотри, этот мальчик держит колбаску и от

нее откусывает!» — «Мамочка, я так голоден». — «Мама, почему мы получаем теперь только два ломтика хлеба?..» И т. д. весь день напролет!

13 ноября, пятница вечером

Вчера письмо от Каролы Штерн-Хиршберг³⁴. Она была назначена на эвакуацию 16 октября и с чемоданом и рюкзаком привезена в синагогу. Там ей предстояло вместе с остальными провести три дня, а затем быть отправленной неизвестно куда — в сторону Польши. После проведенных в синагоге трех ночей и двух с половиной дней ее вдруг неожиданно отпустили; оказалось, ее затребовало оборонное предприятие, на котором она работала (очевидно, как специалиста?). Она бурно радуется тому, что называет «вновь подаренной свободой». (Все относительно.)

Во второй половине дня Френкель и фрау Циглер подтвердили то, что прежде считалось лишь слухом:

³⁴ Сестры Штерн, родственники семьи Майерхоф, — близкие друзья Клемпереров еще в далекие берлинские годы. Среди них — Карола Штерн-Хиршберг.

рабочие-евреи на заводе «Цейс-Икон» — а их около трехсот из шестисот находящихся еще в Дрездене евреев — отныне будут жить в бараках. Фактически это та же эвакуация, они так же будут лишены всякой собственности, кроме небольшого ручного багажа, их будут содержать, как заключенных: общие спальни, общее питание, их будут группами водить на работу, а в остальное время держать взаперти в лагере; никаких книг, никаких газет, никакой связи с миром. А что будет с остальными здешними евреями, с теми, кто живет в смешанном браке, с нами? Поскольку власти стремятся к строжайшей изоляции евреев, нас тоже не оставят на свободе. Ходит слух, что все смешанные семьи собираются запихнуть в дом общины и в приют Святой Генриетты. Я этого очень страшусь. Ева была вчера во второй половине дня у Кетхен Сары, которая также должна переселиться в барак. Зазвонил звонок, и они обе долгое время сидели в темноте за запертой дверью, ведь это могло быть гестапо, а принимать арийских гостей запрещено. Ева говорит, что Кетхен Сара совершенно обезумела от страха. Но барак, который так долго был для нее жупелом, теперь почти

совсем не вызывает эмоций. Люди постепенно тупеют, изматываются, впадают в апатию, они хотят лишь одного — сохранить хотя бы жизнь.

21 ноября, суббота, вторая половина дня

Фрау Циглер подарила мне чудесный, почти новый домашний халат своего умершего мужа. Первый халат в моей жизни. Мне всегда было принципиально не симпатично это обвислое, филистерское, старческое одеяние. Но когда я сегодня с половины пятого утра до шести часов читал вслух — все еще «Белую обезьяну»³⁵, — я оценил его удобство и полюбил его, полюбил надолго. Принимать такие подарки стало у нас сейчас обычным делом. Ибо то, что изгнанные иувозимые не раздаривают, полностью присваивает себе гестапо (даже если они порой зачисляют на блокированный счет ограбленного номинальную стоимость какой-либо вещи, как мне, например, начислили 40

³⁵ Роман английского писателя Джона Голсуорси (1867–1933); входит в трилогию «Современная комедия», которая является продолжением его «Саги о Форсайтах».

марок за мою отобранные пишущую машинку). Носить «унаследованные», бывшие в употреблении предметы одежды стало теперь общим уделом. Чего только я не ношу на себе из такого «наследства»! Шляпу Джона Ноймана (пока я берегу ее для лучшей погоды), домашнюю куртку того же происхождения, ботинки, некогда принадлежавшие Паулю Крайдлю, носки Эрнста Крайдля и завершившего свой жизненный путь господина Циглера, неизвестно чьи брюки из «вещевого склада» общины, три рубашки — из того же источника, рубашка павшего на поле бранни Хезельбарта из Дольщена.

Ева теперь все время в бегах, сегодня — и с утра, и после обеда. К ее рысканью по магазинам прибавилась нагрузка по оказанию всевозможной помощи людям из бараков. Она шьет для них чехлы, которые можно будет набить соломой, передает им (а также забирает) те или иные вещи. При этом сама гриппует и крайне переутомлена. Я спрашиваю себя как эгоист, что с нами обоими будет, если она окончательно свалится. Я имею право делать покупки только в течение одного часа, при этом пользоваться трамваем мне запрещено; наша кухня находится в подвале, и постоянно ходить

вниз-вверх мне тоже не так-то легко. Я спрашиваю себя по сто раз на дню, кому из нас двоих приходится тяжелее. Возможно ли это взвесить? Если Ева путем развода сможет избежать отправки в Польшу или бараков, она непременно должна решиться на развод; впоследствии его можно будет опротестовать как сделанный под давлением. Ибо: 1) вероятно, она смогла бы таким способом сохранить некоторые ценные вещи из нашего имущества; 2) она сумела бы сразу после наступившего долгожданного поворота оказаться помочь мне — если же она окажется в заключении вместе со мной, она этого сделать не сможет; 3) я вообще не терплю, когда вдовы сжигают себя на погребальном костре. Если я буду расстрелян в Польше или «при попытке к бегству», она должна позаботиться о судьбе моих рукописей и жить на радость нескольким кошкам. Но пока до этого дело еще не дошло.

26 декабря, суббота, первая половина дня

Второй день праздников, очень легкий мороз, температура, скорее всего, чуть выше нуля.

Собственно говоря, наибольший страх у меня был перед Рождеством. На этот раз, однако, при всей нашей крайней нищете и угнетенности, оно проходит сравнительно благополучно. Ева купила очень славную елочку, замечательно ее украсила и поставила на рояль. Подарки, хорошая еда, спиртное, сладости — всего этого, конечно, нет и в помине, на этот раз все еще более скучно, чем было в прошлом году, а сколько мы с тех пор навидались чужого горя и пережили сами. Две главные мысли не давали нам покоя: «Это будет последнее Рождество, прожитое в Третьем рейхе». — «Но мы предполагали это и в прошлом году, и мы ошиблись». И снова: «На этот раз все будет иначе». — «Но мы уже так часто недооценивали силу сопротивления национал-социализма». И так далее: все те же колебания, все те же слова. Когда около десяти мы уже собрались лечь, к нам поднялся Герберт Айзенман, и мы еще немного поболтали о войне, но так ни к чему и не пришли.

31 декабря, четверг вечером

Утром пришлось совершить очень утомительный путь до банка (плата за квартиру). Община (новогодние поздравления в лагерь, пустая, бессодержательная газета), Штайниц. Незадолго перед тем, возвращаясь от зубного врача, Штайниц был остановлен на Прагерштрассе гестаповцем: «Нечего тебе здесь делать, убирайся отсюда и больше по центральным улицам не ходи». К вечеру мучительные боли во всем теле и в желудке — капуста и картошка, картошка и капуста! Настроение ужасное. Все, с кем мы встречали прошлый Новый год, стерты с лица земли, умерли, убиты, покончили самоубийством, увезены на погибель. Этот год — 1942-й — пока что из всех десяти лет под властью нацистов был наихудшим: нас подвергали все новым унижениям, преследованиям, истязаниям, оскорблением, клеймили позором; убийство всегда было рядом, и на нас тоже попадали брызги крови убитых; каждый день мы ощущали нависшую над нами смертельную угрозу. И при этом я могу лишь сказать: это был пока что наихудший год, многое говорит за то, что террор

еще усилится, а когда придет конец войне и этому режиму, определить трудно.

Весь год я был лишен возможности работать по специальности, заниматься творчеством — все было выбито у меня из рук. Я лишь пытался, с помощью всех доступных мне книг, хоть немного расширить и пополнить свое образование; время от времени занимался подготовкой «LTI» (особой главы о евреях); в самое последнее время сумел кое-что наверстать по части новейшей французской литературы. Но этому пришел конец, так как библиотеку Начева закрыли.

3 сентября мы переехали сюда, в наш второй «еврейский дом».

Из друзей молодости умерли Эрих Майерхоф и Ханна Штерн-Кристиани. Из членов моей семьи в августе умерла сестра Грета.

1943

1 января, пятница вечером

Недостаток бумаги настолько велик, что нигде нельзя раздобыть отрывной календарь.

Герберт Айзенман сообщил об обращении Гитлера к армии и народу: в этом, 1943-м году он достигнет наконец «ясной и окончательной победы». Отец Айзенмана вновь высказал свое убеждение, что режим развалится в марте. Фрау Эгер, которая держится ото всех в стороне и всегда носит улыбчиво-невозмутимую маску, которая никогда ни одним словечком не даст понять, что знает о пребывании своего мужа в концлагере, нанесла нам новогодний визит. В присутствии ее и Левински я напрямик отстаивал точку зрения, что режим готов пасть, отстаивал настолько категорически, что почти убедил в этом самого себя. Но в глубине души я ощущаю безнадежность. Я даже не в состоянии

представить себе, что смогу когда-нибудь жить без звезды, как свободный человек, и вдобавок в сносных материальных условиях.

17 января, воскресенье, середина дня

На заводе «Цейс-Икон» евреям в массовом порядке объявляют об увольнении. Они уже проделали это с доброй половиной еврейского персонала. Прежде завод противодействовал гестапо, уверяя, что еврейские цеха особенно хорошо вошли в курс дела и сработались и потому их необходимо сохранить. В прошлом году при эвакуации дело приняло довольно-таки драматический оборот: сначала людей назначало к вывозу гестапо, затем завод забирал назад своих, уже готовых к эвакуации, евреев. Теперь якобы имеется специальное имперское постановление: отныне на оборонных предприятиях не должен работать ни один еврей. (Страх и террор возрастают вместе с ухудшением внешнего положения страны.) Пока что уволенных определяют на другую работу в Дрездене. Кетхен Фосс будет работать на железной дороге и заниматься уборкой вагонов. Но угроза отправки в Польшу сохраняется.

Приблизительно одновременно с Эгером был арестован преподаватель языка Кронталь, который состоит в смешанном браке. Никакого особого имущества он не имеет, но говорят, что он позволял себе неосторожные высказывания и, вопреки запрету, давал частные уроки. (Например, учил языкам детей Хиршеля, который из-за этого сидел в тюрьме.) Теперь получены извещения об их смерти из Аушвица — урны с прахом не высылаются. Это рассказал мне вчера Якоби, заведующий кладбищем.

Если я возвращаюсь с кладбища домой по Фидлерштрассе, я прохожу мимо большой школы (или школьного комплекса?). Часто оттуда толпой выбегают ученики, и я каждый раз переживаю одно и то же. Старшие мальчики спокойно и прилично проходят мимо; младшие, напротив, начинают смеяться, строить рожи, кричат мне «жид», выдумывают всякие оскорбительные клички и тому подобное. Значит, в маленьких это сумели вложить, а со старшими это уже не срабатывает. Ева говорит, что, по ее наблюдениям, у школьников очень нездоровый вид. Напротив, совсем маленькие и младенцы просто цветут. Детское питание, и прежде

всего цельное молоко, теперь выдают только детям до шести лет.

18 января, понедельник, вторая половина дня

В субботу, в половине девятого вечера — только мы собирались сесть за стол — прозвучал сигнал отбоя после тревоги. Мы немного удивились, когда сразу же вслед за тем прозвучал сигнал тревоги. Уже так много месяцев здесь не было никаких сигналов, что, очевидно, кто-то ошибся и нажал не на ту кнопку. Но Дрезден снова пощадили. (Давно болтают, что его берегут как «будущую столицу Чехии».) Вдали немного постреляли зенитки, полтора часа было тихо, затем дали отбой. В воскресенье, где-то после обеда, Герберт Айзенман сообщил нам, что «они были в Берлине и нанесли там сильный урон». Вчера, в то же самое время, вновь тревога, вновь ожидание в течение полутора часов и вновь никакой атаки на Дрезден. Только что здесь была фрау Эгер — она зашла попросить сигарету, и мы выразили ей соболезнование; она рассказала, что «летчики снова летали над Берлином, и разрушения там очень большие».

Сегодня в первой половине дня был у управляющего домом Рихтера¹. Для «короткого обсуждения» моего визита к бургомистру Кристману и для беседы о том, как нам контролировать предстоящие ремонтные работы. Из «короткого обсуждения» получился разговор на час с четвертью, и я пошел домой чуть ли не в приподнятом настроении. Рихтер рассказал, что перед «захватом власти» он был «страстным и убежденным нацистом» и занимал хороший пост в отделе пропаганды, но в апреле 1933 года вышел из партии, потому что уже тогда ясно видел ее моральную деградацию. Теперь их конец предрешен. Только бы он побыстрее наступил! В пропагандистских докладах говорят уже

¹ С новым управляющим своего первого «еврейского дома», тридцатилетним Хельмутом Рихтером, владельцем фирмы «Шрапель», Клемперер познакомился в апреле 1942 года. Их знакомство продолжилось, так как Клемперер, к своему удивлению, нашел в нем думающего собеседника, человека очень осведомленного и настроенного антинацистски, сочувствующего Клемпереру в его бедственном положении и готового оказать ему возможную помощь. Они встречались время от времени. В мае 1944 года Клемперер узнал, что Рихтер отправлен в концлагерь Бухенвальд.

о «выдержке», а не о победе, в которую никто больше не верит. Потери огромны; тирания, также и в отношении арийцев, невыносима. Вопрос, «что будет снацией», стал вторичным, теперь каждый спрашивает себя, удастся ли выжить ему самому. Возможно, переворот произойдет совсем скоро. Хотя оружие у СС удвоилось, но «добровольцев» на эту службу теперь приходится искать и набирать в принудительном порядке. На фронтах, ввиду таких невероятных потерь, дела повсюду идут очень плохо. Русские готовят наступление не только на юге, на Украине, но и на севере, на Балтике; им уже не так далеко и до Риги. Он рассказал, что его сын учится в шестом классе гимназии² Святого Креста. У них есть хрестоматия по истории, которая начинается от современности и постепенно движется назад, разрывая историю и представляя ее единичными, не связанными между собой эпизодами.

² Фактически соответствует первому классу гимназии и пятому году обучения в общеобразовательной школе. В оригинале «Sexta» (лат. шестой), что объясняется принятой в то время нисходящей нумерацией классов.

Заглавия отдельных текстов даются в такой последовательности, что «с души воротит» (Гитлер, Геринг, Хорст Вессель, Герберт Норкус³, Бисмарк, Фридрих Великий). Я воспринял рассказ Рихтера как vox populi (в точности так же, как недавно откровения бывшего кузнеца, а ныне привратника нашего «еврейского дома» Раша). Представитель совершенно иного, чуждого мне слоя народа, и его тоже «с души воротит». И те же слова, которые я слышу теперь все чаще: «Если бы только все шло побыстрее! Это одно было бы спасением!» И еще Рихтер добавил: «Они попытаются бежать, только бы не расстаться с жизнью. Но разве их физическая смерть будет достаточной расплатой за миллионы людей, которые погибли по их вине?» Я сказал, что он имеет больше шансов выжить, чем мы, носящие звезду. Он ответил: «Возможно, на два-три процента, но, вероятно, все пойдет так быстро, что у них не будет

³ Берлинский подросток, член Гитлерюгенда, который погиб во время политической разборки 24 января 1932 года и был стилизован гитлеровской пропагандой под «мученика нацистского движения».

времени вас убить». Точно так же, как недавно Раш, он полагает, что переворот могут осуществить военные.

5 февраля, пятница, вторая половина дня

Длинное, дружеское, ни о чем не подозревающее и немного болтливое письмо из Стокгольма. Все новые вопросы о моих «буднях». Как будто я могу написать о буднях человека, носящего звезду. Как насмешка звучит вопрос: «Когда ты ходишь гулять?» Недавно евреев стали задерживать на улице, проверяя содержимое их хозяйственных сумок. Лотта Зусман, оказывается, стала страстной католичкой. Включая посещение ранней утренней мессы!

14 февраля, воскресенье, середина дня

Вчерашний день, субботу, 13.2.1943, я должен выделить как особенно важный. Это был для меня первый знак, и я почти уверился в том, что считал ранее невозможным: приближается революция изнутри. Я был у Шрапель-Рихтера, формально, чтобы посоветоваться о налоговой декларации; фактически я хотел услышать от него о настроении и положении дел, так сказать,

«с арийской стороны». Он отворил мне дверь сам, мы беседовали больше часа (начали в двенадцать и кончили во втором) в его кабинете, он был еще сердечнее, подчеркнуто сердечнее, чем в наши прошлые встречи. Чем он может мне помочь? Только я должен говорить все без утайки. Он прямо-таки навязывал мне свои бритвенные лезвия — новые, неправдоподобно тонкие, истинная благодать! Он звонил по телефону своей жене и справлялся, сколько у них наберется лишней картошки; мы договорились о новой встрече в следующую субботу, когда я получу от него деньги, картошку, талоны на хлеб, а также «этую паршивую книгу, благодаря которой он⁴ стал миллионером и которую его вынудили писать в тюрьме, я видел эту «камеру», такая же большая, удобная и хорошо обставленная, как эта комната, и к ней садик для прогулок, и это — за государственную измену! Она была слишком слаба, эта демократия, это было ее непростительной ошибкой, которая не должна повториться...» — короче, я, вероятно, получу от него книгу «Моя борьба» Гитлера. Но гораз-

⁴ Имеется в виду Гитлер и его книга «Моя борьба».

до важнее было другое. Рихтер снова и снова к этому возвращался: «Куда вы пойдете, когда начнутся беспорядки? Вам необходимо будет тайком куда-то смыться (*sic⁵*), в сельскую местность... может начаться серьезная резня». Я сказал ему, что у меня не будет ни малейшей возможности покинуть Дрезден. Тогда, убеждал он, я должен исчезнуть здесь, уйти в подполье. Какое-нибудь пустующее помещение, временное укрытие, он сможет мне раздобыть. Я спросил его напрямик, о чем он говорит и что нас ожидает. В течение этого года, ответил он, а может быть, даже раньше определенно произойдет некий насильтственный переворот, смена власти. «Переворот справа?» — «Нет, слева». — «Но буржуазия испытывает такой страх перед коммунизмом!» — «Переворот возглавит прежняя социал-демократия», он знает это точно. Конечно, чего-либо достигнуть можно, только если будет задействована армия. Определенно, все это будет, но сказать больше он не имеет права. Однако если этого не случится быстро, тогда, естественно, для евреев возникнет огромная

⁵ Так (лат.).

опасность; я должен во что бы то ни стало «смыться», я могу прийти прямо к нему, он уж найдет для меня пустующее помещение. Он не может помочь всем, у него есть обязанности перед своей семьей, в случае опасности ему придется от меня отречься, — в промежутке телефонный разговор с кем-то, кого он не менее десятка раз торжественно именовал «камрад капитан» и приветствовал возгласом «Хайль Гитлер!» — но он узнал меня за эти месяцы и он так бы хотел мне помочь... Я сказал, что при моей изолированности я могу ни о чем не иметь понятия, и меня когда-нибудь просто застигнут врасплох и тут же прикончат. «Конечно, ваша участь может быть и такой, но, возможно, вам все же удастся вовремя проведать, что нечто готовится, и тогда вы должны побыстрее смыться, а я уж найду для вас убежище...» Я упомянул, что в последнее время мне очень докучают дети на улицах. Он: его старшему — одиннадцать, он состоит в «юнгфольке», когда они маршировали, им вдруг скомандовали: «Смотреть направо!» И затем: «Сейчас, дети, вы видели еврея; знаете ли вы, что представляют собой евреи?» После этого последовали соответствующие разъяснения...

Я упомянул казнь шести евреев из Протектората, чьи тела недавно были переданы еврейскому кладбищу. Он: один из его знакомых переведен сейчас на работу в суд на Мюнхнерплац, ему дано задание изымать и собирать ценные вещи приговоренных к смерти; от этого человека, который, понятно, имеет самую полную информацию, он, Рихтер, узнал, с каким напряжением работает здешняя гильотина: недавно в один день скатилась двадцать одна голова, и это были не только еврейские головы.

Скоро Ева вновь поедет к Аннемари, чтобы отвезти дневник. Гильотина на Мюнхнерплац работает и по менее серьезным поводам!

18 февраля, четверг, ближе к вечеру

Я часами нахожусь внизу: приготовить кофе, убрать и вымыть посуду, помочь при большой стирке. Сейчас Ева, измотанная до предела, ушла в город, чтобы снова рыскать в отчаянных и безуспешных попытках что-то купить. Я — если усталость меня не доконает — смогу с шести до семи поработать наверху. После этого надо будет еще нашинковать краснокочанную капусту: ис-

торию появления этой капусты стоит рассказать особо. Мы поддерживаем свою жизнь почти исключительно нашим быстро убывающим запасом картошки. Овощи, которые не считаются «товаром повышенного спроса», достать почти невозможно. Вчера я был в одном магазине на Герокштрассе, его владелица, женщина лет сорока, уже известна мне как особа любезная и доброжелательная. В магазине всего две-три покупательницы, среди них седоволосая женщина из простых, кажется мать женатого трамвайного кондуктора. Она очень нежно относится к своему большому коричневому боксеру, рассказывает, что, когда тому собираются дать взбучку, он тут же удирает к «бабушке»; она все время гладит его и т. д. Я покоряю ее сердце тем, что говорю несколько хвалебных слов про всю породу боксеров. Владелица магазина, когда подошла моя очередь, сказала: «Кислая капуста, к сожалению, по спецзаказам, спичек — нет, соли — нет». В качестве *captatio benevolentiae*⁶ я начал с брюквы — ее не жалал никто, воспоминание о «брюквенной зиме» 1917-го

⁶ Ходатайство о благосклонности (итал.).

еще сохраняло свою действенность. Кстати, такое отношение к брюкве не совсем справедливо. Женщина за прилавком нерешительно и сочувственно: один кочанчик красной капусты она, впрочем, может мне дать. Она взвешивает его, кладет к брюкве, приносит еще пакетик соли (очень большая любезность!). «75 пфеннигов». Когда я вытаскиваю бумажник, «бабушка», стоящая непосредственно за мной, говорит: «Не доставайте, я за вас заплачу». Меня буквально бросило в жар. Я поблагодарил ее и протянул деньги через прилавок. Она: «Но позвольте же мне за вас заплатить». Я: «Это очень любезно с вашей стороны, сердечно вас благодарю, но дело тут не в деньгах, дело в карточке». Тут опять заговорила владелица магазина: «Приходите как-нибудь ближе к вечеру, я смогу дать вам побольше. Днем я обслуживаю СА, мне приходится быть осторожной». Я: «Но мне разрешено приходить только с трех до четырех». Она: «Такой точности вовсе не требуется». Я: «Вы не требуете, но, если кто другой увидит и донесет, это будет стоить мне жизни». Хозяйка: «Тогда загляните в ваше время; я подам вам знак, если все в порядке». Я ушел оттуда чуть ли не потрясенный.

Позже, задним числом, я страшно перепугался, что в присутствии нескольких незнакомых покупательниц сказал, что это будет стоить мне жизни; если... и т. д. Распространение клеветнических измышлений о якобы совершаемых зверствах! Достаточно для концлагеря и «попытки к бегству».

24 февраля, среда, первая половина дня

Сегодня после обеда Ева собирается в Пирну, чтобы переправить в безопасное место недавно забытые и новые, добавившиеся за это время, страницы рукописей. Как бы я хотел, чтобы она уже съездила и вернулась! Брать деньги ей на этот раз не надо: я перевел сегодня с заблокированного счета на счет Рихтера «360 марок, оплата маклеру за помощь при погашении долга по ипотеке. Сверх необлагаемого налогом минимума». Почему, однако, этот человек не потребовал у меня тогда эти деньги? Что это, симпатия с первого взгляда? В наше время, когда каждый боится каждого? У Рихтера симпатичная молодая секретарша. Недавно в одной из пустых соседних комнат он заставил меня положить к себе в сумку картофель и сказал: «Выходите лучше

сразу в коридор; барышня в кабинете — человек надежный, но все знать ей не обязательно». Гильотина на Мюнхнерплац: мой самый частый страшный сон совсем юных лет, скорее всего периода полового созревания, — это сон о том, как меня казнят, — неужели это было предзнаменованием? Гильотина угрожает мне, она угрожает и Рихтеру. Сбудутся ли его намеки?

28 февраля, воскресенье, первая половина дня

Карандашное письмо от Левински (см. вчерашнюю запись о поднятой им тревоге). Я-де могу не волноваться, новая акция не затрагивает людей из смешанных браков. Это иногородних евреев привезли в здешний лагерь⁷, и этот лагерь в ближайшие дни будет совсем

⁷ Во время процесса над гестаповским комиссаром Шмидтом свидетель Юстин Зондер сообщил, что был арестован в конце февраля 1943 года в своем родном городе Хемнице прямо на улице и четыре ночи спустя вместе с сорока другими хемницкими евреями доставлен в дрезденский лагерь Хелленберг.

закрыт, а его обитателям предстоит эвакуация⁸. Я пошел к Айзенманам, отец Айзенман еще лежал в постели, было около одиннадцати. Там от Герберта Айзенмана я узнал, что со вчерашнего утра лагерь полностью изолирован. Все евреи (кроме тех, кто состоит в смешанных браках), жившие до сих пор вне лагеря (например, фрау Юденковиц и секретарь Айснер, которые проживали в доме общины и там же работали), — буквально все со вчерашнего дня заперты в лагере. Только Хиршель и Каленберг оставлены на свободе для завершения дел. Всех остальных отправляют в эвакуацию. Никого из них мы больше не увидим. Фрау Фосс, Зе-

⁸ Комиссар Шмидт получил в конце февраля 1943 года непосредственно от Эйхмана приказ ликвидировать лагерь Хелленберг. Лагерь был преобразован в полицейскую тюрьму, и ее стали охранять простые полицейские. В ночь со 2 на 3 марта все узники бывшего лагеря были посажены на грузовики и под строгой охраной привезены на товарную станцию Дрезден-Нойштадт, погружены в вагоны для скота и отправлены в концлагерь Аушвиц. Вечером 3 марта поезд, состоящий из 30 товарных вагонов с несколькими тысячами людей, прибыл в Аушвиц-Биркенау. Большая часть прибывших сразу же по приезде прошла селекцию и была отправлена прямо с платформы в газовые камеры.

ликзоны, Райхенбахи, фрау Циглер — я числю их всех уже мертвыми. Сколько времени осталось здесь жить нам? И как мы будем жить? Ева только что поехала к Симонам. Там через жену и самого «ковыряльщика в гнилых зубах» всегда что-нибудь да узнаешь, и часть этого может оказаться правдой. Во всяком случае, там почувствуешь настроение. Я сам намерен до последнего момента заставлять себя работать. Ева недавно слышала, как одна женщина в ресторане рассказывала, что получила открытку от сына с Восточного фронта, в которой было написано только одно: «Я еще жив, я еще жив, я еще жив!» Этим ограничивается и мое мироощущение; в зависимости от настроения, а оно меняется ежечасно: ударение падает то на слово «жив», то на слово «еще».

29 марта, понедельник

Я постоянно крайне обессилен — боли в сердце, мучительная усталость — и крайне угнетен. Депрессию я разделяю со всеми оставшимися евреями. И даже с Рихтером, у которого я был в воскресенье и взял у него свои деньги и хлебные талоны. О теперешней

ситуации он сказал следующее: он смотрит на положение дел куда мрачнее, чем в нашу последнюю встречу. Если бы Германия согласилась сегодня на безоговорочную капитуляцию, она спасла бы до девяноста процентов своей территории и своих богатств. Вместо этого она продолжает истекать кровью, и каждый день означает все худшие мирные условия. Ибо поражение неизбежно, это абсолютно точно. Но так же точно и то, что на Востоке сейчас как раз развернется летнее наступление; вероятно, будут одержаны и некоторые победы, которые поднимут настроение и помогут продержаться еще и следующую зиму. Его, Рихтера, приводят в ужас апатичное терпение и глупость народа. Он безропотно смирился с неслыханной жестокостью «тотальной мобилизации», он молча принимает чудовищные потери на фронте, безостановочную работу «гюльётины» — Рихтер, вообще-то, человек не без образования, но французским никто у нас больше не занимается, — он принимает все и даже позволит себя убить. Недовольных в народе множество, имеются и местные организации, но существует ли некая «головная организация», он не знает.

8 апреля, четверг, ближе к вечеру

В прошлом году, во время работ по уборке снега, я много писал о «привилегированном»⁹ Йоханнесе Мюллере, чья жена продолжала руководить делами на его кожевенном заводе. Этот честный обыватель даже помогал мне несколько раз: давал хлебные талоны, совал при случае конфету — я немножко ему завидовал, так как он имел некоторые льготы по сравнению с другими. Затем долгое время о нем ничего не было слышно. И вот теперь, на прошлой неделе, он арестован; причина неизвестна, говорят, но без ручательства за достоверность, что вышло новое распоряжение, принуждающее таких «привилегированных», чьи арийские дети живут за границей, в обязательном порядке носить звезду, а он об этом вовремя не узнал. Через два дня после ареста он повесился (или был удавлен) в тюрьме полицай-президиума. Труп был передан Якоби совсем обнаженным, никаких внешних повре-

⁹ «Привилегированные» евреи в Третьем рейхе — те, кто жил в смешанном браке и чьи дети получали «немецкое воспитание», то есть не были зарегистрированы как члены еврейской общины.

ждений, кроме следов удушения, на нем не было. Этот случай вновь заставил меня содрогнуться от ужаса.

16 апреля, пятница, середина дня и позже

На улице прекраснейшая весна, нежная зелень берез и осыпанные цветами плодовые деревья. Тем горше я воспринимаю свою жизнь в заключении. Мое пространство год от году становится все уже. Сокровенные мечты постоянно возвращаются к отобранному автомобилю. Он принес мне столько радости, я связывал с ним еще столько надежд на большие интересные путешествия. Сегодня я не имею права даже ездить в трамвае, не смею покидать пределы города, мне нельзя ходить вместе с Евой, а со временем последних арестов лучше не показываться на улице и одному. (По крайней мере нарядную центральную часть города я избегаю, как и все, носящие звезду.) Время до обеда я провел за уборкой кухни и теперь вновь должен спуститься вниз, в подвал, чтобы приготовить чай и вымыть посуду; настроения это, понятно, не улучшает. Однако: я все еще не арестован, нас пока еще не выгоняют из квартиры и пока еще не мобилизуют выполнять

трудовую повинность. Я пока еще могу часами читать вслух, сидеть за своим письменным столом. А в Тунисе для держав оси все обстоит весьма плохо.

18 апреля, воскресенье, первая половина дня

Вчера с утренней почтой пришел приказ явиться для отбытия трудовой повинности — с понедельника, 19.4. Я тут же пошел в общину и узнал: мне предстоит трудиться на фирме Вилли Шлютера, Вормсерштрассе, 30с. Работа с четырнадцати до двадцати двух часов ежедневно; речь якобы идет о совсем легкой работе: взвешивать и паковать чай. Но для меня главное не то, легко это или тяжело, я оплакиваю лишь невосполнимую потерю времени и предстоящую смертельную скуку этих восьми часов. Когда я был мобилизован на уборку снега, у меня оставалась хотя бы надежда, что весной я вновь буду свободен; теперь спасения нет, у меня отобраны все мои дни до конца войны. Отныне будет невозможно всерьез что-либо продолжить. Этот удар, как он ни был предсказуем, сразил меня наповал. Моя жизнь делается еще более скучной. И это, как легко предсказать, далеко не последний удар. Толь-

ко что пришел домой с захоронения урны Йоханнеса Мюллера. (Скоро ли таким же образом закопают урну и с моим прахом?) Это было как-то особенно отвратительно. Вдова, большая, тучная старая женщина под густой черной вуалью, вся сотрясалась от рыданий и безостановочно оплакивала свою утрату. Когда ей пожимали руки у миниатюрного гроба, она все время повторяла: «Бедная твоя душенька!» Якоби, который сказал мне мимоходом, что он «ни капли не верит в весь этот скулеж», бессмысленно сочетал какие-то ритуальные фразы и нравоучительные формулы. О реальной жизненной судьбе и смерти этого человека, естественно, никто ничего не сказал. На этот раз были цветы и арийские провожающие, вдобавок несколько евреев, которые заполнили маленькое подсобное помещение. Евреи стояли невозмутимые и отупелые. Уже совсем привыкшие к своему рабскому положению. Смерть Мюллера казалась им почти справедливой: как же, он должен был вовремя узнать, что и «привилегированные» евреи, чьи арийские дети живут за границей, теперь обязаны носить звезду. Следовательно, сам ви-

новат! Такие приговоры я слышу сейчас достаточно часто.

25 апреля, пасхальное воскресенье утром

Из какого-то (какого?) знаменитого французского романа во мне засела католическая фраза: «*Le leurre éternel du printemps*¹⁰». Я часто повторял ее себе, но никогда еще она так меня не преследовала, как теперь. У нас была такая же красивая, ранняя, энергичная весна 1920 года, когда 16 апреля, сквозь бурное цветение плодовых деревьев, мы въехали в Дрезден. И вопреки этому пышному великолепию — когда я иду на работу, во всех палисадниках цветут цветы, на расположеннем ниже садовом участке на Вормсерштрассе, на высоте глаз, колеблются цветущие кроны, по краю парка на Лотрингервег стоят ярко-красные, нежные кусты седонии — все ближе подбирается, все сильнее душит меня смертельная угроза. Юлиусбургер немно-

¹⁰ Вечная приманка весны (франц.).

го *prepotente*¹¹ (Левински говорит *oberhohem*¹²), но при этом живой, восприимчивый, совсем недурной; два дня он работал вместе со мной у Шлютера, в среду был арестован, а в пятницу уже мертв; Майнхард, с которым я был знаком лишь мимоходом., также арестован и мертв, а вчера вечером пришло известие об аресте Конради. В результате этого в моем воображении падает последняя, еще существовавшая защитная стена, отделявшая меня от смерти. Конради — профессор, как и я; он тоже государственный служащий на пенсии, тоже участник войны (был штабным врачом), тоже женат на арийке, имеет солидную научную репутацию, человек спокойный и осторожный. Я познакомился с ним только в понедельник, но относился к нему с предубеждением, так как всегда слышал о нем много плохого. Однако при личном знакомстве он мне очень понравился. Итак, в любой час это может настигнуть и меня. И тогда я буду сидеть в камере и с минуты на минуту ждать палача; ждать, быть может, всего день, быть

¹¹ Заносчивый, самоуверенный (итал.).

¹² То же на идиш.

может, несколько недель; возможно даже, здесь меня никто не удавит («если я сам не повешусь») и я умру по пути в концлагерь («застрелен при попытке к бегству») или в Аушвице сам по себе («острая сердечная недостаточность»). Так страшно перебирать в уме все эти возможности, когда это касается меня, когда это касается Евы. Я стараюсь прогнать эти мысли, хочу использовать каждый день, каждый час. Возможно, я все же не умру, а как-нибудь переживу этот кошмар.

Фирма «Вилли Шлютер» производит, согласно вывеске на доме, минеральные лечебные воды и различные сорта травяного чая. В доме, окруженном садом, совмещены и жилые помещения, и контора, и фабричные цеха. На первом этаже в основном разместились два примыкающих один к другому продолговатых зала с каменным полом. В одном столы стоят не вдоль окон, а поперек, между ними протянулся широкий продольный проход от наружной двери к внутренней, а в примыкающей задней комнате меньшего размера находятся коробки с товаром. В этом длинном проходе на пустых ящиках расставлены открытые жестянки с рассыпным чаем; приходится вставать и за-

черпывать его металлической лопаточкой, наполняя им стограммовые пакетики. Весы установлены на столах: здесь пакеты взвешивают, чтобы добиться точного веса. На одно место дальше от прохода пакеты сверху загибают и заклеиваются. На других рабочих местах их укладывают в шестикилограммовые картонные коробки. В эту первую неделю моего пребывания пакеты также обклеивались акцизными марками и товарными этикетками. Но это была лишь временная упаковка периода «военного дефицита». Для нее закупили, в частности, большое количество пакетов, предназначенные для «кофе Тюрмера», на которые наклеивали теперь этикетку «Домашний чай Шлютера». Между тем на фирму снова поступили 200 тысяч своих фирменных пакетиков из целлофана, я сам помогал их разгружать. Большую часть времени я стоя наполнял пакеты, иногда немного занимался наклейкой марок и этикеток, иногда взвешивал. Между этими делами нередко стоял в цепочке, передавая с рук на руки картонные коробки для переброски их внутрь помещения или же, наоборот, наружу. (Наклеиванием этикеток и акцизных ярлыков на полностью подготовленные

шестикилограммовые коробки я совсем не занимался, это делалось в женском цехе, этажом выше, где я ни разу не был.) Для меня напряженность и смертельная усталость от этой работы, естественно, являются следствием ее ужасающей монотонности и бессодержательности; десятилетний ребенок мог бы справляться с ней быстрее и лучше. Но, кстати, смена длилась не так долго, как я предполагал, меня лишь постоянно подтасчивала и мучила печаль о безвозвратно потерянном времени; обдумывать что-то во время работы я не способен, так как обычно впадаю при этом в некое забытье. Мои товарищи по работе не воспринимают все это и в половину так болезненно. «Что мне, лучше сидеть дома и ловить мух?» — говорит достаточно бодрый человек лет семидесяти, quidam¹³ Витковски, прежде Кауфман. Он наполняет пакеты, зарабатывает немного денег; его работа и прежде не была более умственной. Часовая оплата — 60 пфеннигов. Кто имеет «привилегии» и вследствие этого освобожден от «социальных отчислений» и налогов первого разря-

¹³ Некто (*лат.*).

да, получает от этих скидок еще около 50 пфеннигов; у меня эти добавки составляют от 35 до 40 пфеннигов. В четыре часа перерыв на пять минут: каждый получает стаканчик с жидким ненатуральным кофе. Кофе поставляет сам персонал, его там же и варят. С половины шестого до шести «большой» перерыв для еды. Я приношу с собой алюминиевую бутербродницу с холодными картофелинами и стакан с кислой капустой. Снова подается тот же кофе; при желании принесенную из дома еду можно подогреть. Впрочем, питание в столовой — прикрепление к столовой НСБ¹⁴ — формально «предусмотрено» и для евреев, но до сих пор не востребовано, а лишь «предусмотрено». В восемь еще одна пятиминутная пауза: вместо кофе на этот раз — «мятный чай», который поставляет уже фирма. В половине десятого начинается уборка, ровно в десять рабочие расходятся. Во втором рабочем зале, рядом с нашим «упаковочным», обстановка больше напоминает фабричную. Травы различных сортов, из которых должна быть изготовлена смесь для чая, находятся там

¹⁴ «Национал-социалистическая благотворительность».

в больших, стоящих рядом чанах; напротив установлен смесительный барабан, имеющий внешнее сходство с бетономешалкой. Здесь работают в течение дня; персонал почти исключительно женский и сплошь арийский (именно эти женщины в маленькой задней комнатке и смежной с ней кухне варят нам кофе), руководит работами некий арийский монтер-механик. Ночью в этом помещении работает еврейская смена. Неисчерпаемая тема для дискуссии: стоит ли перейти по собственному желанию в ночную смену. Одни говорят: за это надо ухватиться, более длинные перерывы, оплата — 80 пфеннигов в час, надбавка за продленную ночную смену (хлеб и мясо), которая «предусмотрена» и «предлагается» также и для евреев; другие: ни в коем случае, работа там ужасно пыльная и напряженная. Я выразил готовность поработать в ночную смену, чтобы изучить обстановку, и потому, что ночная работа кажется мне романтичнее, и потому, что она оставляет немного больше свободного времени, чем дневная. Поскольку в первую половину дня — с шести до двух — в нашем зале работают арийки и поскольку они обслуживают также и «смесительный» зал (и ведут себя по

отношению к нам достаточно гуманно), здесь нередко включается радио, иногда оно работает всю вторую половину дня, иногда — только в вечерние часы; порой звук бывает слишком тихий и шум работы его заглушает, порой его специально пропускаешь мимо ушей, как назойливый шум, иногда, по желанию более половины работающих, староста его отключает. Но в целом радио очень помогает отвлечься, и время проходит гораздо незаметнее. Очень много музыки — из Вены, из Берлина, из других городов. Несколько итальянских песен, отрывок из «Летучей мыши», отрывок из «Кавалерии» доставили мне истинное удовольствие. Военные сводки; речь Геббельса ко дню рождения фюрера (он — очень подавлен, но важно сохранять доверие к фюреру, который обеспечит окончательную победу), куски из речи «фюрера имперского здравоохранения» (стремление выстоять до конца, воля нации и т. д. — тут радио выключили, частью из-за того, что наскучило, а частью из-за страха слушать запретные для нас национал-социалистические речи — ведь в любой момент может появиться гестапо). Однако время при включенном радио, хотя порой оно быстро начинает

меня оглушать или утомлять, проходит немного живее, чем в полном безмолвии, а иногда мне даже удается ухватить какие-то новости, что хотя бы частично компенсирует отсутствие газеты.

10 мая, понедельник, раннее утро

Проблема Эльзы Крайдль. При жизни ее мужа мы считали ее холодной, настроенной пронацистски, склонной к антисемитизму. Затем, после смерти Крайдля, она показалась нам более симпатичной: она вела себя порядочно и проявляла доброту по отношению к Иде Крайдль и к нам, возникла почти что дружба, нам оказывали всяческие услуги и выказывали расположение. Сюда она приходить не отваживалась (за что ее нельзя винить), но Ева была у нее пару раз и пила с ней чай, а большей частью они встречались в городе по субботам и вместе обедали в ресторане. Эльза Крайдль одолживала нам книги, дарила картошку и талоны на кофе, отношения были самые добрые. Теперь — они с Евой не виделись три недели — Ева рассказывает: Эльза Крайдль всячески расхваливает своего нового квартиросъемщика, советника следственного отдела

гестапо. Этот человек действительно очень хороший, говорит она, хотя и ведет преимущественно дела евреев, но он категорически не допускает превышения чиновниками своих полномочий! Разве фрау Крайдль в самом деле не знает, что на такой пост назначают только испытанного и доказавшего свою преданность человека? Разве она не знает, что тем самым вступает в союз с непосредственными убийцами своего мужа? Ева рассказывает, что Эльза Крайдль живет в своем вдовстве вполне удобно и комфортно; что касается денег, то ей явно не приходится слишком экономить. Неужели эта женщина в своем жалком благополучии все забыла? Разве она не способна мыслить, глупа, плоха? Ева говорит, что Эльза Крайдль мила и любезна по-прежнему, а она, Ева, в «отношении людей» стала выдвигать более скромные требования и разучилась удивляться. Так же и я, очерствев душой, думаю: а если это общение принесет нам картошку и кофе... Но все же такая постановка вопроса достойна презрения. И весьма сомнительна.

11 мая, раннее утро вторника

На нашем производстве вчера ввели «продуктовую надбавку» для рабочих ночной смены. Это означает, что за одну неделю каждый получает 200 граммов мяса, а также талоны, чтобы четыре недели получать порцию в столовой. Какая дилемма для меня! Стоит ли мне ради этого жертвовать своими ночами? В сущности, жалкая альтернатива. Но какое это имеет значение рядом с неотвязным чувством страха, с ощущением, что к тебе подбирается смерть и тебя скоро убьют. Это чувство, этот смертельный ужас перед удушением в темноте, я обязательно должен запечатлеть в «Curriculum»; это особенность именно последнего года: теперь уже страшишься и ждешь не тюрьмы, не избиений, а сразу и непосредственно для всех и для каждого — смерти.

Ева хочет сегодня отвезти в Пирну новые листы. С тех пор как мы получили деньги от Рихтера, она ездит туда очень редко. Но каждый раз я испытываю особенный страх и особенное чувство вины. Чего ради я подставляю Еву? Vanitas!

20 мая, четверг, первая половина дня

Vox populi: «фройляйн Хульда», добродушная, высохшая арийская соседка Якоби, прежде опора фрау Якоби, теперь мойщица бутылок на фабрике, сказала: «Война уже не может продолжаться долго, у нас же ничего больше нет — мы потеряли Африку, и мяса нам выдают на 100 граммов в неделю меньше». Это очень характерное сопоставление. Причем потеря 100 граммов мяса воспринимается куда больнее, чем потеря Африки.

В ночь с 15-го на 16-е — совсем короткая воздушная тревога, вторая за эти дни. Дрезден, как всегда, щадят, и здесь царит полнейшая беззаботность.

Левин, добродушный уроженец Южной Германии, рассказывает, что некий «порядочный с виду» человек, довольно хорошо одетый, плонул ему утром под ноги и затем демонстративно обошел его широкой дугой. Мне самому нередко кричат в спину дети. На работе ведется постоянная дискуссия, насколько народ заражен антисемитизмом. Лацарус и Яковович (sic) утверждают, что абсолютный антисемитизм характерен для всех

классов немецкого общества, он — врожденный, всеобщий, неистребимый; я это оспариваю, там и тут нахожу поддержку. Конрад: «Если бы народ был действительно преисполнен такой вражды к евреям, то при постоянном натравливании ни одного из нас давно уже не было бы в живых». Франк: рабочие — не антисемиты, только образованные — антисемиты.

21 мая, пятница утром

Наш староста Конрад «официально» навел справки в общине: евреям запрещено только владеть радио, а слушать — не запрещено. Так что радиоприемник Шлютера снова работает на полную катушку, нередко, правда, слышен лишь неразборчивый, заглушаемый голосами гул, но в целом радио — неплохой помощник. Во время передачи последних известий в семнадцать часов все умолкают.

В последние дни в центре внимания история с плотинами. Сначала: англичане «преступно» разбомбили две плотины (место не указывается), имеются большие жертвы среди населения. Затем: доказано, неопровергимо доказано заметкой в английской газете, что этот

преступный план придуман евреем; таким образом, это можно причислить к списку «еврейских злодеяний», что повлечет за собой заслуженную кару, как и все прочие преступления евреев. Это прошло через все газеты, и с тех пор петля на еврейских шеях затянулась еще туже. Афера с плотинами — ее на время оттеснила сенсационная находка: 10 000 офицерских трупов близ Катыни¹⁵ — была подкреплена «американскими убийствами детей в Италии»: там американцы, по утверждению радио и прессы, сбрасывали игрушки, наполненные взрывчаткой (таким же манером они начинили дамские сумочки). Одна «сербская газета» пишет, что эти убийства детей — «еврейская придум-

¹⁵ В лесу близ Катыни, в четырнадцати километрах к западу от Смоленска, немецкие солдаты нашли в феврале 1943 года массовые захоронения и в них свыше 4000 трупов польских офицеров, которые в сентябре 1939 года попали в советский плен и содержались затем в Козельском лагере. За этим сообщением последовала яростная пропагандистская атака Геббельса, направленная против Советского Союза. Найденные впоследствии документы содержат доказательства, что пленных расстреляли по приказу Сталина.

ка». Ни одна передача известий не обходится без таких сообщений.

Позавчера, 19 мая, исполнился ровно месяц с того дня, как я начал свою «упаковочную» жизненную фазу. Чуть-чуть привык, чуть-чуть помогает радио. Но восемь часов все еще тянутся бесконечно и убивают весь день, а чувство, что жизнь растрачивается впустую, никогда меня не отпускает. Можно ли утверждать, что мои товарищи по работе скромнее, чем я, или просто тупее, невосприимчивее? Или скромность и тупость — синонимы? В известном отношении пребывание среди людей моего возраста и старше, среди тех, кому живется еще хуже и кто перенес еще больше страданий, пошло мне на пользу. Я часто говорю себе: если все эти люди принимают жизнь, не заглядывая постоянно вперед — на близкую смерть, и не оглядываясь постоянно назад — на прошедшую юность, почему я на это не способен?

По залу бегает маленькая белокурая девочка, каждому она охотно протягивает ручку, со всеми знакомится: это пятилетняя внебрачная дочь одной барышни из конторы. Где ее инстинктивная расовая вражда? Среди

мужчин и женщин, работающих здесь в конторе или в цехе, я ни в ком не почувствовал антисемитизма.

4 июня, пятница, первая половина дня

Я постоянно наблюдаю товарищеские, непринужденные, а иногда почти что дружеские отношения, которые установились у здешних рабочих и работниц с евреями; где-то среди них обязательно должен быть «подсаженный» шпион или предатель. Но это никак не влияет на тот факт, что большинство этих людей определенно не являются ненавистниками евреев. Тем не менее некоторые из нас твердо убеждены, что все немцы, включая этих рабочих, — сплошь антисемиты. Тезис тем более бессмысленный, что иные из утверждающих сами живут в смешанном браке. Вчера обмен шуточками и подначками между женщинами из соседнего зала (большей частью немолодыми) и нашими людьми сделался особенно веселым и необузданным. Но что бы произошло, если бы в момент, когда люди дурачились, горланили, когда доходило даже до обмена тычками, который легко можно было истолковать как обмен нежностями, дверь бы вдруг открылась и по-

явился бы шпион или некто из гестапо. Тонерти, одна из работниц, колотит кулаком по картонным коробкам. «Они же еще все пустые. Блеф, господа, блеф!» Вторая работница: «Что сегодня не блеф? В витрине висит платье. Зайдите в магазин и попробуйте его купить. Или купить что-нибудь еще. Вы ничего не купите! Блеф, все блеф!» Один из евреев, радостным тоном: «Хныкать-mekать запрещено!» Первая работница: «Кто это здесь коза? Я не вижу». Вторая работница: «Может, это вы — старая коза?» Шутливая драка между работницами. Химик Франк размахивает своей лопаточкой для чая, как кинжалом, и бросается разнимать дерущихся... Мало надо фантазии, чтобы представить себе, как легко все это может обернуться катастрофой.

22 июня, вторник, первая половина дня

Безутешная тоскливая пустота дневной смены, не смягчаемая даже радио. Прибавился новый человек: Якоби, управляющий кладбищем.

Арис рассказал мне, что он сам преподает школьные предметы своим двум детям, старшему — девять лет, чтобы «после всего» они без задержки смогли посту-

пить в школу второй ступени. Айзенман-старший тоже сказал, что сам занимается с девятилетней Лизель. Запрет учиться в школе — чудовищный позор. Евреи, по их мысли, должны опуститься, стать неграмотными, неотесанными невеждами. Но нацисты этого не дождутся.

23 июня, среда, около полудня

Ева начала заниматься музыкой с Дизель Айзенман и Хильдегард Раш, дочерью привратника¹⁶, она обучает их игре на фортепиано. Если арийская девочка где-нибудь этим похвастается, если все это просочится наружу, тогда Ева и родители девочки угодят в тюрьму,

¹⁶ В пропущенной в этой книге записи от 14 июля рассказывается о дружбе трех еврейских детей Айзенмана с сыном и дочерью привратника Раша — арийца. Семейство Раша относится к евреям вполне дружелюбно, они помогают Клемперерам, чем могут, но одиннадцатилетняя дочь Раша часто повторяет: «Это я сообщу гестапо». Намерение Евы заниматься с двумя девочками пугает Клемперера, ведь по правилам арийский ребенок не должен входить в их комнаты. Девочка успокаивает Еву: «Я спокойно могу у вас бывать; если они придут, мамочка успеет предупредить».

а я мгновенно попаду в концлагерь и лишусь жизни. Если только еще речь не зайдет о сводничестве и совращении малолетней: тогда Ева окажется в концлагере, а я попаду под гильотину. Это вовсе не дикие фантазии, а самые реальные возможности. «Во время прогулки я всегда делаю упражнения, сгибаю и разгибаю пальцы», — рассказывает девочка. Я предостерегаю ее мать. «Она будет держать рот на замке, уж это я в нее втемяшу!» — отвечает фрау Раш. Другая опасность: Ева использовала карточку на картофель «эвакуированной» фрау Хиршель, владелица магазина в курсе дела и не возражает. Речь идет о ста сорока фунтах картофеля.

Вчера вечером на Вормсерштрассе позади меня катит на велосипеде какой-то пожилой рабочий — насколько я мог разглядеть в сумерках; он нагоняет меня, подъезжает вплотную и говорит добродушным старческим голосом: «Скоро все снова наладится и пойдет по-иному, не правда ли, приятель?.. Надеюсь, что и вправду скоро», после чего разворачивается, отъезжает немного назад и сворачивает на боковую улицу... Позавчера все наоборот: мне навстречу шагает целое семейство, мать, отец и маленький мальчик, явно лю-

ди зажиточные. Отец говорит мальчику нравоучительным тоном (достаточно громко), очевидно отвечая на его вопрос: «Вот погляди, и ты узнаешь, как выглядит еврей». Каков же истинный vox populi? Когда я на фабрике Шлютера, мне хочется верить: дружеский. Позавчера одна из работниц, щуплая, маленькая, схватила ящик, который я хотел поднять: «Оставьте его, господин, я сделаю это лучше, я умею».

24 июня, четверг, середина дня

Vox populi: группа юнцов на велосипедах, от четырнадцати до пятнадцати лет, в десять часов вечера на Вормсерштрассе. Они обгоняют меня, оборачиваются и что-то кричат, затем останавливаются, поджидают, пропускают вперед. «Этот уж точно получит выстрел в затылок... Я сам нажму на курок... Его вздернут на виселицу — биржевого спекулянта...» — и какие-то выкрики искаженных еврейских слов, сопровождаемые жестикуляцией. Это ранило меня глубже и серьезнее, заставило во всем усомниться и ожесточило куда сильнее, чем обрадовало накануне вечером слово старого рабочего.

12 июля, понедельник, середина дня

День рождения Евы. У меня нет для нее никакого подарка. Но с утра я основательно отскоблил и вымыл кухню, так что до сих пор дрожат руки, и, помимо того, она получит от меня 200 граммов мяса, которые дала мне ночная смена: 150 граммов талонами, остальное — *in natura*¹⁷.

26 июля, понедельник, вторая половина дня

Около десяти утра пришел Штерн и сообщил нам важную новость: сегодня рано утром по немецкому радио передали об отставке Муссолини¹⁸ и озвучили

¹⁷ В натуральном виде (лат.).

¹⁸ По просьбе большого фашистского совета король Италии Виктор-Эммануил III (1869–1947) взял на себя функции главнокомандующего. 25 июля 1943 года Муссолини был отправлен в отставку и арестован; 28 июля итальянская фашистская партия была распущена. 12 сентября 1943 года особое немецкое воинское подразделение (парашютисты во главе с штурмбаннфюрером СС Отто Скорцени), совершив внезапный налет, освободили Муссолини, который был поставлен во главе образованного 9 сентября 1943 года на Севере (в Ломбардии) марионеточного правительства.

приказ всем находящимся в отпуске немецким военным, возвращающимся в Италию, немедленно прибыть в свои гарнизоны. Странно, с каким холодным равнодушием, уже через несколько мгновений, я воспринимал эту невероятную новость. Она действительно невероятна и, возможно, сыграет решающую роль — но сколько новостей, начиная с уничтожения Рёма, мы уже принимали за «решающие», за «начало конца», и все снова и снова вынуждены были разочаровываться. А теперь? Почему Германия не может еще достаточно долго держаться и без Италии? А если как раз сейчас начнется погром? А если... есть столько возможностей для разочарования, и я стал таким тупым и невосприимчивым. Мы еще довольно долго все взвешивали со Штерном, и когда он удалился, ко мне с той же новостью пришел Герберт Айзенман; опять начали пережевывать все те же соображения и мысли, а настоящая радость и уверенность все не приходили.

2 августа, понедельник утром, 11 часов

Совсем безобидный ход допроса: «Ты держишь мебель у Тамма? Что у тебя там?» — «Унаследованное

имущество моей арийской жены, инструмент моей жены, научная библиотека по специальности». — «Ты можешь поместить эти вещи куда-нибудь еще? Мы должны по возможности освободить эти складские помещения». — «Если вы это приказываете, я, конечно, попытаюсь — но куда? На Лотрингервег можно найти место, но я не знаю, как долго я там еще останусь». — «Ладно, вопрос исчерпан. Ты знаешь фрау Хуберти в Пирне?» — «Нет». — «Ты знаешь...» — звучат два других имени, одно из них мне запомнилось, когда я проходил среди могил самоубийц. — «Нет, я никогда не принадлежал к еврейской общине, я никого не знаю». — «Вопрос исчерпан». — «Мне можно идти?» — «Да». Допрос занял пять минут, ожидание — более четверти часа; в 7 часов 40 минут я взглянул на вокзальные часы и вновь обрел и время и жизнь, из которых был как бы выключен уже с субботы. Теперь вся жизнь снова моя, все мои интересы пробудились вновь, я радовался даже предстоящему рабочему дню у Шлютера — с радио и перерывом на скучную еду.

Действительно, в этот раз я держался смело, возможно из-за общего отупения и апатии. Не было даже се-

рьезного сердцебиения, не было приступов обычного непобедимого страха. А между тем я панически боюсь тюремной камеры, длительного заключения, момента, когда меня придут убивать. А это было так близко.

Обращение с посетителями в полицай-президиуме на Бисмаркштрассе осталось примерно таким же, как два года назад. Портье сказал деловито: «Подождите там, за лестницей». Гестаповский молодчик возле стойки рявкнул: «Убирайся за лестницу, свинья!» Наверху, в «менее строгой» комнате 68, долговязый чиновник невысокого ранга вел допрос довольно спокойно, не агрессивно, а другой, низкорослый, стоявший в дверях, наоборот, отпускал издевательские грубые реплики: «Ты, верно, еще не был здесь, про тебя забыли? Ты должен говорить громко и четко: «Я – еврей Виктор Израиль Клемперер». Теперь выйди за дверь, войди и скажи еще раз...» Я выполняю это. «Кем ты был раньше? Профессором? Отучился двадцать семестров? Не смотри на меня такими дурацкими глазами, а то я залеплю тебе так, что ты не отличишь Пасху от Троицы. Ты был на войне? Вольноопределяющийся? Имеешь награды?» – «Баварский крест за отличие, с мечами

ми». — «Даже Железного креста не удостоился, а еще вольноопределяющийся!» Я стою у самой двери, он хочет выйти и тычет в меня своей записной книжкой, да так, что я чуть не падаю и не ударяюсь о задвижку; затем ударом в поясницу он подталкивает меня ближе к столу ведущего допрос. Но эти тычки несерьезные, скорее шутливые: так гестапо шутит. Когда я около девяти часов делаю Якоби обещанный короткий отчет, он говорит: «Это был старший секретарь Мюллер, тот, кто вас задирал. Хороший знак, свидетельствующий о безобидном характере вашего допроса. В серьезных случаях они тоже смертельно серьезны. Никому ничего не рассказывайте и пуще всего — не называйте имя женщины из Пирны. Вероятно, ради этого вас и тягали. Если станет известно, что вы кому-нибудь об этом рассказали, вас вызовут снова, и тогда все будет гораздо хуже».

17 августа, вторник, ближе к вечеру

По дороге домой меня чувствительно задели оскорбления хорошо одетого, интеллигентного с виду мальчика одиннадцати или двенадцати лет. «Убить!.. Став-

рый жид! Старая сволочь!» Ведь у этого ребенка, без сомнения, есть родители, которые поддерживают то, что ему говорят в школе и в «юнгфольке».

Здесь, в Дрездене, тоже царит теперь страх перед английскими налетами. Пример Гамбурга, откуда к нам сейчас прибывают многочисленные беженцы — женщины вочных рубашках, поверх которых накинуто пальто, — вызывает испуг и смятение. Евреи говорят между собой: «Теперь и они узнают, каково это быть выгнанным из дома в одной рубашке!» Франк тайно передал мне с дюжину бумажных пакетов с песком, которые в большом количестве припасены у Шлютера. Купить их теперь невозможно. Этот песок, по словам Франка, был сложен в саду.

29 сентября, среда, середина дня

Писал ли я уже, что фабрика Шлютера окончательно закрывается 31.10? Это серьезная угроза для еврейских рабочих. Их сунут на пользующуюся дурной славой картонажную фабрику Шварце. Бесконечно длинная, утомительная дорога (Лейпцигерштрассе), плохое обращение, никаких дополнительных карточек за более

продолжительную смену, рабочее время — десять часов. Я знаю это от Левински, который там работает, таково же и *communis opinio*¹⁹.

Наконец собрался приступить к чтению «Моей борьбы» Гитлера, которая лежит у меня уже почти месяц. Первые страницы читал очень давно, на балконе у Глязера²⁰.

1 октября, пятница

Сегодня рано утром на нас свалилось давно ожидаемое и все же такое неожиданное дурное известие: об обязательном, в приказном порядке, «переселении». Нас вместе с Айзенманами запихивают в бывшую квартиру Хиршеля, Цойгхаусштрассе, 3. На семь человек — не слишком просторная селедочная бочка из трех с половиной комнат; помимо размера, множество прочих

¹⁹ Всеобщее мнение (лат.).

²⁰ Доктор юриспруденции Фриц Глязер, неоднократно упоминавшийся выше, адвокат; Клемперер познакомился с ним весной 1942 года во время совместной работы в группе по уборке снега. Общие знакомые — Нойманы, Кронхаймы и др. — круг Клемпереров 1942–1943 годов.

недостатков. Ева хочет посоветоваться завтра с Ноймарком, «доверенным лицом» оставшихся в Дрездене евреев. После их разговора напишу об этом подробнее.

9 октября, воскресенье, первая половина дня

С 9 октября 1934 года я в каждый свой день рождения говорил: «В будущем году мы будем свободны!» И это никогда не сбывалось. На сей раз все говорит о том, что конец должен быть не за горами. Но ведь они так часто, начиная со столкновения с Рёмом и его сторонниками, вопреки всякой вероятности удерживали позиции; почему они не смогут еще два года тянуть войну и убивать? У меня больше нет никакой уверенности. Мы тем временем переезжаем уже в третий «еврейский дом» и суем голову в самую тесную петлю из тех, что у нас были. В доме на Цойгхаусштрассе запихнутую туда кучку оставшихся евреев можно будет уничтожить, если гестапо пожелает, за две-три минуты.

Со времени последней эвакуации вещевой склад общины был конфискован и отошел государству. Теперь Ноймарк, «доверенное лицо», обнародовал следующее сообщение: «Господин обер-финанцпрезидент Дрез-

дена, в распоряжение которого поступили вещи со здешнего склада, выразил готовность перед их реализацией дать последнюю возможность евреям, не получающим промтоварные карточки, сделать особенно необходимые им приобретения...» Мое ходатайство, согласно условиям распространенного циркулярного письма, звучит буквально так: «Согласно циркулярному письму от 6.10.43, прошу покорно предоставить мне возможность подобрать и приобрести следующие предметы одежды из вещевого склада: 1) рабочие брюки одни (имеются только полностью изношенные, не поддающиеся починке); 2) пуловер один (имею совершенно протертый и насквозь дырявый); 3) четыре пары летних носков (имею три пары многократно заштопанных и не поддающихся ремонту); 4) подтяжки одни (имею разорванные, короткие, связанные и дополненные бинтом). Удостоверяю правдивость сказанного и тот факт, что действительно не получаю промтоварной карточки и талонов на приобретение одежды».

14 октября, четверг, до обеда и позднее

С воскресенья Ева отчаянно боролась с болезнью, в основном лежала. Я информировал очень разумную жену привратника — как удачно, что Хильдегард Раш — Евина ученица! — и та сразу все поняла. Я не имею права позвать к арийке врача-еврея, а врач-ариец, скорее всего, даже не допустит меня, человека со звездой, в свою приемную и, вероятно, откажется прийти осмотреть Еву: все врачи сейчас чудовищно перегружены. Фечер живет слишком далеко, врача-нациста я бы приглашать не хотел... Фрау Раш пошла звонить по телефону. Результат: к нам придет доктор Пёч, он уже лечил «господина Александра» (Якоби, умершего сына владелицы дома). Врач пришел к двенадцати, славный, добродушный пожилой саксонец, типичный «дядя доктор» из старых романов.

16 октября, суббота, 22 часа

Прошло примерно пять часов, как я отправил Еву: «скорая помощь» увезла ее в городскую больницу на Фюрстенштрассе, куда я не имею права входить. Она

была относительно бодра и нарочито весела, но я не могу отделаться от ужасной мысли, что, возможно, видел ее в последний раз. Это сидит во мне как страшная, давящая тяжесть; помимо этого — и голод, и скука, и эгоистическая мысль о моей неизбежной депортации, если умрет моя жена-арийка, сознание, что я слишком труслив для самоубийства, размышления о том, что же я буду тогда делать, с чего начну. Я спросил Еву, куда она складывает мои рукописи (в «Школу беглости»). Чувство абсолютной пустоты и, наряду со всем этим, во время еды, во время чтения, при всяком занятии, ощущение чисто физического давления, невыносимой, засевшей внутри меня тяжести. Я — ничто без Евы, однако из-за бессмысленного, глупейшего страха смерти я буду продолжать влечь лишенную смысла жизнь, даже когда ее потеряю.

Вчера вечером фрау Айзенман сказала, что так больше нельзя, я должен связаться и поговорить с доктором Пёчем. Ему позвонила фрау Раш, сегодня утром снова было тридцать девять и семь, сразу после этого температура еще подскочила: до сорока и двух. В полдень

он пришел: «Я настоятельно рекомендую отправить ее в больницу, я вышлю „скорую помощь“».

31 октября, воскресенье вечером

В субботу, 24.10, Ева выписалась из больницы недолеченой, «под расписку», под собственную ответственность, и была привезена домой в больничной машине. Она прибыла около шести, я был еще на фабрике (рабочая смена с 18 до 24 часов), дверь в нашу комнату была заперта. Еву пригласили посидеть у Айзенманов, а господин Раш сходил за мной к Шлютеру; там еще не начались работы, и мы сидели в комнатке, где обычно закусывали во время перерыва. Ева, внесенная в помещение на стуле, была еще очень слаба, но казалась такой кроткой и так радовалась, что ей удалось выбраться из больницы.

Всю неделю продолжалась борьба Шлютера, грациозная с агонией; в субботу он произнес страстную прощальную речь, обращенную к арийцам. «Не следует забывать: все мы люди! – сказал он. – Еврейские коллеги останутся здесь еще на два месяца». Радость и успокоение! Но сегодня в полдень здесь появился

Штрельцин и огласил приказ ведомства труда по еврейской общине: фабрика Шлютера закрывается, группа еврейских рабочих распускается, они распределяются кто куда; завтра я должен приступить к работе у Бауэра, Нойегассе. Итак, я проработал у Шлютера с 19.4 до 30.10.1943. Я сильно огорчен.

12 декабря, воскресенье, вторая половина дня

Хаос переезда. Ева трудится много, слишком много. Я пока что запаковал свои книги и отдраил кухню. Очень устал и очень подавлен. Нам все равно пришлось бы отсюда убираться, даже без нажима со стороны «еврейского папы» Кёлера: здесь кончился уголь и мы страшно мерзнем. Но на Цойгхаусштрассе я переезжаю с чувством, близким к отчаянию. Дом, в котором мы однажды были на празднике у Фляйшманов по поводу забитой свиньи, стал теперь частью дома еврейской общины (Цойгхаусштрассе, 3 и 1). Здесь мы полностью в руках гестапо, в тесной еврейской куче. И здесь, если случится ожидаемый налет, мы будем в самом опасном месте — в деловом центре. Итак, завтра начинается третья стадия нашего страстного пути

через Третий рейх. Цойгхаусштрассе, 1 и 3, — это «еврейские дома», возведенные в степень; так сказать, квинтэссенция «еврейского дома».

Третий «еврейский дом»: Цойгхаусштрассе, 1^{III}

20 декабря, понедельник вечером

У Штюлеров, баварских соседей по комнате, есть славный мальчуган, которому нет еще четырнадцати. Отец записал мальчика, родившегося в 1930 году, в члены еврейской общины; в результате, имея мать — арийку и католичку, мальчик обязан носить звезду. Он получил начальное образование в школе еврейской общины, не слишком полное, лишь отдельные начальные элементы, так как школу вскоре закрыли. Затем он занимался частным образом: начинал учить французский, английский и испанский, но учитель попал в концлагерь и там умер. Теперь мальчик работает,

чтобы иметь хоть какое-нибудь занятие, ежедневно с восьми до двенадцати у Бауэра, в качестве «рабочего», так как быть учеником он не имеет права. Я хочу преподавать этому живому и веселому парнишке, хотя бы немного, в свободное время, французский.

Я намерен и дальше продолжать писать свой дневник, хотя теперь, при нынешнем положении дел, очень мало вероятно, что мне доведется когда-нибудь его использовать.

31 декабря, пятница, 19 часов

Позавчера вечером, 29.12, была объявлена короткая воздушная тревога, с 20.00 до 20.45. Мы поспешили в недавно отстроенный и хорошо оборудованный подвал, который был укреплен опорными стойками, словно на руднике; он основательно протоплен, имеются подвесная аптечка и висящие на стене носилки, стоит стол. Мы болтали с соседями, и фрау Айзенман рассказала мне, что ее муж лежит сейчас в берлинской больнице вместе с профессором Хайнеманом из Лейпцига, который меня знает. (Перо все снова и снова выпадает из моих рук, я практически засыпаю.) Этот Хайнеман

попал под бомбёжку и был ранен в Лейпциге, его еврейскую ногу понадобилось ампутировать в Берлине. Во время нашей мирной тревоги Берлин, оказывается, снова сильно пострадал. В Дрездене теперь везде невероятная паника. Естественно, сегодня здесь нет человека, который не считал бы, что он уже одной ногой в могиле. Тот факт, что Дрезден по-прежнему облетают и упорно щадят, становится все загадочнее. Только что снова объявлена предварительная тревога. Утром уже была одна (15 летных минут дистанции). В «Рейхе» Геббельс уверяет (12.12), что английский «бомбовый террор» лишь укрепляет немецкое единство, немецкую ненависть и военный дух. Только что прозвучало обращение противовоздушной обороны: сидящим в подвале следует распределиться и находиться поблизости от выходных люков, составить список тех, кто сможет оказать первую помощь etc. Все должно быть подготовлено для спасательных и аварийных работ в случае катастрофического попадания. Ева выразила готовность быть среди тех, кто оказывает первую помощь; Кац проведет с ними специальный курс подготовки.

Резюме 1943 года: с апреля работа на фабрике, почти полная остановка собственной работы; с 1 ноября — переход от Шлютера к Мёбиусу²¹ — вынужденное прекращение всех занятий и чтения. В октябре — болезнь Евы, 13 декабря — переезд на Цойгхаусштрассе. Несколько дней назад смертный приговор: Кац подтвердил, что у меня «настоящая стенокардия».

Мы с Евой полностью отвоевались. Фабрика закрылась в три. После этого я еще вымыл лестницу перед входом. А Ева, разбитая, вернулась со своих боевых дорог после попыток что-то купить. Я варю еще несколько картофелин в мундире. Мы только что выпили кофе и мечтаем скорее очутиться в постели. Таков новогодний вечер 1943 года!

²¹ Клемперер был направлен на картонажную фабрику Адольфа Бауэра, куда пришел впервые 1 ноября; в виде особой милости к профессору Бауэр перевел его на фабрику конвертов и бумажных пакетов своего друга Мёбиуса, где для него нашлась более легкая и подходящая работа. Поскольку официально туда евреи не направлялись, Клемперер был оформлен и получал жалованье у Бауэра.

1944

17 января, понедельник, до 6 часов утра

Занятие ПВО было коротким. Мы вылезали через указанные нам выходные люки на волю. Эта «воля» — пространство двора перед бараками с русскими военнопленными, в случае падения бомбы бараки могут запылать, как факел. Там был также один, одинственный, противогаз, и никто из нас не умел его надевать. Перед тем как разойтись, более молодые люди образовали цепочку и несколько минут тренировались, передавая с рук на руки ведра. Мне все это представляется несерьезной игрой, я настроен по отношению ко всему предстоящему весьма фаталистично. Но всеобщая озабоченность постепенно заражает и нас, слишком много ужасных сообщений доходит из Лейпцига и Берлина. Ева сшила еще один дорожный

рюкзак из старой шторы, так что вчера мы спускались в подвал с двумя рюкзаками.

Штайницы все еще дружески приглашают нас и угощают.

Фрау Штайниц испытывает безмерный страх перед бомбовыми налетами (в результате бомбейки ее сестра лишилась крова в Лейпциге). Я боюсь только гестапо. Штайницы дали мне «Рейх» от 9.1. Там имеется геббельсовская передовица «Проблемы воздушной войны», которая всячески варьирует, педантически повторяет и вдабливает те же мысли, что содержатся в новогоднем воззвании Гитлера: что пострадавшие от бомбажек должны продолжать бороться и победить, если хотят получить возмещение причиненных убытков; что все эти разрушения сеют одну лишь ненависть и укрепляют военную мораль, вместо того чтобы ее разрушать. (Правда ли это? Насколько правда? Все тот же вопрос.) Что речь идет о типично английском способе ведения войны, с применением зверской жестокости, — добродушный немец на такое вообще не способен. (А воздушные налеты на Лондон? А убийства в Киеве? А...)

23 января, воскресенье, около 11 часов утра

Наконец-то письмо от Зусмана. Первое после октября. Одно письмо, оказывается, потерялось. Его дочь Кете вышла замуж за американского бухгалтера. Георг еще жив. Все его сыновья имеют детей, и все дети рождены в США от американских жен. Я невольно подумал о судьбе нашей семьи и нашей крови. Отец — родом из пражского гетто. Его сыновья стали известными людьми в Германии. Его внуки живут сейчас в Англии, в Америке, в Швеции. В жилах его правнуков течет шведская и американская кровь, и они никогда ничего о нем не узнают.

Я не смогу больше переписываться с Зусманом. С 15.1 вышли новые почтовые правила. Для международной переписки теперь необходима специальная контрольная карточка из полиции, евреям ее выдавать не будут. Прикрываться Евой мне кажется слишком опасным.

29 января, суббота, 19 часов

На завтра, 30 января, день «прихода к власти», уже назначены собрания под лозунгом: «Навстречу немец-

кой победе!» Вот уж наглость так наглость! Но кто скажет мне, не принимают ли это всерьез семьдесят, восемьдесят, а то и девяносто процентов населения? Тридцатилетний слесарь Либшер, бравый мужчина, совсем не нацист и не идиот, освобожденный от армии из-за язвы желудка, сказал мне недавно на фабрике, что война, по его мнению, определенно скоро закончится: те, другие, тоже ведь смертельно устали от войны, но у них не так все «классно организовано, как у нас», и у них нет такого стойкого, непоколебимого руководства. D'altra parte: фрау Штюлер сегодня впервые, стоя в длинной женской очереди, услышала, как кто-то громко сказал, что с евреями обращаются уж слишком скверно, они ведь «тоже люди», и налеты на Берлин, разрушение Лейпцига — это возмездие за такие дела...

30 января, воскресенье, ближе к вечеру

Утром с музыкой и грохотом через Каролабрюкке прошли колонны пимпфов и Гитлерюгенда; такое шествие я видел до сих пор только в кинофильмах. Мои мысли при этом: хорошо бы они в последний раз празд-

новали день 30 января! И еще: сколько времени уйдет на то, чтобы очистить эти детские головы от национал-социалистического мусора?

12 марта, воскресенье, первая половина дня

Только что здесь была фрау Винде¹: небольшой пакетик с картофелем — сейчас это величайший дефицит, — пачка сухих овощей, банка консервированных помидоров. Фрау Винде спрашивала озабоченно, не знаю ли я случайно, где можно спрятаться, если дело дойдет до развязки. Ее муж тоже хотел бы в эти критические дни где-то отсидеться: «У него столько врагов из-за того, что мы сейчас снова стали на ноги и он кое-чего достиг!» Я: я никого не знаю, сам я для бегства не приспособлен, мне придется положиться

¹ Ева познакомилась с фрау Винде, женой скульптора, отставного профессора Академии художеств, матерью убитого на Востоке старшего сына, летом 1943 года у знакомых. Фрау Винде была настроена антинацистски, сочувствовала евреям, постоянно приносила в дар Клемперерам что-то из продуктов. Профессор Винде был уволен, так как в прошлом совершил «образовательное путешествие» по России.

на свою судьбу. Ева: мне посоветовали Кипсдорф, переночевать одну или две ночи в лесу, а питаться по арийским талонам в ресторанах. Фрау Винде: «Он так не может. Он не должен появляться на людях, его сразу узнают. Все это ужасно тяжело. Я сказала своему мужу: „После стольких лет преследования господин профессор выглядит как побитая собака“». Она повторила это дважды, слушать это было очень неприятно. У меня никогда не было особенно красивой осанки, а теперь я весь согнулся, сгорбился, руки у меня постоянно дрожат, при малейшем волнении я начинаю задыхаться. Я снова обратил на это внимание лишь вчера.

2 апреля, воскресенье, вторая половина дня

В субботу, восемь дней назад, мне в помощь дали молодую работницу, у которой вышел из строя станок. Она сразу отнеслась ко мне очень доверчиво, всячески пыталась наладить контакт: «Еще поживем, не так ли? Цыплят по осени считают». Поскольку я не отреагировал, она повторила это несколько раз. Потом сообщила: муж ее убит на фронте под городом Орел, он был хо-

роший человек, каменщик, после войны они мечтали построить собственный дом в Дольцшене; сама она уже сидела разок из-за политики, наша судьба «разрывает ей сердце». Когда она идет в кино, она не смотрит киножурнал: «Каждый убитый кажется мне моим мужем». Перед уходом она пожала мне руку, на фабрике среди рабочих это явление необычное, а по отношению к еврею — чуть ли не «расовое осквернение». С тех пор я видел ее всего несколько раз издалека, на ее рабочем месте. Мы с ней незаметно кивали друг другу. С фрау Лёве, которая работает на первом этаже в печатном цехе, у меня все вышло очень похоже. Если брать людей по отдельности, то, без сомнения, девяносто девять процентов как мужского, так и женского персонала настроены, в большей или меньшей степени, антинацистски, способны на дружеские чувства к евреям, ненавидят войну и устали от тирании... но их сдерживает страх перед одним процентом тех, кто верен Гитлеру и правительству, перед тюрьмой, перед смертью на плахе, перед пулей.

8 апреля, суббота, ближе к вечеру

Разговор со Штюлером-старшим: «Я хочу оставить свидетельство». — «То, что вы пишете, все известно, а вот крупных событий: Киев, Минск etc. — вы не знаете». — «Речь идет не о крупных событиях, а о буднях тирании, о буднях обычно забывают. Тысяча комариных укусов хуже, чем один удар по голове. Я наблюдаю и описываю комариные укусы...» Штюлер, некоторое время спустя: «Я однажды прочел, что страх перед каким-то событием всегда хуже, чем само событие. Как я психовал перед домашним обыском. А когда пришли гестаповцы, я был совсем спокоен и даже проявлял строптивость. С каким аппетитом ели мы после их ухода всю ту хорошую еду, что мы спрятали, а они не нашли». — «Вот видите, такие вещи я и записываю!»

Фрау Винде очень удручена: завтра у ее второго сына кончается отпуск и он возвращается на фронт.

30 апреля, воскресенье утром

С утра пение, грохот барабанов, маршировка, выкрикивание команд: приход, построение, перекличка

пимпов, Гитлерюгенда и Союза немецких девушек на Каролабрюкке. Какое-то торжество в Штальхофе. Я пытаю отвращение к этой массовой деиндивидуализации, к этой топорной одинаковой обработке молодежи. Но очевидно, это — знамение эпохи. В фашистском Риме, в советской России, прежде — в «Рейхсбаннере», даже в демократических странах: в США, частично в Великобритании — повсюду одно и то же. Подобная коллективизация была распространена уже перед первой мировой войной: народная школа, всеобщая воинская повинность, спортивные союзы, студенческие корпорации. Но тогда было много разнообразных противовесов: частных, индивидуальных и семейных; кроме того, тогда различным и даже противоположным группам удавалось поддерживать равновесие в духе Монтескье. Теперь — увы! — не так...

1 мая, понедельник, половина второго

В пять часов мое свободное время кончается, так как в шесть начинается ночная смена. Мучительное зрительное расстройство стесняет меня во всем. Прежде всего в моей работе, то есть в чтении: я одолел книгу

Геббельса, но делать выписки уже не смог. Если глаза не восстановятся, я должен буду все прервать и стану чувствовать себя буквально погребенным заживо.

Вчера после обеда приходил Левински, это было бес-содержательное, скучное, пустое сидение. Сегодня утром, когда я занимался с Бернардом Штилером, пришел Штайниц и представил нам свою родную (полуа-рийскую) племянницу, приехавшую из Берлина на уи-кэнд. Молоденькая, плотная, с виду чуть пролетарская, очень белокурая и очень германская, с ярко накрашенными губами, эта девица, в своей свежести и естественности, не лишена симпатии. Ее рассказ про Берлин меня буквально потряс, так как она подтверждала то, что все время твердит Геббельс: берлинцы-де привыкли к бомбардировкам — кстати, в субботу, когда мы сидели в подвале у Мёбиуса, у них снова был тяже-лейший, разрушительный налет. Буквально на каждой улице сильные повреждения, много людских потерь, но настроение у людей в общем и целом хорошее; бер-линцы не теряют своего им юмора, они полны решимости выдержать все до конца. Дополнительная выдача продуктов и страх, конечно, действует; ворчат

и скулят совсем немногие, а в целом берлинцы остаются берлинцами, острые на язык, дерзкие и самоуверенные. В приближающийся крах никто не верит: одни говорят, что война продлится еще два года; другие, что решающее немецкое «возмездие» впереди. (О «возмездии» много месяцев официально твердили на все лады, но тогда публика отнеслась к этому с насмешкой; потом разговоры об этом стихли. И вот теперь, в этом рассказе, пресловутое «возмездие» вновь всплывает.) Девушка работает на каком-то большом берлинском предприятии, имеет возможность слышать и то и это. Итак, режим может не опасаться ни внутреннего крушения, ни мятежа. В этом пункте Геббельс, безусловно, прав: бомбовая война как попытка повлиять на психику себя не оправдала.

3 мая, среда вечером

LTI. Мне бросается в глаза в нацистских заголовках частота употребления слова *тотальный*. «Тотальное воспитание». «Тотальная изоляция врага». Действие пропаганды: фрау Белка уже не раз спрашивала меня: «У вас, правда, жена-немка? А у Якоби жена-немка?»

И т. д. Меня это потрясает даже больше, чем иностранное слово «арийка». Это показывает, как счастливо укоренилась в народном сознании «тотальная изоляция» евреев.

19 мая, пятница, вторая половина дня

16 мая² мы пережили очень грустный день, почти без всякой надежды. Ева подарила мне две ночные сорочки, которые она сшила из старых занавесок. У меня была для нее лишь одна маленькая сигара, которую мне недавно подарили Глазеры. Правда, Ева должна была забрать ее от них сама, так как Глазер не рискнул дать мне сигару с собой. Меня могли остановить, обыскать и найти сигару и в конце концов докопаться до ее происхождения. Для меня самого этот день был омрачен двояко: из-за состояния глаз и оттого, что накануне поступило известие о смерти Зусмана.

² Очередная годовщина свадьбы Виктора и Евы Клемперер.

Мартин Зусман³ умер в Стокгольме 8.4.1944 от рака желудка и печени. Я ожидал этого известия, и все же оно оказалось для меня жестоким ударом. С эгоистической точки зрения: Зусман был последней ниточкой, связывавшей меня с внешним миром; с какой радостью я бы встретился с ним после войны и обменялся рассказами о пережитом. Помимо всего прочего, я был искренне к нему привязан. Он всегда выказывал мне свою дружбу и верность; он от всей души принял Еву еще тогда, когда мы жили в очень стесненных условиях и наш брак даже не был оформлен.

29 мая, Троицын понедельник, утро и позже

Помимо всего, вчерашний день, то есть Троицыно воскресенье, принес нам в четверть третьего, как раз когда мы сели пить чай, две воздушные тревоги — одну маленькую и сразу вслед за ней — большую. Один «при-

³ Следует напомнить: врач Мартин Зусман был мужем младшей сестры Виктора Клемперера Валли (1877–1936). В дневниках неоднократно упоминаются три их дочери: Лотта, Хильда и Кете. Все Зусманы успели эмигрировать.

вилегированный», имеющий радио, принес нам известие: «Вражеские самолеты достигли северного края Дрездена» (то есть Клоцше). Через две минуты стали слышны сильное гудение пропеллеров и частые залпы зениток. На одно мгновение у меня защемило сердце. Но все очень быстро кончилось. Дрезден загадочным образом все еще остается «табу». Уж не в самом ли деле он обещан Бенешу? Последняя шутка: здесь находится могила бабушки Черчилля; другой вариант: здесь проживает тетя Черчилля. При этом все усиливается терроризм. Читателям лишь сообщают: англичане и американцы на бреющем полете стреляют в прохожих, в крестьян на полях, в поезда. Английское радио обвиняет: немцы расстреляли пленных летчиков, объявив их заложниками тех, кому удалось убежать. В ответ на это (видимо, в субботу) официальная, повсюду распространяемая статья Геббельса: правительство больше не будет выставлять военную охрану, чтобы защитить спрыгнувших с парашютом английских пилотов от справедливого гнева и мести штатского населения, которое настроено куда более «радикально», чем «справедливое и мягкое» правительство. Это

означает: мы предоставляем решать участь пленных летчиков «кипящей народной душе». (На что способна «кипящая народная душа», мы на Цойгхаусштрассе вспоминаем ежедневно: там, где теперь стоят бараки с русскими пленными, раньше была синагога.) Каков будет английский ответ на геббельсовское объявление свободы убийства?

5 июня, понедельник вечером

Сегодня утром после завтрака — уже ставший обычным поход на Штернплац к Кацу. На этот раз все выгорело: я получил от него справку о болезни без указания срока. Затем, как было условлено с Кацем, я посетил Ноймарка, и теперь мое ходатайство об освобождении от работы находится на пути в управление «трудовой повинности». Какой это принесет успех и будет ли мне это во благо, ведомо одному лишь Господу.

Сегодня опубликовано сообщение об освобождении Рима⁴ и, одновременно, воззвание Гитлера: вторжение приведет врагов к окончательному поражению.

6 июня, вторник, вторая половина дня

Возможно, суббота, 3 июня 1944 года, станет последним днем моей работы на фабрике. Но меня до сих пор мучают сомнения, правильно ли я поступил, дав ходатайство об освобождении, и сегодня я уже не в первый раз был готов бежать к Ноймарку и дезавуировать свое заявление.

Ближе к вечеру

В то время как я занимался с Бернардом Штюлером, Ева принесла известие, что сегодня ночью (с 5 на 6 июня) началось вторжение союзников во Францию

⁴ В январе 1944 года американские войска высадились в тылу немецкой армии близ Неттуно; немецкие части отчаянно сопротивлялись до конца мая, но затем не выдержали объединенных английских и американских атак.

близ Шербура⁵. Ева была очень взволнованна, у нее дрожали колени. Сам я остался на удивление холоден: я больше уже или еще не в состоянии надеяться на близкие перемены.

8 июня, четверг вечером

Англичане удерживают позиции уже три дня и стоят близ Кана и Байё или в самих этих городах; итак, высадка удалась. Но как пойдут дела дальше и в каком темпе? Я больше не в силах надеяться, для меня почти невообразимо, что я смогу дожить до конца этих мучений, этих бесконечных лет рабства, что я смогу их пережить.

Власть реального. До вторника господствовало мнение: вероятно, они пока не высадятся, у них еще есть время, зачем им идти на такие жертвы. Или: если они все же придут, если высадятся, то не перед самым

⁵ 6 июня 1944 года англо-американские армии под командованием генерала Эйзенхауэра высадились в Северной Франции (Нормандия), между Шербуром и Каном; после этого, в течение короткого времени, союзники овладели полуостровом Котантен.

же Атлантическим валом⁶. Гораздо вероятнее, что это произойдет в Дании, в Испании, на Юге Франции, на Балканах... Со вторника все доказывают, что они должны были появиться именно перед Атлантическим валом. Постоянно находятся все более веские основания, почему осуществившееся должно было случиться именно так, а не иначе. Но если бы все произошло по-другому, для этого также сыскали бы совершенно убедительные причины.

Вчера был у Каца. Он исследовал меня официально в связи с моим ходатайством об освобождении и обнаружил, в самый неподходящий момент, что состояние моего сердца несколько улучшилось. Теперь он собирается требовать, чтобы мне либо предоставили кан-

⁶ Система долговременных оборонительных укреплений, которые создавались немцами в 1940–1944 годах, после разгрома Франции, вдоль Атлантического побережья (от Дании до Испании). Это была линейная система укреплений, протяженностью до 4000 км, для предотвращения вторжения англо-американских войск на континент. Атлантический вал в целом не был достроен, в нем были значительные «дыры». Нацистская пропаганда рекламировала его как «непроприступный рубеж».

целярскую работу за письменным столом (это с одним-то глазом), либо совсем меня освободили. Общее предписание: никто не имеет права просить об освобождении от работы до достижения 65 лет, болезни при этом в расчет не принимаются. Специальное предписание: евреи не могут быть заняты в канцелярии, им запрещено поручать письменные работы. Какое отступление от правил будет для гестапо более приемлемым: нарушают ли они пункт 1 или пункт 2? Я очень боюсь, что мое ходатайство выйдет мне боком.

24 июня, суббота вечером

Историческая дата моей жизни: вчера, 23.6.1944, я наконец-то получил действительное и полное освобождение от «трудовой повинности». Мне не потребуется больше выходить в ночную смену. Работа на фабрике, которую я должен был выполнять в течение более чем четырнадцати месяцев, которая стоила мне немало здоровья и прорвала попусту растрченного времени, в самом деле пришла к концу. Я еще слишком утомлен, чтобы по-настоящему радоваться. Мне стало известно об этом еще до обеденного перерыва. Ес-

ли бы господин Мёбиус проявил чуть больше участия, я бы смог уйти домой уже в начале смены. Но его это нисколько не волновало. Ко мне подошел Витковски: «Знаешь, я встретил на лестнице Мёбиуса и он мне сказал: «Для вас, господин профессор, у меня радостное известие — отныне вы освобождены от „трудовой пынности“! Я возразил ему, что, к сожалению, я не профессор». После этого я час за часом ждал, что Мёбиус меня вызовет — nada⁷. В обед господин Хартвиг⁸ сказал мне: «Вы хотите уйти домой? Я пойду спрошу, когда вам уходить». После этого он сообщил мне: «Я точно не знаю, все решает фирма „Бауэр“».

Ланг, наш непосредственный начальник и староста, очень мало подходящий для этой роли, выразил мнение, что под конец я должен отработать еще неделю. Я заявил, что свяжусь по этому поводу с Ноймарком; я сумел его изловить в пять часов: он позвонил Бауэру — и я тут же обрел свободу.

⁷ Ничего (исп.).

⁸ Мастер на фабрике Мёбиуса.

В последние два дня я стоял возле машины, изготавлившей конверты для делопроизводства: я должен был для нее считать их и паковать; этой машиной была фрау Виттих, полная, решительная, сдержанная, но в то же время добродушно-порядочная; она проработала на этом производстве бесчисленное количество лет, здесь же работал ее отец. Когда она услышала, что я ухожу, она немного смягчилась. «Войне, видать (она говорит с простонародными саксонскими оборотами), скоро конец!» Ее единственный ребенок, восемнадцатилетний сын, — матрос на подлодке; бесконечная работа на фабрике, а вечером приходит муж, тоже с фабрики, и даже не может рассчитывать на приготовленный ужин... «Вы, небось, теперь отдохнете, ухватите чуток лета!» Я сказал ей, что людям со звездой лучше избегать прогулок. На это получил наивнейший ответ, говорящий о ее полной неосведомленности: «Тогда я бы на вашем месте на улице ее не носила». Она была удивлена и никак не могла поверить, когда я сказал ей, что это может стоить мне жизни.

8 июля, суббота, первая половина дня

Циркулярное письмо Ноймарка старостам фабричных групп: стрижка волос отныне будет производиться кладбищенским садовником Бэром, а починка обуви — неизвестным мне Заславски. Это замена арестованному Фришману, парикмахеру и сапожнику — одному в двух ипостасях, — о котором теперь можно навсегда забыть. Как часто приходят мне на память стихи Андре Шенье о скотине, вытолкнутой на убой и уже не причисляемой к стаду. Сколько много было раньше циркулярных писем, запретов, приказов! Теперь они стали большой редкостью — все уже запрещено, да и евреев здесь почти не осталось. Эра домашних обысков тоже ушла в прошлое — их не производили уже два с лишним года. (Но опасность по-прежнему существует и грозит нам ежедневно.) Всё и вся заставляет меня снова и снова думать о том, как бесконечно долго уже продолжается наша жизнь в рабстве, думать о длинной-длинной веренице бесследно исчезнувших и умерших, каждый из которых надеялся пережить этот кошмар. И я вновь убеждаю себя, что не доживу до перемен;

в самой глубине моей души скрывается лишь тупая безнадежность, я уже не могу представить себе возможность обратного превращения раба в свободного человека.

После обеда

Ева в Пирне. Propter pecuniam nigram⁹. Ей придется также поклянчить талоны на хлеб, мы пребываем сейчас в величайшей нужде. Она уже вчера сказала, что мы живем теперь только подаяниями, а сегодня взмолилась: «Когда же этим поездкам за милостыней наступит конец!» Все это несказанно меня угнетает.

21 июля, пятница, ближе к вечеру

Я занимался разборкой моих выписок из Розенцвейга¹⁰ — самая утомительная из возможных работ, она

⁹ Из-за «черных денег» (лат.).

¹⁰ Клемперер получил от фрау Хиршельтом том писем Франца Розенцвейга (1886–1926), философа, теолога и педагога. Франц Розенцвейг основал в 1920 году, вместе с Мартином Бубером, «Свободный еврейский дом обучения» и в том же году опубликовал свое главное произведение «Звезда освобождения».

все еще не закончена, — когда, как и накануне, в половине двенадцатого, объявили тревогу: сначала маленькую, потом большую. Пребывание в подвале было на этот раз немного короче и обошлось без особых сенсаций, то есть оно было заполнено сенсацией совсем иного рода — вестью о покушении на Гитлера¹¹. Возможно, через несколько лет это событие представится нам таким же далеким, таким же туманным, каким мне видится сегодня афера в «Бюргербраукеллере» 1939 года¹². В чем там было дело, кто был исполнителем, кто это задумал etc. etc. Ни я, ни Ева уже не можем ничего припомнить, потому что дело это осталось без последствий и было вскоре перекрыто и оттеснено на задний план всеми последующими событиями. Возможно, так же случится и с этим покушением, однако, скорей все-

¹¹ 20 июля 1944 года полковник граф Клаус Шенк фон Штауффенберг совершил в штаб-квартире Гитлера покушение на его жизнь, в результате которого фюрер был легко ранен. План свергнуть гитлеровский режим и окончить войну провалился. Вслед за неудачной попыткой покушения последовали многочисленные аресты. Число только известных по именам казненных доходило до 190.

¹² См. comment к с. 241 наст. издания.

го, оно станет определенным поворотным пунктом. Современник, сопереживающий зрителю, ничего этого знать не может. Я придерживаюсь голых фактов. На лестнице нам встретилась фрау Витковски, которая сказала: только что стало известно, что на фюрера совершено покушение в его ставке, организовали его *названные по именам и уже расстрелянные немецкие офицеры*. Я поделился этим как свежей новостью с Ноймарком, находившимся в том же подвале. В ответ он сказал, что это уже напечатано во «Фрайхайтскампф» и что это случилось не сегодня, а вчера, а сегодня ночью фюрер выступал по радио. Он передал нам газету. Там описывалось само покушение, были названы имена присутствовавших и раненых офицеров, но не было ни словечка о виновных, только предположение, что в этом могла быть задействована Secret service¹³. Ноймарк добавил, что об участии немецких офицеров ходят всякие слухи (но евреям лучше соблюдать особенную осторожность, так как за ними определенно наблюдают); фрау Витковски сказала, что только что

¹³ Имеются в виду американские спецслужбы.

выпущены «Экстраблэттер» с именами всех расстрелянных. Ничего больше и ничего более достоверного я до сих пор, до семи часов вечера, здесь, в «еврейском доме», узнать не смог. Штюлеры тоже теряются в догадках. Штюлер сказал: возможно, все это ложь, он просто хочет присвоить себе славу святости и неуязвимости. Я: было бы чистым самоубийством утверждать, что армия повернулась против фюрера, такого не было даже в ноябре 1918-го. Штюлер: возможно, сведения, что покушение устроили немецкие офицеры, — фальшивка. Как они могли на это решиться, да еще в самой ставке? И как может немецкое радио утверждать подобное? Так мало мы в «еврейском доме» знаем о происходящем. Ева сейчас у Крайслерши; вероятно, она принесет какие-нибудь новости. Надеюсь, такие, которые нас хоть немного утешат и помогут нам пережить беспримерный голод последних дней. Слышна музыка, это играет военный оркестр и маршируют солдаты; Штюлеры узнали из объявления на стене, что это идет демонстрация и затем будет устроен большой митинг в поддержку Гитлера.

После 20 часов

Здесь — притом что разговор еще не был окончен и поставлена лишь точка с запятой — появился Кац, который навещал пациента (обычно в таких случаях он часто заходит к нам), а затем Ева. Пока что мы знаем: Гитлер сказал сегодня ночью (напечатано в газете), что «мелкая ничтожная клика неразумных офицеров» хотела устраниТЬ его, но они уже обезврежены, а его самого спасло «прорицание». Но затем, в противоречие к сказанному об обезвреживании, он приказывает армии не выполнять никаких указаний узурпаторов. Выражение «узурпаторы» повторяется неоднократно. (Я заглянул в словарь — *usu raperes*¹⁴.) Далее, он возлагает командование войсками, находящимися внутри страны, на Гиммлера. Таковы факты. В добавление к этому слух: где-то — место не указано — отмечены беспорядки, против восставших задействованы летчики. Английское радио: в Германии вспыхнула «гражданская война». Шутка профессора Винде (собственного изготовления?): вся Германия скорбит у пустых

¹⁴ Букв.: ты заберешь (возьмешь себе это) силой (*лат.*).

носилок Гитлера. Кац рассказал: очень нервный Ноймарк и некоторые другие евреи сегодня ночью уже паковали чемоданы. На это я сказал, и Кац со мной согласился: зачем паковать чемоданы? Если они нас сейчас заберут, то уже не повезут ни в какой Терезиенштадт, а просто поставят к стенке или повесят. Еще Кац сказал, что Ковно действительно уже захвачено русскими и оттуда идет обстрел немецких пограничных районов.

Я хочу до последнего момента продолжать наблюдать, записывать, анализировать. Страх ничему не поможет, всё в руках судьбы. (Но, конечно, несмотря на всю мою философию, время от времени мной овладевает непреодолимый страх. Так было вчера в подвале, когда над нами гудели американские самолеты.)

24 августа, четверг, первая половина дня

Вчера после обеда на железнодорожном переходе перед нашим домом меня обогнал рабочий; проходя мимо, он приблизился вплотную и громко сказал: «Выше голову! Этим подонкам скоро конец!» Нечто аналогичное было у Штюлера. Но такие эпизоды случались

и годы назад, раз в несколько дней, и с такой же частотой за ними следовали эпизоды с обратным знаком. Из этого нельзя ничего заключить, как нельзя ничего заключить и из военного положения, каким бы отчаянным оно ни было для Германии как на Западе, так и на Востоке.

14 сентября, четверг, первая половина дня

Ева принесла вечером домой — хотя сама сводок не слышала и газет не читала — в качестве последних сообщений из немецкой военной сводки: английское наступление на Ахен; из английской сводки: во время атаки на Трир совершен переход немецкой границы — ширина перехода 35 км. На Востоке, согласно сообщениям, также началось наступление, и оно идет полным ходом.

15 сентября, пятница, первая половина дня

Тупость или притупленность фантазии! Я так привык к известиям о разрушенных городах, что они уже не производят на меня никакого впечатления.

Но вчера у Штайница — я шел, собственно, не к нему, а к живущему рядом часовщику, который на время починки дал мне в долг свой несуразный будильник, — меня вдруг взволновало письмо, написанное его другом из Кёнигсберга. Родной город Евы на три четверти разрушен; только по официальным данным, в нем 5000 убитых и 20 000 раненых; автор письма и его жена потеряли все, кроме того, что было на них надето, трое родственников этого человека, старого окружного судьи, погибли. Это потрясло меня, и когда утром — при свете неправдоподобно пурпурной, раскаленной до черноты зари — я мыл посуду и смотрел в окно на Каролабрюкке и на строгий ряд домов на той стороне реки, я все время представлял себе, как эти дома внезапно валятся один за другим и разлетаются на мелкие куски — и ведь это действительно может стать реальностью в любой момент, как это каждый день реально происходит где-то в Германии. Но если сегодня, в ближайшие часы, не объявит тревоги, то впечатление, вероятно, поблекнет и отступит, и я буду и дальше надеяться на «тетушку Черчилля». До сих пор Дрезден действительно все еще продолжают щадить, недавняя

ослепительная вспышка и грохот были не от сброшенных бомб, а от собственной зенитки.

Вальдман сообщил вчера, что по зарубежному радио передали следующее: когда русские ворвались в Ларушу (Варшавское направление), они обнаружили там эсэсовцев, которые как раз собирались расстрелять 1000 евреев (мужчин, женщин и детей). Русские освободили евреев и поставили к стенке эсэсовцев. Я вполне верю этому сообщению, никто из нас в нем не сомневается. И каждый спрашивает себя, остались ли еще живые евреи в Польше. Когда я вечером пересказывал это сообщение Кону, с ним приключился припадок такого безудержного страха, что его буквально всего затрясло. Он кричал, что знать ничего не знает о зарубежном радио, все время поминал гестапо etc. etc. Тот же панический ужас, что и у Глязера, что и у Штюлера. Нет ничего более ужасного, чем страх евреев перед гестапо.

Передовая статья «Рейха» от 3 сентября — Геббельс: «Непоколебимость нашего доверия». Это в равной мере бесстыдно, преступно и удивительно, как снова и снова, вопреки всем официально опровергаемым

фактам, людям твердят все те же заезженные фразы о «времени, которое работает на нас»; вдалбливают в мозги надежду на скорое появление нового чудесного оружия. При этом употребляются все те же навязанные в зубах слова: признаются временные «отступления», но тем не менее наша «военная мораль» все еще выше всякой иной, нас связывает «нерушимое единство», «мы никогда не устанем наглядно доказывать нашему народу, что все шансы на окончательную победу в его собственных руках, сегодня уже не важно, где мы сражаемся, сегодня важно, за что и как мы сражаемся... Нам хватит дыхания, когда дело дойдет до финишного рывка!» Самая безумная из этих фраз: нам, в сущности, безразлично, «где мы сражаемся». Они хорошо знают, что война проиграна, но они предоставляют противнику возможность разрушать один город за другим, чтобы выиграть для себя хотя бы еще несколько недель или несколько месяцев. Что касается языка, то он у них не меняется: они будут до конца верны узколобому единообразию и монотонности LTI.

27 сентября, среда утром

Сегодня после обеда Ева намерена поехать в Пирну; последний раз она была там 8 июля. За каких-то три месяца столько всего случилось: полный крах на Западе, покушение на Гитлера и праздник казни его врагов, потеря Балкан и Финляндии. Оглядываясь, видишь, как непомерно много произошло за такой кратчайший срок. И все же для нас, находящихся внутри, характерный признак любого дня: все идет слишком медленно, слишком велика сила инерции и застоя! Собственно говоря, в перевозке рукописей из Дрездена в Пирну есть что-то от шильдбюргеров¹⁵. От зажигательных бомб в промышленной Пирне (непосредственно рядом — завод Кюттнера, изготавливающий парашюты!) мои материалы по меньшей мере так же мало защищены, как

¹⁵ «Шильдбюргеры» (1598) — знаменитая старинная немецкая «народная книга». Ее герои — жители местечка Шильда — постепенно становятся «совершенными глупцами» и получают известность своими «дурачествами»: сеют соль, чтобы получить соляной урожай; затаскивают корову на крышу, чтобы она съела выросшую там траву, и т. д. и т. п.

и здесь. И разве там они намного надежнее спрятаны от гестапо?

У Аннемари, как известно, не слишком хорошая репутация, она неоднократно вызывала их недовольство. Конечно, постепенно она сделалась осторожней: с сентября 41-го я ношу звезду, 9 октября 41-го она была у нас в последний раз. И все же! Я не могу не сознавать, какой опасности она подвергает себя ради нас. Ей ведь известно не только то, что она берет на хранение мои рукописи; она знает также, что речь идет об опасных дневниках. Она уже давно знает, что за это можно схлопотать не только тюремный срок, но теперь, совершенно однозначно, потерять голову.

Мои дневники и заметки! Я все снова повторяю себе: если до них доберутся, это будет стоить жизни не только мне, но и Еве, и многим другим людям, которых я называю здесь по именам, а я должен их называть, если хочу, чтобы мои записи имели документальную ценность. Вправе ли я это делать; действительно ли я могу считать это своим долгом или во мне говорит лишь преступное тщеславие? И еще: уже двенадцать лет я ничего не публиковал, я только все накапливаю,

накапливаю и складываю. Имеет ли это хоть какой-нибудь смысл, будет ли хоть что-то закончено? Англичане с их бомбами, гестапо, стенокардия, шестьдесят три года! И даже если что-то будет закончено, если что-то из этого выйдет в свет, будет иметь успех, если я, так сказать, «буду продолжать жить в своих книгах», что это даст мне, какой смысл это будет иметь для меня? Я так мало способен верить, нет у меня таланта быть верующим; из всех возможностей, если говорить о личности — а ведь в ней одной все дело, что мне до Вселенной, до Космоса, до «народа» или до чего-нибудь еще, что не есть «я», — то есть из всех возможностей наиболее вероятной мне кажется превращение в ничто. И я трепещу перед этим сильнее, чем перед каким-нибудь «вечным судией», в какой бы форме его ни представляли. И все это (ежедневно и даже несколько раз в день проносящееся в моей голове) я сейчас записываю, потому что не собираюсь отсылать в Пирну чистые листы. И сразу же после отъезда Евы продолжу работать, то есть читать и записывать. Не потому, что у меня такой уж избыток энергии, а просто я не способен найти для своего времени лучшего применения.

8 октября, воскресенье, первая половина дня

Я пишу все это с очень сильно изменившимися чувствами. Вчера впервые «это коснулось нас напрямую». До этого бомбили Фрайталь, но Фрайталь — еще не Дрезден. А теперь же это действительно обрушилось непосредственно на нас. В 11 часов 45 минут объявили тревогу. Я как раз делал выписки из Геринга и не прервал работы, а Ева находилась в гостях у фрау Винде (угол Бамбергер- и Хемницерштрассе). В 12.00 объявили большую тревогу. Я сунул в карман «Тонио Крегера»¹⁶, совсем тонкую книжицу (от Штайница), и спустился в полупустой подвал, где некоторое время спокойно сидел и читал. Затем ударила зенитка, после чего последовали резкие мощные толчки, явно бомбы; выключилось электричество, а воздух стал сильно колебаться, что сопровождалось специфическим шуршанием (причиной этого были падающие на близком расстоянии бомбы). Я не смог унять сильное сердцебиение, но внешне сохранял полное спокойствие. По-

¹⁶ Новелла Томаса Манна.

немногу все стихло, через открытую дверь в подвал на небе можно было видеть змеящиеся полоски и завитушки («конденсационные следы» от пролетавших самолетов), а в районе Веттинского вокзала стояли густые столбы дыма (должно быть, горели цистерны на заводе у Шелла); слышались сигналы проезжавших пожарных машин. Затем снова — гул самолетов и снова разрывы. У пожилой женщины начался сердечный приступ, и ее отвели домой. Электрические лампочки помигали и вновь загорелись. Новые залпы зениток... Отбой дали только к половине второго. Никто не знал, что же все-таки произошло. Называли только район Веттинерштрассе и Постплац. Теперь я начал волноваться за Еву. Она вполне могла оказаться на Постплац. (Позднее выяснилось, что ей пришлось спуститься в подвал у самой Постплац; она уже ехала в шестом трамвае, когда объявили малую тревогу.) Люди, возвращавшиеся с заводов, приносили дополнительные известия. Трамвайное движение прервано, потому что возле Анненкирхе повреждены рельсы и имеется большая воронка...

Еву мне пришлось ждать довольно долго, до семи часов. У нее были с собой две тяжелые сумки, и она тащила их от фрау Винде до «Гертруд Шмидт»¹⁷ (Винкельманштрассе), где она их оставила, так как трамваи еще не ходили и ей пришлось возвращаться пешком. В полдень она вместе с фрау Винде сидела на ступеньках подвала; они видели, что с крыши дома фрау Винде тянутся вверх густые клубы дыма. Неразорвавшаяся бомба упала на находящийся поблизости от Винде земельный участок «Дремы»¹⁸ (я как водитель всегда заивировал их широкому подъездному пути). На обратном пути Еве повстречалась сама Фама¹⁹. Один рабочий громко рассказывал, что здание драматического теат-

¹⁷ Одна из знакомых Евы, фрау Аренс, арийка, нередко делившаяся с Клемперерами продуктами и прочими полезными вещами; посылая Еве открытки, она подписывалась для конспирации «Гертруд Шмидт».

¹⁸ Акционерное общество «Дрезденские машины для получения, производства и распространения пищевых продуктов», Вюрцбургер-штрассе, 9.

¹⁹ У римлян со времен Виргилия олицетворение молвы.

ра стерто с лица земли, а Цвингер²⁰ сильно поврежден. Фрау Аренс встретила Еву вопросом, действительно ли Хемницерштрассе полностью разрушена. На самом деле там не упало ни одной бомбы, а фрау Аренс – сама уполномоченная по противовоздушной обороне – должна была бы это знать. Куда, собственно, упали бомбы и есть ли убитые – мы до сих пор понятия не имеем. Тем не менее, Дрезден впервые подвергся бомбардировке и это может повториться в любой момент. Собственно говоря, предстоит атака на «Западный вал»²¹, утверждается в газетах, а в качестве подготовки, чтобы парализовать подвоз снабжения и людских резервов,

²⁰ Замечательный памятник архитектуры эпохи барокко, праздничный дворец саксонских курфюрстов с внутренним двором для приемов и увеселений в саду; построен при курфюрсте Августе II Сильном (позднее польско-саксонском короле Фридрихе-Августе I) в 1711–1742 годах архитектором М.-Д. Пёппельманом. Притерпел значительные разрушения во время сокрушительной англо-американской бомбардировки Дрездена в ночь с 13 на 14 февраля 1945 года. В послевоенные годы был восстановлен.

²¹ «Западный вал» («линия Зигфрида») – система укреплений вдоль западной границы фашистской Германии.

бомбежкам подвергается вся Германия; вчера и позавчера они вновь были повсюду: по всему побережью, в Мюнхене, в Берлине. Кажется, разговоры о «тетушке Черчилля» и об «обещании Бенешу» не имеют под собой никакого основания.

Вчера вечером нас посетил Кац; его гложет другая забота: он узнал, что если дело дойдет до эвакуации Дрездена, то всех евреев из смешанных семей и всех полукровок будут отправлять в Бухенвальд; во всяком случае, так уже было с евреями из других эвакуированных городов. Кац назвал это принудительным помещением в «загон». Итак, если немецкий фронт будет прорван, евреи попадут в «загон», и сумеют ли они оттуда выбраться, большой вопрос.

24 октября, вторник утром

В воскресенье вечером к нам на несколько минут заглянул Конрад. С большой долей убедительности, основанной на его сведениях, предположениях и расчетах, он с ужасом рассказывал о судьбе евреев, оказавшихся под властью Гитлера: о польских, венгерских, балканских евреях, о немецких евреях, депортирован-

ных на Восток, и о евреях из захваченных Гитлером стран Западной Европы. Он полагает (по сообщениям солдат), что перед отступлением всех подчистую убивают, что никого из увезенных на Восток мы никогда больше не увидим, что уже уничтожено (точнее: расстреляно и удушено газом) от шести до семи миллионов евреев (из пятнадцати миллионов, проживавших в европейских странах). Шансы на выживание для нас, маленькой кучки оставшихся здесь евреев, находящихся в когтях отчаявшихся зверюг, он также оценивает как ничтожные — впрочем, он рассуждает, как и все представители дрезденского еврейства.

Мы слышим теперь немало жалоб и со стороны арийцев на все усиливающийся голод и на растущую опасность для жизни. Я говорю себе всегда: нам, евреям, того и другого отпущено вдвое. Мы получаем ужасающее, несравненно меньше продуктов, и нашей жизни угрожают не только бомбы, но, в гораздо большей степени, гестапо. Слух, что супружеские пары из смешанных браков собираются разлучить, сохраняется и усиливается.

18 декабря, понедельник утром

В субботу я получил от Хессе²² всего лишь один центнер угольных брикетов. Он сказал, что до января у него больше ничего не будет, близится угольная катастрофа. Между тем наступили серьезные морозы. Мне они почти что... нет, в самом деле любезны: они ускорят продвижение русских.

Сегодня рано утром, пока я умывался, фрау Штюлер рассказывала, что получила письмо из Гейдельберга: там, хотя они еще не объявлены «военной зоной», живут как в аду. Несколько дней в неделю у них полностью выключают газ, постоянно приходится сидеть в подвале — мы здесь, по их мнению, еще понятия не имеем, что такое война. Далее: вчера во время занятий по противовоздушной обороне (в «Доме моды» Бёме на Вайзенхаусштрассе) фрау Штюлер вновь поразила тупость и ограниченность народа (народ — это вообще понятие с вечным знаком вопроса). Несколько человек, сидевших рядом с ней, которых трудно причис-

²² Супруги Хессе — торговцы углем и дровами.

лить к вовсе необразованным, все еще твердо убеждены в победе Германии; по их мнению, после того как страна выдержала эти трудные летние месяцы, теперь она снова воспрянет и начнет продвижение вперед. Итак, пропаганда прессы etc. все еще действует? Но на какой процент населения? И насколько Саксония, насколько пощаженный пока что Дрезден, насколько эта группка из трех-четырех человек характерны для Германии в целом? Опять точное знание невозможно и все недостоверно.

31 декабря, воскресенье вечером, 19.30

Только что — я как раз читал Еве вслух — объявили тревогу. Она была очень короткой: с 18.50 до 19.10, но нам пришлось сразу же по гололедице в полной темноте тащиться в подвал. Эти учащающиеся тревоги меня все же нервируют: наш Дрезден, который «щадят», уже в этом году тем не менее пережил две настоящие бомбейки, каждая из которых унесла жизни около двух сотен человек. Сегодня — я заметил это уже утром — укладывание и втаскивание по ступенькам наверх угля далось мне особенно тяжело. Мое сердце тоже при-

нимает участие в составлении резюме этого прожитого года. Единственной существенной для меня датой было 24 июня, день моего освобождения от трудовой повинности. С тех пор как я избавился от «фабричного рабства», я могу — сначала мне это было трудно, но теперь я снова уже привык — больше и продуктивнее работать для себя, то есть: читать наобум все, что попадется под руку, *sub specie*²³ LTI. Но с 24 июня я сознательно пребываю под двойной угрозой смертного приговора: если бы мое сердце не было в столь плохом состоянии, Кац, верно, не смог бы ходатайствовать и добиться моего освобождения. (Правда, этому в некоторой мере посодействовал парез глаза, состояние которого с тех пор, бесспорно, немного улучшилось.) Таким образом: если дело дойдет до скорой эвакуации Дрездена, то, числясь работоспособной единицей, я, скорее всего, был бы отправлен куда-нибудь рыть окопы; если же я — всего лишь бесполезный еврейский старик, то меня, без сомнения, просто-напросто «ликвидируют».

²³ С точки зрения (лат.).

Я смотрю в будущее с тупой покорностью и не пытаю никаких особых надежд. Срок окончания войны все еще под вопросом (хотя в данный момент шансы Германии, при остановленном наступлении на Западе и потере Будапешта, снова понизились). Под еще большим вопросом, что может принести мир лично мне, поскольку моя жизнь явно в любом случае близка к окончанию.

Как-либо примириться с мыслью о смерти я не могу: религиозные и философские утешения на меня не действуют — в этой помощи мне полностью отказано. Для меня важно лишь одно: не потерять достоинства и сохранять самообладание до самого конца.

Лучшее средство для этого — погружение в работу, как будто накопление все нового материала действительно имеет смысл.

Мрачно и безнадежно также и мое финансовое положение. Моего банковского счета хватит едва ли до апреля, никак не дольше. Но денежные заботы в последнее время мало меня тяготят. Они кажутся мне незначительными в сравнении с постоянной двойной, тройной, непосредственной близостью смерти.

Год подходит к концу, принеся нам огромное разочарование. Вплоть до осени я — а вероятно, и весь мир — считал несомненным, что война закончится еще до конца года. Теперь все считают, в том числе и я, что это продлится, возможно, еще несколько месяцев, а возможно, еще и года два.

Вторая тревога этого предновогоднего вечера: с 22.15 до 22.30, правда без хождения в подвал. Мы уже как раз собирались лечь спать.

1945

15 января, понедельник, первая половина дня

Вчера во второй половине дня здесь был Левински, долго сидел у нас и Витковски, все тот же неунывающий *moriturus*¹. Левински слышал от неких арийцев то, что мы сами давно уже слышали от очень разных

¹ Обреченный на смерть (лат.). С Витковски, бывшим лавочником, Клемперер познакомился еще на фабрике Шлютера. Свое прозвище тот получил оттого, что был болен раком кишечника. Однако семидесятилетний Витковски не унывал и даже отказался от освобождения от работы, уверяя, что дома ему скучно, а на фабрике он все же зарабатывает. В октябре 1944 года Витковски удалось сделать в Берлине операцию, после чего он долго болел, но выжил. Он пережил сокрушительную бомбардировку Дрездена 13–14 февраля; последний раз Клемперер встретил его с женой среди расположившихся лагерем у стены Брюлевской террасы, о чем он упоминает в дневниковой записи от 22–23 февраля, сделанной уже в Писковице, на пути бегства.

людей, причем все утверждали одно и то же, так что это не может быть выдумкой: что немцы в Польше совершили зверские убийства евреев. Один солдат рассказывал, как маленьких детей хватали за ножку и разбивали им голову о стену дома. После этого тот же Левински с величайшим актерским пафосом, выражающим крайнее возмущение, стал читать нам вслух статью из «Немецкой всеобщей газеты» о том, какие опустошения и невосполнимые потери памятников культуры стали результатом последнего варварского налета англичан на Нюрнберг, сколько там разрушено патрицианских домов, церквей и т. д. Я спросил его, знает ли он, кто разрушил синагогу в Нюрнберге и Тауэр в Лондоне, известно ли ему, сколько фабрик и заводов работали в Нюрнберге на войну. Я сказал ему, что начинаю свирепеть, едва слышу слова «немецкая культура».

25 января, четверг вечером, 19 часов 30 минут

Фрау Штюлер часто жалуется на своих коллег из магазина готового платья «Бёме» на Георгсплац — на то, как все они помешаны на идеях национал-социализма,

и на их бесконечную слепую веру в победу. Но сегодня она мне рассказала, что теперь все эти женщины сильно напуганы, они ожидают скорого прихода русских и спорят, что для них лучше: оставаться дома или спасаться бегством. Большинство предпочитает бегство, русские, в их представлении, — очень жестокие и кровожадные.

Я только что был внизу у Вальдмана² — во-первых, я хотел спросить о последней сводке, во-вторых, разведать настроение здешних евреев. Там были Бергер и Вернер Ланг³, удивительной казалась элегантность клубных кресел в подвальном помещении с грубым, необработанным дощатым полом. Я узнал, что русские уже возле Брига, что они форсировали Одер, что они (немецкое сообщение!) приближаются к Бреслау; в Бромберге идут уличные бои, русские достигли также Эльбинга и взяли Оппельн. Наши ожидают также их быстрого продвижения и атаки на Дрезден. Должно быть, здесь будет невероятное скопление беженцев из

² Управляющий «еврейским домом» на Цойгхаусштрассе, 1.

³ Коллеги Клемперера по фабрике Шлютера на Вормсерштрассе.

Силезии. Кажется, на этот раз конец действительно наступит быстро, он уже так близок, что остановить его невозможно.

Удивительно и почти пугает, что уже столько дней не было ни одной воздушной тревоги. Теперь, когда русские стоят возле Бреслау! Что же такое готовится, что нам еще предстоит?

8 февраля, четверг вечером, 19 часов

Ева сегодня днем очень долго стояла в очереди за колбасным отваром, потом опять стояла в очереди у «Максе» («Широкий выбор берлинских деликатесов») — в результате она упала в обморок и пришла домой в очень жалком виде. Она слишком замучена, загнана, очень плохо питается; она не может, подобно мне, заменить недостающее качество количеством. Я не в силах ей помочь и сильно от этого страдаю, я подавляю свой голод муками совести.

О войне уже сорок восемь часов нет никаких новостей. Опять для нас все идет слишком медленно. Все дрожат от страха. Евреи боятся гестаповцев, которые могут убить их перед приходом русских; арийцы боят-

ся русских; евреи и арийцы одинаково боятся эвакуации и голода. В быстрый конец опять никто не верит, иудеи и христиане вместе боятся воздушных налетов.

13 февраля, вторник, вторая половина дня, настоящая весенняя погода

Одиссей у Полифема⁴. Вчера после обеда меня затребовал к себе Ноймарк; сегодня утром я должен помочь ему разносить письма. Я, ничего не подозревая, согласился. Вечером ко мне наверх на короткое время зашел Бергер, я рассказал ему об этом, и он заявил с досадой, что речь, очевидно, идет об отправке на «рытье окопов». Я все еще не осознавал серьезность угрозы. Сегодня в восемь утра я пришел к Ноймарку. Из его комнаты вышла плачущая фрау Эрих. И тогда Ноймарк сообщил мне, что всех трудоспособных отправляют в эвакуацию, людям говорится, что для какой-то ра-

⁴ Во время скитаний Одиссей со своими спутниками попал в пещеру к кровожадному циклопу Полифему. Только благодаря хитрости Одиссей и его спутники смогли вырваться на волю из ужасного плена.

боты вне города; я сам, как «освобожденный от трудовой повинности», остаюсь здесь. Я: значит, для меня конец более несомненен, чем для отъезжающих. Он: это не так, напротив, возможность остаться считается большой льготой; оставляют, например, человека, у которого два сына погибли в первую мировую войну; оставляют его, Ноймарка, далее, Каца (очевидно, как награжденного Железным крестом I степени, а не как врача, потому что Симона отсылают); затем остается Вальдман, несколько тяжелобольных и «освобожденные от трудовой повинности». Мое сердце забастовало, и так продолжалось почти пятнадцать минут; затем я полностью отупел, то есть стал все наблюдать и запоминать для моего дневника. Циркулярное письмо, которое предстояло разнести и вручить адресатам, содержало следующее: в пятницу рано утром всем надо собраться на Цойгхаусштрассе, 3, в рабочей одежде и с небольшим ручным багажом, потому что его придется нести довольно значительное расстояние; нужно также иметь с собой провиант на два-три дня пути. На этот раз имущество, мебель и прочее конфискованы не

будут; подчеркивалось, что речь идет только о работах за городом и ни о чем ином.

Но все равно это воспринималось всеми как смертельный приговор. При этом предстояли ужаснейшие, душераздирающие расставания: фрау Айзенман и маленький Жоржи, например, остаются, а одиннадцатилетняя Лизель, носящая звезду, должна покинуть город с отцом и с дедушкой — Гербертом Айзенманом. Возрастной предел, как высший, так и низший, видимо, в расчет вовсе не принимался: уводят как семидесятилетних, так и семилетних — непонятно, что же понимать под словом «работоспособный». Первой я должен был известить фрау Штюлер, она испугалась даже больше, чем если бы ей сообщили о смерти мужа, и с застывшим взглядом помчалась прочь, чтобы поднять тревогу среди друзей своего Бернгарда. Затем я поехал — в данном случае я имел право использовать транспорт — со списком из девяти имен в район вокзала и на Штреленерштрассе. Симон, еще полуодетый, сохранял некоторое самообладание, в то время как его обычно выносливая и крепкая жена так обес силела, что чуть не грохнулась на пол. Фрау Геде на

Седанштрассе, очень постаревшая, странно широко та-ращила глаза и все время открывала рот, так что платок, который она держала у губ, почти исчезал в нем; она протестовала страстно, болезненно, ее лицо перека-шивала судорога, она повторяла, все более акцентируя: это невозможно, она будет бороться против такого при-каза, она дойдет до самого верха, она не может уехать и оставить своего десятилетнего внука и семидеся-тилетнего мужа, ее зять схвачен за границей «из-за немецкого, ради немецкого дела», она будет бороться и т. д. Фрау Крайслер-Вайдлер, истеричности которой я очень боялся, не оказалось дома, и я с облегчением бросил листок в почтовый ящик. На той же Франклин-штрассе мне нужно было еще зайти к фрау Пюркхауэр. Она была не одна. Рядом с ней стоял ее глухой арий-ский муж. Это были маленькие люди. Они оказались самыми спокойными и безропотными из моего спис-ка. Несмотря на внешнюю сдержанность, плохо было с фрау Гроссе с Ренкштрассе, проживающей на кра-сивой вилле у самой церкви Святого Луки. Женщина среднего возраста, к которой больше подходило слово «дама», она хотела позвонить своему мужу и беспо-

мощно стояла у телефона: «Я все забыла, я не могу вспомнить, какой же у него номер, он работает на фирме по изготовлению конфитюра... бедный мой муж, он болен, бедный мой муж... а у меня самой такое большое сердце...» Я пытался ее успокоить: возможно, не все так плохо, вероятно, долго это не продлится, ведь русские стоят у Гёрица, мосты уже заминированы, она не должна думать о смерти, не надо говорить о самоубийстве... Я получил наконец необходимую расписку в получении и пошел прочь. Едва я закрыл за собой дверь в коридоре, как услышал ее рыдания. Но несравненно мучительнее была сцена с фрау Биттервольф на Штрувенштрассе. Снова бедный, убогий дом; я как раз с трудом изучал табличку с фамилиями в подъезде, когда в него вошла молодая, белокурая женщина с курносым носиком, она вела за руку славную, аккуратно одетую девчушку лет четырех. Я спросил: «Где тут живет фрау Биттервольф?» Оказалось, что это она и есть. Я сказал, что принес ей неприятное сообщение. Она прочла бумагу, несколько раз повторила совсем беспомощно: «Но что будет с ребенком?», затем тихо расписалась своим карандашиком. Девочка между тем

подошла ко мне совсем близко, протянула мне своего игрушечного мишку и радостно, с сияющими глазами объяснила: «Это мой Тедди, погляди, это мой Тедди!» Женщина взяла девочку за руку и пошла с ней вверх по лестнице. Сразу вслед за тем я услышал ее громкий плач. Затем плач прекратился.

Уничтожение Дрездена

13 и 14 (вторник, среда) февраля 1945 года

Писковиц, 22–24 февраля

Во вторник вечером, до предела измученные и подавленные, мы сели выпить кофе около половины десятого, так как я весь день, словно вестник, приходящий к Иову, бегал по адресам, а вечером Вальдман определенно меня заверил (из прошлого опыта и на основании случайно оброненных замечаний), что те, кого отправляют в пятницу, действительно обречены на смерть («их загонят на какой-нибудь запасной путь») и что мы, оставшиеся, тоже будем ликвидированы через восемь дней. Но тут раздался сигнал самой серьезной тревоги, извещающий о близкой и непосредствен-

ной опасности. «Хоть бы они все здесь разнесли!» — в сердцах сказала фрау Штюлер, которая целый день бегала, явно безрезультатно, пытаясь освободить своего мальчика. Если бы дело ограничилось только этим, первым налетом, он, верно, запечатлелся бы у меня в мозгу как самый до сих пор ужасный, в то время как теперь, перекрытый последующей катастрофой, он уже поблек и сгладился до события рядового масштаба. Вскоре мы услышали пронзительный, все нарастающий гул приближающихся эскадрилий, выключился свет, совсем близко раздался грохот... Пауза, чтобы перевести дыхание, мы стали на колени и пригнулись между стульями; из некоторых людских группок, находившихся в подвале, стали доноситься плач, визг, жалобные стоны. Новая концентрация смертельной опасности, новое попадание где-то по соседству. Я не помню, сколько раз это повторялось. Вдруг подвальное окно на задней стене, против входа, резко распахнулось, и мы увидели, что снаружи светло, как днем. Кто-то завопил: «Зажигательная бомба! Мы должны ее погасить!» Двоих людей достали пожарный насос и с шумом начали его качать. Последовали новые раз-

рывы, но со двора к нам больше ничего не залетало. Затем стало потише, и наконец дали отбой. Чувство времени у меня совершенно пропало. Снаружи по-прежнему было необыкновенно светло. На Пирнаплац, на Маршал- штрассе и где-то на том или этом берегу Эльбы вздымалось яркое, ослепительно яркое пламя. Земля повсюду была усеяна осколками. Дул ужасный штормовой ветер. Настоящий ли то был ветер или дуновение пожара? Вероятно, и то и другое. На лестничной площадке в доме на Цойгхаусштрассе, 1, оконные рамы были вдавлены внутрь, некоторые из них лежали прямо на ступеньках и затрудняли проход. У нас наверху тоже все было усеяно осколками. Рамы были выбиты и валялись на полу — в спальне пострадало только одно окно; в кухне были разбиты лишь стекла. Шторы для затемнения были разодраны надвое. Электричества не было, вода не текла. Над Эльбой и на Маршалштрассе — это было видно из окна — продолжались большие пожары. Фрау Кон сообщила, что у нее в комнате воздушной волной сдвинуло всю мебель. Мы зажгли и поставили на стол свечу, допили холодный кофе, съели немного хлеба; шагая ощупью, раздвигая

осколки, добрались до кровати. Ева сказала, укладываясь: «У меня на одеяле осколки!» Я слышал, что она поднялась и стряхивает осколки; потом я заснул. Через некоторое время, должно быть после часу, Ева меня разбудила: «Тревога». — «Я ничего не слышал». — «Да точно. Сигнал был тихий, они разъезжали с ручными сиренами, тока-то нет». Мы встали, фрау Штюлер позвонила в нашу дверь: «Тревога». Ева постучала к фрау Кон — об этих двоих мы больше никогда ничего не слышали, — и мы поспешили вниз.

Улица была залита светом и почти безлюдна, вокруг все горело, штормовой ветер не прекращался. Перед стеной между двумя домами на Цойгхаусштрассе (это была стена бывшей синагоги, позади которой были построены бараки), как обычно, стоял постовой «Стального шлема». Проходя мимо него, я спросил, правда ли, что вновь объявлена тревога. «Правда». Ева на два шага опережала меня. Мы вошли в подъезд дома № 3. Внезапно совсем рядом послышался страшный удар — упала бомба. Я невольно отступил и рухнул на колени, прижавшись к стене рядом с входной дверью. Когда я оглянулся, Евы не было; я подумал, что она уже

в нашем подвале. Было тихо, я бросился через двор к «еврейскому подвалу». Входная дверь отсутствовала. Группка людей, издавая жалобные стоны, сидела съежившись справа от дверного проема, я примостился на коленях слева, у окна, и стал звать Еву, несколько раз выкрикнув ее имя. Ответа не было. Снова тяжелые удары бомб. Снова распахнулось окно на противоположной стене, вспыхнул яркий свет, и снова кто-то стал нажимать на брандспойт. Затем ударило по окну, возле которого я сидел, что-то очень горячее задело правую половину моего лица. Я дотронулся рукой: вся рука была в крови; я ощупал глаз, он был цел. Группа русских — откуда они здесь взялись? — ринулась из подвала наружу. Я бросился за ними. Рюкзак был у меня на спине, серая сумка с рукописями и Евиными украшениями — в руке, старая шляпа с меня слетела. Я спотыкался и падал. Один из русских помог мне встать на ноги. В стороне виднелся выпуклый свод Бог знает от какого, уже наполовину разрушенного подвала. Некоторые люди бросились туда. Там было жарко. Русские побежали в другом направлении, я последовал за ними. Затем мы стояли в каком-то открытом

проходе, сбившись в кучу, пригнувшись. Передо мной простиралась большая пустая площадь, которую я не узнал, посреди нее зияла невероятной глубины воронка. Грохот, вспышки, разрывы. Я ни о чем не думал, не было даже страха, лишь невероятное напряжение, скорее всего, я ожидал конца. Через короткое время я все же полез по какому-то своду или по строительным лесам, а может, по ступеням, и выбрался на площадь. Я прыгнул в воронку, некоторое время лежал там на голой земле, затем с трудом вскарабкался на верх, перелез через край и попал прямо в телефонную будку. Кто-то крикнул: «Сюда, господин Клемперер, сюда!» В разрушенном домике общественной уборной, в нескольких шагах от меня, стоял Айзенман-старший, держа на руках Жоржи. «Я не знаю, где моя жена». — «Я тоже не знаю, где моя жена и другие дети». — «Становится слишком жарко, горит деревянная обшивка... скорей туда, в большой зал банка!» Мы забежали в окруженнное пламенем, но выглядевшее крепким и надежным здание государственного банка. Бомбы, казалось, облетали его, не задевая, но вокруг все пыпало. Я не мог различить, что именно горит, я видел только море

пламени там и тут, со всех сторон слышал гудение огня и завывание ветра. Через некоторое время Айзенман сказал: «Нам нужно спуститься к Эльбе, мы сумеем пробраться». Он побежал вниз с ребенком на плечах; через пять минут я стал задыхаться и понял, что мне за ним не поспеть. Группа людей пробиралась через парковые заросли наверх, на Брюлевскую террасу; приходилось идти совсем близко от горящих зданий, от разбушевавшегося огня, но наверху, должно быть, прохладнее и легче дышать. И вот я стою на Брюлевской террасе, меня обдувает шквальным ветром и заливает проливным дождем. Справа и слева пылают огромные здания: Бельведер и, вероятно, Академия художеств. Когда струи дождя на одной стороне террасы становились слишком сильными, я переходил на другую. Чуть подальше не было видно ничего, кроме окруживших нас плотным кольцом пожаров. По эту сторону Эльбы особенно выделялось, как яркий факел, какое-то высокое здание на Пирнаплац; по ту сторону Эльбы — раскаленная добела, заливающая все ослепительным светом крыша министерства финансов. Постепенно меня стали одолевать разные мысли. Если Ева поте-

рялась, она вполне могла спастись; почему я так мало думаю о ней? Я накинул на голову и на плечи шерстяное одеяло — одно: другое я, очевидно, где-то потерял вместе со шляпой; одеяло прикрыло также и мою звезду. Я все время нес в руках драгоценную сумку и — конечно же, как я мог забыть — маленький кожаный чемоданчик с Евиными шерстяными вещами, который я не выпустил из рук и смог удержать во время лазанья. Каким образом мне это удалось — до сих пор остается для меня загадкой. Когда начался дождь, земля стала мокрой и вязкой, так что я просто не мог ничего на нее поставить, а сильное физическое напряжение одурманивало и отвлекало меня. Но время от времени, как глухая боль и укол совести, пробуждалась мысль: что же с Евой, почему я не думаю о ней все время, почему не ищу ее? Иногда я убеждал себя: она ловчее и смелее меня, она непременно окажется в безопасности; потом я заклинал судьбу: только бы на ее долю не выпало страданий! Затем опять: только бы кончилась эта ночь, скорей бы она прошла! Один раз я попросил людей на минуту разрешить поставить мои вещи на их ящик, чтобы поправить спадавшее одеяло. Со мной

заговорил какой-то человек: «Вы ведь тоже еврей? Со вчерашнего дня я живу в вашем доме». Его звали Лёвенштам. Его жена дала мне марлевую салфетку, чтобы я перевязал лицо. Но повязка не держалась, и я использовал затем эту салфетку как носовой платок. Потом ко мне подошел молодой человек и заговорил на ломаном немецком: голландец, пленный (поэтому без ремня и без подтяжек), содержался в тюрьме полицай-президиума: «Чудом вырвался — остальные сгорели в тюрьме». Лил дождь, не унимался и штормовой ветер, я взобрался немного выше, до частично обрушившейся балюстрады, затем снова спустился вниз, чтобы защититься от ветра, дождь не проходил, земля стала еще более скользкой. Группы людей стояли и сидели, Бельведер горел, Академия художеств горела — повсюду был виден огонь. Я мало что соображал, на душе у меня было смутно. Я опять ни о чем не мог думать, всплывали лишь отдельные обрывки. Ева! Почему я так пассивен, почему я не тревожусь о ней непрерывно — почему не вглядываюсь в отдельные лица, а вижу лишь этот грандиозный картины огонь справа и слева, горящие балки, летящие клочки чего-то, охваченные ог-

нем стропила внутри каменных стен и над каменными стенами? Мое внимание привлек каменный памятник на террасе, он произвел на меня странное впечатление — кто это был? Но большую часть времени я стоял как в полусне и ждал, когда же начнет светать.

Очень поздно мне пришло в голову, что мои вещи можно зажать между ветками кустарника. Теперь мне было легче стоять и удерживать защищающее меня от непогоды одеяло. (Кстати, кожаный чемоданчик был вовсе не у меня, а у Евы; мне лишь почудилось, что он у меня, сумка и рюкзак и без него были достаточно тяжелы.) Неприятное ощущение, что моя рана возле глаза стягивается колючей коркой, постоянное удерживание одеяла, сырость — все это продолжало оказывать на меня одурманивающее воздействие. Я совсем потерял чувство времени: то мне казалось, что я стою здесь бесконечно долго, то, наоборот, что я здесь совсем недавно; тем временем небо на востоке чуть посветлело. Бесчисленные пожары продолжали бушевать. Справа и слева путь был по-прежнему перекрыт — я думал: не хватало мне еще теперь пострадать от какого-нибудь несчастного случая. Какая-то горящая башня

раскалилась до темно-красного цвета, высокий дом с башенками на Пирнаплац, казалось, вот-вот обрушится — правда, падения его я так и не увидел, — а горящее здание министерства на другой стороне реки выглядело ослепительно серебряным. Стало гораздо светлее; я увидел людской поток, движущийся по набережной Эльбы. Но я все еще не решался туда спуститься. Наконец около семи терраса — эта запретная для евреев Брюлевская терраса — почти опустела, и я прошел мимо все еще пылающего Бельведера и вышел к стене террасы. Там, прислонившись к стене, сидело много людей. Через минуту меня окликнули: Ева, целая и невредимая, восседала в шубе на своем кожаном чемоданчике. Мы приветствовали друг друга, наши чувства было трудно выразить; потеря всего, что мы имели, была нам совершенно безразлична и остается безразличной по сей день. В тот критический момент, когда меня прижало к стене в подъезде дома на Цойгхаусштрассе, Еву, в буквальном смысле слова, кто-то силой выпихнул из подъезда и принудил спуститься в подвал для арийцев. Она выбралась оттуда на улицу через окно и увидела, что оба «еврейских дома» —

№ 1 и № 3 – объяты пламенем. Она посидела немногого в подвале Альбертинума⁵, затем, сквозь сплошной дым, пробралась к Эльбе. В течение остальной ночи она сначала искала меня, главным образом возле Эльбы, поднявшись немного выше по течению; при этом она убедилась, что дом Тамма полностью уничтожен (вместе со всей нашей мебелью). Затем она сидела некоторое время в подвале под Бельведером. Один раз во время поисков, рассказала она, ей захотелось закурить, но у нее не было спичек; на земле догорало что-то крупное, она наклонилась, чтобы зажечь сигарету, и с ужасом отпрянула, увидев человеческий труп. В целом Ева держалась гораздо спокойнее и трезвее меня, она все подмечала и сама принимала решение, что ей делать и куда пойти, хотя, когда она вылезала из окна, развалилась оконная створка и доски, падая, задели ей голову. (К счастью, голова оказалась крепкой

⁵ Здание, названное в честь короля Альберта Саксонского; первоначально было построено как арсенал (1559–1563), затем неоднократно перестраивалось, а в 1884–1889 годах, после очередной реконструкции, там был открыт музей.

и на ней не осталось ни раны, ни царапины.) Различие между нами: она действовала и наблюдала, а я следовал своему инстинкту, следовал советам других людей и, в сущности, ничего не видел. Итак, наступило утро среды, 14.2. Главный итог — мы остались в живых и были вместе.

Едва мы с Евой обменялись первыми словами и приветствиями, как появился Айзенман с Жоржи на плечах. Остальных членов своей семьи он так и не нашел. Он был в таких расстроенных чувствах, что даже несколько раз принимался плакать: «Сейчас ребенок потребует завтрак — что я ему дам?» Затем он понемногу сумел овладеть собой. «Мы должны попытаться найти наших людей, — сказал он мне, — звезду вы должны сорвать, свою я уже сорвал». Ева сразу же вытащила свой перочинный ножичек и аккуратно спорола это украшение с моего пальто. Айзенман предложил пойти на еврейское кладбище. Оно, кажется, не разрушено и может служить сборным пунктом. Он быстро зашагал вперед, вскоре мы потеряли его из виду, и он навсегда исчез из нашей жизни.

Мы шли медленно, так как я тащил обе сумки, ноги и руки у меня отчаянно болели, мы прошли вдоль берега, пересекли Фогельвизе, поднялись и практически вышли из города в район предместий. Мы увидели, что и здесь целые ряды домов превратились в обгоревшие руины. Ниже, у самой реки, где двигались или расположились лагерем множество людей, из взрыхленной земли торчали бесчисленные длинные пустые гильзы от зажигательных бомб. Из многих домов на улице все еще вырывались языки пламени. Кое-где на дороге лежали мертвые, они казались такими маленькими рядом со своими узелками с одеждой. У одного мертвеца была снесена верхняя часть черепа и сверху голова была похожа на темно-красную чашу. Один раз нам на глаза попалась рука, от самого плеча, с бледной, красивой кистью; подобные муляжи из воска я видел в витрине парикмахерского салона. Металлические каркасы уничтоженных машин, сгоревшие дотла гаражи. Люди, живущие несколько дальше от города, видимо, смогли кое-что спасти; они везут на тачках постельные принадлежности и прочие полезные вещи, сидят у дороги на своих узлах и баулах. Между этими

обитаемыми островками, мимо трупов и обгоревших машин, движется непрерывный людской поток. Люди идут вверх по течению Эльбы, вниз по течению Эльбы, это походит на размежеванный, волнообразный людской поток на Корсо⁶. Мы решительно повернули направо — я предоставил Еве быть моим вожатым и плохо представлял, где мы, — и двинулись по направлению к городу. И здесь каждый дом — обгоревшая руина, и часто перед ней видишь людей с каким-то спасенным имуществом. Но при этом некоторые здания продолжают гореть вовсю. Никто их и не тушит, никаких следов пожарных не видно вообще. Ева подсказывает, где мы: «У ягненка», «Фюрстенплац». Я начал ориентироваться, лишь когда мы подошли к корпусам больницы. Наконец мы добрались до еврейского кладбища. От дома, в котором располагались покойницкая, траурный зал и еще маленькая квартирка Якоби, остались только

⁶ Название некоторых улиц в итальянских городах, где обычно проходит оживленное вечернее гуляние, разъезжают нарядные экипажи, непрерывно движется в обе стороны плотный людской поток.

внешние обгоревшие каменные стены без крыши, внутри которых виднелась голая земля, а в ней глубокая яма. Остальное было полностью уничтожено. Удивительно маленьким казалось теперь это пространство между стенами; непонятно было, как в нем помещались морг, довольно большой зал, квартира, да еще всякие подсобные боковые помещения. Я пошел вниз по аллее к сараю садовника, где так часто заставал Штайница, Шайна и Магнуса за игрой в скат. Многие надгробные камни и плиты были опрокинуты и даже отброшены в сторону, многие деревья сломаны, на многих могилах земля была взрыхленной, словно их пытались раскопать. (В одной из отдаленных кладбищенских аллей мы нашли обломок памятника, на нем можно было разобрать только одно слово... «Сара».) Сарай садовника был почти не поврежден, но нигде не было ни одного человека. Подвал на кладбище отсутствовал, невозможно представить, что стало с Якоби и его семьей...

Мы хотели было пойти на Борсбергерштрассе к Кацу, отчасти чтобы найти хоть кого-нибудь, отчасти из-за моего глаза, но на всех улицах громоздились развали-

ны и кучи строительного мусора, в воздухе было полно копоти, а отдельные дома еще горели. Когда в нескольких шагах от нас один из домов внезапно обрушился, взметнув кучи пыли, мы оставили свое намерение и повернули назад. Медленно, то и дело останавливаясь, совершенно обессиленные, мы побрали туда, откуда пришли, — к Эльбе. Там, как и прежде, в обе стороны двигался все тот же людской поток — то же столпотворение Корсо. Тогда мы решили поискать кого-нибудь на площади перед Цойгхаусштрассе — вдруг там найдется кто-нибудь из наших. Дом на Цойгхаусштрассе № 3 представлял собой лишь кучу обломков, от дома № 1 сохранился обращенный к улице передний опорный столб с кусочком стены, висевшим на нем, как на виселице. Это жуткое зрелище лишь усиливало картину всеобщего разрушения. Здесь тоже не было ни одного человека. Тогда мы решили расположиться на отдых у боковой, узкой стены Брюлевской террасы, с внешней стороны. Там мы нашли Вальдманов, Витковски и пожилую супружескую пару Фляйшнеров.

Вальдман хвалился, что лично спас из дома № 1 на Цойгхаусштрассе чуть ли не сорок человек, евреев

и арийцев, и что там никто не погиб. Он знал откуда-то, что супруги Штайниц и Магнус живы и здоровы, об остальных же он ничего не знал. На меня произвело странное впечатление, что обреченный на смерть, приговоренный врачами Витковски, как всегда живой и неугомонный, оказался среди немногих выживших.

На площади перед нами остановилась санитарная машина; ее окружили люди, возле нее лежали носилки с ранеными. На табурете у входа в машину санитар закапывал в глаза обращавшихся к нему с жалобами какие-то капли; жалоб на то, что задеты или повреждены глаза, было очень много. Моя очередь, однако, подошла довольно быстро. «Не бойтесь, папаша, я не сделаю вам больно!» — успокоил санитар. Уголком бумажного листка он вытащил из раненого глаза какую-то мусор, затем закапал довольно едкую жидкость. Испытав некоторое облегчение, я побрел обратно; через несколько шагов я услышал над собой зловещее, все усиливающееся жужжание быстро приближающегося и снижающегося самолета. Я подбежал к стене, теперь там лежало гораздо больше людей, чем раньше, и бросился на землю, уткнув голову в стену и положив лицо

на руки. Я лежал так некоторое время и думал: «Только бы не подохнуть теперь, после всего, что перенес!» Раздалось несколько отдаленных разрывов, затем все стихло.

Я встал на ноги, но не увидел Еву. Фляйшнеры уверяли, что только что ее видели; ничего катастрофического здесь не произошло, так что я особенно не волновался. Тем не менее минуло целых два часа, прежде чем мы снова встретились. Ева, как и я, при первом разрыве бомбы прилегла у стены, под ее прикрытием, но потом обнаружила подвал, расположенный у самой Эльбы. Я искал ее возле стены, затем вместе с Вальдманом мы зашли в Альбертинум, я оставил у стены свой, так сказать, адрес вновь появившемуся седоволосому старцу, которого застал оживленно беседующим с Вальдманом. Вальдман представил его: «Зять Лёйшнера». — «Ему нужно сказать, что вы и я раньше носили звезду». — «Теперь это уже неважно! Списки сгорели, у гестапо много других дел, а через две недели все, так или иначе, закончится!» Таково было твердое убеждение Вальдмана, которое он не раз повторял и в последующие часы. Лёвенштам и Витковски думали так

же. Зять Лёйшнера оказался человеком мирным, но не таким доверчивым. В течение ночи мы несколько раз беседовали с ним и на следующее утро, прощаясь, пожали друг другу руки.

Среди ночи, или даже к утру, ко мне подошел взволнованный Витковски: «Нас всех увозят отсюда в Мейсен и в Клоцше». Я разбудил Еву, которая к тому времени давно нашлась, она была согласна со мной, что надо ехать, но прошло некоторое время, прежде чем она была готова. Тут пронесся слух, что машина уже переполнена, но очень скоро подъедут другие. Мы остались сидеть на скамейке у входа в подвал — внутри было слишком жарко и душно. Мы выслушали историю молодого человека, который вместе со своим ведомством был доставлен сюда из Ченстоховы⁷, и здесь вся контора вместе с остатками его имущества была погребена под обломками. Сидеть нам пришлось долго, уже начало светать, когда подъехала новая машина. В нее внесли в первую очередь несколько носилок с ранеными, а нас, здоровых, плотно утрамбовали между

⁷ Город в Польше.

носилками и сзади. Когда мы ехали среди руин и пожаров, машину сильно тряслось. С моего места мне было мало что видно, но я услышал, что на другой стороне Альбертплац разрушено абсолютно все. Рано утром в четверг мы были доставлены на авиационную базу Клоцше.

Клоцше

15 февраля, четверг утром – 17 февраля, суббота вечером

В Клоцше я впервые задумался о наших потерях. Пропали все мои книги, все словари, мои собственные печатные сочинения, единственный машинописный экземпляр «XVIII века» и «Curriculum». Если в Пирне случится какое-нибудь несчастье, вся моя работа начиная с 1933 года будет уничтожена. В моем письменном столе лежали подобранные по порядку тексты для третьего тома моих избранных статей. В доме Тамма сгорели все отиски моих журнальных работ, публикаций из сборников, отдельных глав из книг и учебных пособий...

Все это, однако, тревожило меня не так уж сильно. «Curriculum» я, в конце концов, восстановлю по памяти, причем создам более сжатую и, возможно, более удачную редакцию. (В книге Перл Бак мне пришлась по душе одна фраза: «Потом она разорвала все свои наброски, чтобы можно было творить свободно».) Без конечно жаль мне было бы только подборки для «LTI».

Писковии

19 февраля, понедельник, вторая половина дня

Меня все время не оставляет мысль о грозящей мне двойной опасности. Опасность, исходящую от бомб и от русских, я делю со всеми остальными. Но опасность по имени *Stella*⁸ – только моя, и она неизмеримо страшнее других. Это началось в ночь террора, в ночь уничтожения Дрездена: сначала я прикрыл звезду одеялом. Утром Айзенман сказал мне: «Звезду вы должны сорвать, свою я уже сорвал». Я сорвал звезду с моего пальто. Вальдман успокоил меня: в этом хаосе, когда

⁸ Звезда (лат.).

все канцелярии и все списки уничтожены... Собственно, выбора у меня не было никакого: со звездой я был бы сразу отделен от других людей и уничтожен. За первым шагом неизбежно последовали другие. В Клоцше в списке прибывших стоит «Виктор Клемперер» senz' altro⁹. Сначала я назвал себя так из осторожности, потом, когда раздавали талоны на питание, мне пришлось расписаться. Затем мне понадобилось удостоверение для постановки меня на снабжение. Теперь уже в двух официальных учреждениях города Клоцше имелись мои точные данные и собственноручная подпись. Ева получила на меня даже карточку курильщика. Я расписался за нее дважды. Я сидел с Евой в ресторанах, ездил на трамвае и на пригородных поездах — за все это в Третьем рейхе полагается смертная казнь. Я все уговаривал себя: кто меня здесь знает, особенно если мы уедем подальше и окажемся вне компетенцииластей Дрездена. Каменц — это уже самостоятельная административная единица, Писковиц ему подчи-

⁹ Без всяких добавлений (итал.).

нен. В Писковице мы прежде всего спросили Агнес¹⁰, не рассказывала ли она кому-нибудь в городке, что мы... Ответ: никому! Молодой глава сельской администрации поинтересовался, почему мы выбрали именно Писковиц. Я: у нас долгое время жила и работала Агнес. «Ах, тогда вы, наверное, господин...» — «Клемперер». — «Вы не жили раньше где-то в другом месте?» — «Да, на Хоештрассе». — «Тогда у вас работала и Анна Дюррих?» Мы вынуждены были без колебания это признать и спросили, где сейчас Анна; оказалось, она вышла замуж и живет в Вене. Затем, при записи анкетных данных, прозвучал вопрос, который в Клоцше даже и не возникал: «Вероисповедание?» — «Евангелическое». — «Вы не еврейского происхождения или не смешанных кровей?» — «Нет». Прощание сопровождалось дружеским рукопожатием, но он сказал, что нам придется еще раз прийти к нему: уладить вопрос с продуктовыми карточками и ордером на получение

¹⁰ Девушка из лужицких сербов, много лет была домашней работницей в доме Клемпереров, а потом рекомендовала им других девушек из той же местности.

промтоваров, а также подать точные сведения о нашем имущественном положении и справку с прежнего места жительства о том, что мы пострадали от бомбёжки. В итоге я оказался так же близок к смерти, как и в ночь уничтожения Дрездена.

[Под чужими именами супруги Клемперер постарались смешаться с потоком людей, бредущих на Запад: с пострадавшими от бомбёжек, с беженцами с Востока, с пробирающимися домой солдатами разбитой армии. В баварской деревушке Унтербернбах 28 апреля 1945 года их окончательно освободили от власти нацистов вошедшие туда подразделения американской армии.]

5 мая, суббота утром, дом сельской администрации

[В деревушке Унтербернбах (Бавария) Клемпереры, безумно уставшие от скитаний, находили приют то у одних, то у других хозяев, пока им не посоветовали временно поселиться в опустевшем доме сельской администрации, откуда ушел его бывший хозяин и куда еще не пришли американцы.]

Прямо над нашим окном снаружи была прибита свастика — была, а на подголовнике — собственности войск СС — сегодня спал я, я, в то время как в нашей печке горел портрет Гитлера; несмотря на все трудности и *guai*¹¹ данного момента (коим очень сильно способствуют холод, дождь и раскисшие дороги), какая же радость жить!

9 мая, среда, первая половина дня

Электричества, а с ним и радио, ожидают с часу на час. Пока безрезультатно... Здешний владелец мельницы, по прозвищу Цыплятник, имеет собственный источник энергии. От него и распространилось как достоверное, якобы переданное по радио сообщение: вчера, 8.5, в три часа ночи была подписана полная капитуляция, с выдачей всех больших и малых подводных лодок; с немецкой стороны ее подписал адмирал Дё-

¹¹ Горести (итал.).

ниц¹². «Но с русскими что-то не сходится, о русских там ничего не сказано», — добавил к этому Асам¹³. Он тоже немножко поверил в разговоры о предстоящей войне Советов и США.

Летчики, которые вчера проходили мимо деревни группками по три человека, медленно и по возможности забираясь поглубже в лес, сказали нам, что они с транспортных самолетов. Характерно, что мы больше от них не прячемся, даже не испытываем страха,

¹² Карл Дёниц (1891–1980), гросс-адмирал; с 1943 года главнокомандующий военно-морским флотом Германии. Перед тем как покончить с собой, Гитлер назначил Дёница президентом рейха, главнокомандующим вооруженными силами и военным министром. 23 мая 1945 года Дёниц был захвачен в плен союзниками; позже он предстал перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге и был осужден на 10 лет. Капитуляции Дёниц не подписывал. 7 мая 1945 года капитуляцию перед союзниками в Реймсе подписал с немецкой стороны генерал Альфред Йодль, а 9 мая в Берлине акт о безоговорочной капитуляции Германии подписал фельдмаршал Вильгельм Кейтель.

¹³ Зять зажиточного крестьянина Фламенсбека, 24-летний бывший солдат, раненный пять раз.

но при каждом появлении или упоминании самолета вспоминаем пережитый ужас.

10 мая, четверг, первая половина дня

Сегодняшний день я начал с колки дров, чтобы обеспечить нам наконец большой запас. Фламенсбек дал мне взаймы свой топор, а в подвале лежит солидное количество стропил для крыши. Еще там имеется огромная, тяжелая доска, точнее, газетный стенд для

«Штюрмера» с лозунгом: «Евреи — наше несчастье!» Этот стенд я расколол бы с особенным удовольствием (Полиевкт!¹⁴), но боюсь, силенок не хватит.

[После ряда утомительных пеших переходов Ева и Виктор Клемперер в июне 1945 года вернулись в разрушенный Дрезден.]

¹⁴ Герой трагедии Пьера Корнеля «Мученик Полиевкт» (1643); перейдя в христианство, он разбивает статуи богов своего города.

Свидетельство и предупреждение

Ибо человек не знает своего времени. Как рыбы попадаются в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них.

Екклесиаст, 9:12

Виктор Клемперер стал известен нашему читателю совсем недавно — после выхода в свет перевода его книги «LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога», которую в России напечатали лишь спустя полвека после первого издания. Автор ее — филолог, специалист по романской литературе. Он родился 9 октября 1881 года в небольшом городке Ландсберге, который после 1945 года отошел к Польше. В начале

90-х годов прошлого века семья переехала в Берлин, где его отец занял пост проповедника в еврейской реформированной общине. Виктор Клемперер получил образование в университетах Мюнхена, Женевы, Парижа и Берлина. С 1905 по 1912 год он жил в Мюнхене и зарабатывал литературным трудом. Важная веха на его сложном духовном пути — принятие в 1912 году протестантизма.

После защиты докторской диссертации Клемперер занялся научной и педагогической деятельностью. Во время первой мировой войны он добровольцем ушел на фронт. По окончании войны — снова преподавание в Мюнхенском университете, а затем — на кафедре романистики в дрезденском Высшем техническом училище. Именно оттуда в 1935 году он был уволен за еврейское происхождение.

С этого момента начинается новая полоса жизни Клемперера — невыносимо мучительная, но и победоносно творческая. Благодаря жене-«арийке» — пианистке Еве Клемперер — он не погиб, как миллионы его соратников, в газовой камере. Ему была дарована унизительная, но жизнь: в 1940 году он вместе с же-

ной был принудительно переселен из собственного дома в один из дрезденских «еврейских домов», работал на картонажной фабрике, а в феврале 1945-го супругам удалось спастись, затерявшись в людском потоке и сбежав из Дрездена, обращенного в руины жестоким налетом союзнической авиации.

В Германии послевоенной Клемперер становится активной фигурой в комиссии по денацификации. Он возвращается к преподавательской работе, печатает научные труды — в частности, первый том «Истории французской литературы XVIII века», посвященный Вольтеру, издать который он уже и не надеялся. Он вступает в Компартию Германии — факт, который, по-видимому, надолго, до 1995 года, отодвинул публикацию дневников Клемперера на Западе (а записи эти он с риском для жизни своей и своей жены вел в течение всего нацистского господства). Он наконец издает «LTI», где — параллельно с дневниками записями — размышляет о том, как нацистская чума сделала немецкий язык орудием духовного порабощения целого народа. Непосредственные лингвистические наблюдения обнажают клише и стереотипы гитлеров-

ской пропаганды — лживой, агрессивной, ядовитой, всепоглощающей. И в гостях (а дружеское общение искажалось и иссякало на глазах), и на улице, где он все чаще слышал оскорбительное улюлюканье, и в лицо, и в спину, и в транспорте, пользование которым становилось для еврея до предела ограниченным, и в кафе (большинство из них загородились вывеской «Евреи нежелательны»), и читая газеты или слушая радио, — филолог все чаще и острее ощущал напор единообразной, угрожающе-бодряческой, смертоносной речи, которая была призвана исключить самостоятельную мысль. «Рабское убожество униформированного языка»¹ — так определяет Клемперер доминанту уродливого феномена. Характерно (предупреждение нам сегодняшним!), что этому предшествовало богатейшее стилевое цветение Веймарской республики, разом прекратившееся в 1933 году. Повсеместно воцаряется язык, «который сочиняет и мыслит за тебя»².

¹ Клемперер В. LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 33. Перевод А. Григорьева.

² Там же. С. 40.

«Записная книжка филолога» – нечто гораздо большее, нежели гуманитарное исследование. Она остерегает и современную интеллигенцию России от гибельности политических иллюзий и легкомысленной пассивности, когда трусость выдается за брезгливость, а также от самой фашистской угрозы, которая таится и в нынешней социополитической структуре. Даже Клемперер – личность безусловного мужества и редкой проницательности – долго отмахивался от надвигающегося ужаса: от свастики, «от витрин, плакатов, коричневой униформы, знамен, жестов нацистского приветствия, аккуратно подстриженных усиков а-ля Гитлер»³. Не так ли и мы нынче, в конце XX века, отмахиваемся от неофашистских митингов посреди новой (новой ли?) России, от открыто продающихся на прилавках томиков «Майн кампф», от молодцеватых боевиков со свастикой, от разгромленных в центре считающей себя цивилизованной и демократической страны синагог, от того, что выдающегося православного священника-«инородца» убивают средь бела дня,

³ Там же. С. 21.

или от того, что некий генерал на официальном митинге свободно орет про «жидов», коих необходимо уничтожить?

Современный немецкий писатель Мартин Вальзер написал в 1979 году статью, название которой стало крылатым: «Освенцим — и несть ему конца». В ней он, в частности, утверждает, что «достаточно одного взгляда на Освенцим, и каждый должен будет признаться, что мы со всем этим не разделались. Все равно, как ты с этим поступишь, но переложить свой долг на чужие плечи ты не сможешь. Не сможешь справиться с этим. Насилие исходило от тебя и теперь возвращается к тебе. Недостаточно задавать вопрос родителям или прародителям: как оно свершалось? Теперь надо спрашивать только с самого себя»⁴.

Здесь не только очерчена проблема «немецкой вины» — здесь поставлен вопрос метафизически-универсальный. Мы все виноваты, мы все и нынче должны спрашивать только с самих себя.

⁴ Каталог выставки Москва–Берлин, 1900–1950.

Мюнхен–Нью-Йорк–Москва, 1996. С. 463. Перевод В. Клюева.

Однако вернемся к Клемпереру, в Германию, в начало 30-х. Монстр фашистской диктатуры неумолимо приближается, но ученый все еще остается незрячим: он с головой уходит в историко-филологическую работу, ограждая себя от мерзкой действительности. Он беседуете далекими от современности французскими просветителями, наслаждаясь уютом старинной библиотеки.

И лишь когда высоколобый филолог лишился работы, библиотеки, привычного уклада и жилья, язык свершающейся на глазах трагедии полностью привлек все его творческие и гражданские интересы. Он — отныне изгой с нашитой на грудь шестиконечной желтой звездою — стал фиксировать приметы речи, плавающей, по его выражению, в густом коричневом соусе. «Все, — писал Клемперер в позднейшем комментарии к своим штудиям, которые он сравнивал с балансиром в руках у человека, идущего над бездной по канату, — и сторонники, и противники, и попутчики, извлекавшие пользу, и жертвы — безвольно руководствовались

одними и теми же клише»⁵. Так была создана книга «LTI».

Теперь перед российским читателем новая (не менее сильная, важная, насущная) книга Клемперера: его дневники, охватывающие период начиная с прихода Гитлера к власти и кончая крахом позорного режима, причем позорного не только для Германии, но и для всего мира — «оползнем века»⁶ назвал Томас Манн этот режим в одном из писем.

Сам жанр дневника как документально-художественной хроники стал в XX веке чрезвычайно популярным и авторитетным. В центре этого жанра одновременно находится и человек «частный», и «исторический», когда простота повествования (при условии, что дневник ведется хроникером одаренным и профессионально ориентированным) лежит в сфере искусства.

«Дневники» Франца Кафки говорят нам о трагедии индивидуальности, брошенной в поток немилосерд-

⁵ Клемперер В. LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. С. 21.

⁶ Манн Т. Письма. М.: Наука, 1975. С. 59. Перевод С. Апта.

ной истории, ничуть не меньше, нежели его художественные полотна.

«Дневник Анны Франк», поразивший мировую читательскую аудиторию несколько десятилетий назад, сообщает нам о преступлениях фашистской диктатуры в Европе больше и выразительнее, чем тома исторических исследований и беллетризованных романов. Как писал в предисловии к первому русскому изданию этой книги Илья Эренбург: «Евреи пытались скрыться, прятались в ямах, в заброшенных шахтах, в щелях городов; дни, месяцы, годы они ждали расправы. Шесть миллионов были удушены в газовых камерах, расстреляны в ярах и на фортах, обречены на медленную смерть от голода. Они были отделены от мира стенами гетто, колючей проволокой концлагерей. Никто не знает, что они думали и чувствовали. За шесть миллионов говорит один голос — не мудреца, не поэта — обычновенной девочки»⁷.

Теперь же к голосу ребенка присоединяется именно голос мудреца, философа, психолога, ученого. И ес-

⁷ Дневник Анны Франк. М.: Прогресс, 1960. С. 6–7.

ли в «LTI» Клемперер погружается в лингвистическую материю нацизма, то в «Дневниках» нам явлена его злокачественно-бытийная плоть, будничная и тем более ужасающая.

В отличие от девочки Анны, Виктор Клемперер с самого начала ощущает свой дневник как акт сознательного выбора и как вклад в формирование будущих времен. «Необыкновенно важны именно детали такой эпохи!.. Я все должен записывать сейчас, должен, как бы это ни было опасно. В этом мое профессиональное мужество». И еще: «Я продолжаю писать. Это — мое геройство. Я хочу свидетельствовать, хочу оставить точное свидетельское показание».

Автор дневника — и впрямь мужественный, героический профессионал. Недаром на протяжении всего дневникового повествования он как прозаик отмечает для себя существенные особенности жанра: «Я хочу до последнего момента продолжать наблюдать, записывать, анализировать». В одном месте проскальзывает ценная мысль, что подобный дневник есть разновидность мемуаров (этаких воспоминаний сразу — без дистанции во времени), которые, скорее

всего, не смогут быть написаны. Размышляет Клемперер не только об особенностях жанра вообще, но и о структуре дневника — о фильтрующем отборе фактов: «Я записываю только самое ужасное, фрагменты безумия, в которое мы все погружены». Как видим, документально-частная проза Клемперера вплотную граничит с художественно-обобщенной.

Лидия Гинзбург (ее «Записки блокадного человека» родственны «Дневникам» Клемперера: то же терпкое сочетание вольного эмпирического месива и строгого анализа) аттестовала подобную дневниковую личность так: «Это человек суммарный и условный (поэтому он именуется Эн), интеллигент в особых обстоятельствах»⁸. Клемперер везде пишет о себе «я», но авторский образ куда шире: он именно суммарен и историчен, он представляет за многих, он — единственный незапрограммированный крик из хора, кему (всем!) кляпом заткнули рот.

⁸ Гинзбург Л. Человек за письменным столом. Л.: Советский писатель, 1989. С. 520.

Записи Клемперера лишь на взгляд поверхностный могут показаться то хаотичными, то легкомысленными. Он фиксирует и страшные знаки сгущающегося тоталитаризма, такие, как свастика или звезда Давида на груди, и — рядом — оплакивает любимого котика, либо сетует на отнятые водительские права, либо радуется внезапно выпавшей, как дар, нищей вечеринке или неподнадзорной прогулке, либо с откровенным физиологизмом описывает собственную усугубляющуюся немощь, подробно рассуждает о доме, о саде, о хворях жены. А также о непрестанной слежке, доносах, допросах, обысках, провокациях. Порою подобные перепады представляются нарушением моральной иерархии, но в том и сила дневника как литературного жанра, что он зеркально повторяет естественные перепады внутри экстремального жизненного опыта. Как не вспомнить поразившую многих запись Кафки в дневнике от августа 1914 года, за которую его посмертно даже упрекали (дескать, для него личный быт равнозначен началу опустошительной бойни): «Германия объявила России

войну. — После обеда школа плавания»⁹. На самом деле запись эта поражает честностью и психологической точностью. Сплав огромного и малого, универсального и приватного, исторического и сиюминутного и есть прерогатива талантливой дневниковой прозы, вряд ли в равной степени доступной писателю-беллетристу.

Чем дальше, тем интенсивнее на страницах дневника сгущается лексика ужаса и безумия: запуганность... отчаяние... все дрожмя дрожат... настроение всеобщего страха... мысли о смерти... отвращение... самоубийство... глубочайшая депрессия... Слова этого ряда становятся доминантой дневниковых записей Клемпера, их все более темным колоритом. Слова другого, параллельного ряда, пронзающие клемпереровские записи, — это террор... насилие... ужасающее лицемерие... безнравственная психология рабов... Несмотря на тотальный пессимизм словаря, «Дневники», как ни странно, заряжают энергией сопротивления — сопротивления языку и мышлению рабов, ориентированному на припадочного фюрера. Лексический трепет

⁹ Кафка Ф. Дневники. М.: Аграф, 1998. С. 232. Перевод Е. Кацевой.

и ужас записей Клемперера — его личный вызов нацистскому стереотипу (определенному опять же в одном из писем Томаса Манна так: «ненависть, месть, подлая страсть к убийству и мещанское убожество души»¹⁰). Стилевой и душевный стержень «Дневников»: я ужасаюсь — стало быть, я существую!

В этой книге наряду с конкретными деталями (стали продавать зубную пасту со свастикой, а в магазине игрушек появился мячик с тем же дьявольским знаком) читатель обнаружит важнейшие нравственные проблемы, если не решенные автором до конца, то поставленные с предельной остротой.

Почему интеллигенция (в том числе и еврейская) так долго мирилась с навязанным ей, абсолютно ненормальным и неприемлемым порядком вещей, ссылаясь на то, что политика — всегда грязь, что превосходство в политике внешней стоит внутренних жертв и издережек, что Гитлер — не диктатор, а лишь «упроститель демократии», к тому же благотворно противостоящий коммунистической угрозе? Кстати, в этой точке возни-

¹⁰ Манн Т. Письма. С. 53.

кает тема, весьма важная и болезненная не только для самого Клемперера на гребне его трагедии, но и для нас, его сегодняшних читателей. Еще в ноябре 1933 года он, личность, наделенная глубокой исторической интуицией, записывает: «Вся Германия предпочитает коммунистам Гитлера. А я не вижу особого различия между этими движениями, оба насквозь материалистичны и оба приводят к рабству». И спустя несколько дней: «Для меня в конечном итоге национал-социализм и коммунизм тождественны: оба материалистичны и склонны к тирании, оба презирают свободу духа и индивида». Можно лишь восхищаться Клемперером, так рано отказавшимся от левых иллюзий (коих не избежали в эпоху «красных тридцатых» многие самые талантливые и искренние из европейских интеллектуалов) и столь четко высказавшим мысль, актуальную и ныне, когда неокоммунисты в первую очередь российские — смыкаются с неофашистами.

Интересно, как клемпереровское размышление перекликается с эссе Умберто Эко «Вечный фашизм», написанным полвека спустя и окончательно перечеркивающим ложную оппозицию: гитлеризм — сталинизм.

«Дело в том, что «Майн кампф» — манифест целевой политической программы. Немецкий фашизм (нацизм) включал в себя расовую и арийскую теории, четкое представление об entartete Kunst — коррумпированном искусстве, философию державности и культ сверхчеловека. Он имел четкую антихристианскую и неоязыческую окраску. Точно так же сталинский диамат был четко материалистичен и атеистичен. Режимы, подчиняющие все личностные проявления государству и государственной идеологии, мы зовем тоталитарными: немецкий фашизм и сталинизм — оба тоталитарные режимы»¹¹.

Виктор Клемперер пришел к тем же выводам на заре исторического преступления, корни которого не выкорчеваны по сию пору. Другое дело (нельзя не констатировать это с болью), что после разгрома гитлеровской Германии Клемперер в коммунистическую партию — вопреки своему априорному знанию — всту-

¹¹ Эко У. Пять эссе на темы этики. С.-П.: Symposium, 1998. С. 33–34.
Перевод Е. Костюкович.

пает. Но это уже иные дни, иные дневники, иные компромиссы (или иные, позднейшие, иллюзии).

Вернемся, однако, к проблемам, в «Дневниках» Клемперера намеченным и с жесткой отвагою толкающим читателя на самостоятельные раздумья. Автор постоянно апеллирует в своих записях к здравому смыслу и гуманности немцев, порою порицая их за непротивление злу, свершаемому от их же имени, и за сервеллизм, а порою обращая острье критики даже против самого себя: «Большинство народа довольно, небольшая часть считает Гитлера наименьшим злом, никто не хочет в действительности от него избавиться, но все видят в нем освободителя на ниве общей политики и все панически боятся «русских обстоятельств», как ребенок боится «черного человека»: эти люди считают — в той мере, в какой они опьянены гитлеровским хмелем, — что с точки зрения реальной политики несвоевременно возмущаться из-за таких мелочей, как подавление буржуазных свобод, преследование евреев, фальсификация всех научных истин и систематическое разрушение всякой нравственности. И все испытывают страх за свой кусок хлеба, за свою жизнь,

все так ужасно трусливы! (Имею ли я право их в этом упрекать? Я, который в последний год моей службы принес клятву в верности Гитлеру: я, который остался в этой стране, — я, право же, не лучше, чем мои арийские соотечественники.)» Эти самобезжалостные скобки многого стоят!

Весьма важны соображения Клемперера относительно того, как нацизм с его звериным антисемитизмом убивает в нем его доподлинную немецкость и как он до последнего внутренне борется «за свою немецкую самобытность» (любопытно сравнить эту борьбу с констатацией той же психологической дилеммы у Анны Франк, выражаемой с детским простодушием: «И я тоже когда-то принадлежала к немцам. Но Гитлер давно объявив нас лишенными гражданства. Да, большей вражды, чем между такими немцами и евреями, нигде на свете нет!»¹²). Здесь Клемперер в рамках самоанализа обнажает лабиринты человеческой природы — национальной, общечеловеческой, индивидуальной, всеобщей. «Я гораздо больше ощущаю стыд, чем

¹² Дневник Анны Франк. С. 74. Перевод Р. Райт-Ковалевой.

страх, — записывает он в дневнике, — стыд за Германию. Я, в самом деле, всегда прежде чувствовал себя немцем». С той же непростой самоидентификацией связаны и мысли о том, как антисемитизм истребляет в своих носителях человеческое. Колossalной силой обладают те записи, в которых Клемперер почти жалеет юное поколение гитлеровцев («юнгфольк»), а по-просту говоря мальчишек, бегущих за ним, человеком с желтой звездой, и орущих вслед дикие проклятия: «Убить! Старый еврей! Сволочь!» Они — тоже жертвы нацизма¹³.

¹³ Есть табу, нарушения которых уничтожают и самого нарушающего — как личность, так и целые общности. Антисемитизм губителен для антисемита — такова мистика и логика мировой истории. Посему цивилизованная власть обязана на корню пресекать вспышки неофашизма, не только соблюдая права человека, которого оскорбляют и гонят, но и дабы сохранить от распада «коренную нацию». Так и в нашей стране: любой новый погром глобально уничтожит погромщика, не оставив за ним даже светлой сочувственной памяти, как за жертвой. Это — сноска, неизбежная при чтении Клемперера.

Виктор Клемперер, помимо всего прочего, замечательный прозаик. Он мастерски владеет искусством реалистического гротеска: чего стоит описание одежды — носки с погибшего товарища по несчастью, костюм с самоубийцы как образчик одеяния среднего еврея из Третьего рейха. Его дневниковая хроника полна подобных нефорсированных метафор и символов.

Ведущий образ этого творения (а дневники Клемпера хочется назвать именно таким, чуть высокопарным, словом) — Ева, жена автора, которая являет собою личность настолько жертвенную, стойкую, сильную, что — несмотря на весь драматизм общего и частного контекста — вносит в эту странную документальную прозу ноту мажора. «Ты не арийка, ты — еврейская шлюха», — клеймили ее эсэсовцы. А она — с полуразрушенной плотью и психикой — находила в себе силы поддерживать « униженных и оскорбленных », прятать и спасать под гестаповскими дулами крамольные тетради мужа, верить из последних сил в лучшие грядущие времена.

Поистине этот дневник и о том, сколь «непостижимы человеческие способности все выносить и ко всему

привыкать». Этот дневник — об ответственности частного человека за историю, о непоправимости наших сделок с совестью, о том, что личность даже в условиях инквизиционных способна сохраняться, противостоять массовому безумию.

Конечно же, через весь дневник проходит «еврейский вопрос», который Клемперер не столько пытается решить теоретически, сколько во внутренних мечтаниях и страданиях проживает. Лишь однажды он высказывается в этой связи категорично и однозначно: «Решение пресловутого еврейского вопроса состоит лишь в освобождении от тех, кто изобрел этот вопрос».

И впрямь — другого выхода нет. Позволим себе вновь обратиться к эссе выдающегося современного писателя и мыслителя Умберто Эко, предложившего термин «ур-фашизм», коим можно обозначить это неизжитое явление вне его временных, пространственных и национальных различий. Итальянец Эко, как и его предшественник немецкий еврей Клемперер, полагает, что сам фашизм (и его центральная ипостась — антисемитизм, наряду с преследованием цыган, представителей сексуальных меньшинств и людей умственно неполно-

ценных), а также теоретизация, оправдывающая то, что оправданию не подлежит, и неоказание помощи — все это требует адекватной кары. «Сталкиваясь с нестерпимыми поступками, надо иметь смелость изменять правила, включая и законы, — пишет Эко. —...Фашизм и уничтожение евреев обусловили изменение порога нестерпимости. Геноцидов история человечества видела немало, и более-менее мы как-то примирялись со всеми. Мы были слабы, мы были варвары, нам было неведомо, что делается за десять километров от нашего хутора... Но вот геноцид оформился в научную теорию, теория воплотилась в практику, к обществу обратились за поддержкой этой теории, в том числе и за поддержкой философской, и теория стала пропагандироваться в качестве образца для всей планеты. Спаслось от этого удара только наше моральное чувство, в то время как были затронуты и наша наука, и наша культура, и наши представления о добре и зле. Затронуты, поражены и почти обнужлены. Невозможно не реагировать на подобный вызов. А реагировать можно, лишь сделав все, чтобы не только непосредственно после преступлений, но и через пятьдесят лет,

и в будущий век, и во веки веков то, о чем мы говорим, воспринималось как нестерпимое»¹⁴.

«Дневники» Виктора Клемперера 1933–1945 годов — свидетельство обвинения на суде истории, который в XX веке не завершен.

Вот одна из многочисленных и разнообразных деталей этой хроники: в 1933 году в цивилизованной Германии посреди Европы у входа в студенческое общежитие был повешен плакат: «Если еврей пишет по-немецки, он лжет». Авторы плаката ошиблись. Еврей Виктор Клемперер, писавший драму своей жизни по-немецки, не лгал. Лгали их плакаты, призывы, вывески, газеты, флаги. «Дневники» Клемперера и сегодня несут нам редкую и резкую правду о нацистской Германии, о коммунистической России, об истории XX столетия, о загадках и закономерностях человеческого бытия, о нас с вами.

Татьяна Бек

¹⁴ Эко У. Пять эссе на темы этики. С. 89–90.

Клемперер В.

Свидетельствовать до конца: Из дневников 1933–1945:
Пер. с нем. Е. Маркович / Послесл. Т. Бек. — М.: ОАО
Издательская группа «Прогресс», 1998. — 240 с.

Дневники немецкого профессора-филолога Виктора Клемперера (1881–1960) — уникальный исторический документ своего времени, дающий наиболее полное представление о будничной реальности национал-социализма.

ISBN 5-01-004634-2 ББК 84.4Г

**Виктор Клемперер
Свидетельствовать до конца
Из дневников 1933–1945**

Художественный редактор А. Никулин
Технический редактор В. Ничипорук
Корректоры В. Евтюхина, О. Косова